

ВЕЧЕ

ВЕЧЕ

27

1987

27

Вече

Независимый русский альманах

27

Седьмой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1986

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ СЕГОДНЯ

- М. Рузин - Покаяние 5
М. Назаров - «Новый мир»: наш лозунг -
„печатать то, что не печатает никто“. 13

САМИЗДАТ

- В. Осипов - Письмо Н. И. Рыжкову 28

Трибуна «Вече»

- В. Вулич - Роман без героя 31
Е. В. - Еще штрих к обличью
Натана Эйдельмана 57

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

- А. В. Карташев - Единство России 61

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

- П. Палий - „Красный Крест“ и
„Серп и молот“ 69

РУССКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- Кн. Н. С. Трубецкой - Европа и человечество 89

ИЗ ЗАБЫТОГО ПРОШЛОГО

- Л. Рубанов - Корнет Савин 115

ПЕРЕПИСКА: ЭЙДЕЛЬМАН - АСТАФЬЕВ

- Н... Н... - Преступление лорда Артура Невилля 133

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Декларация года скорби и непримиримости	141
О. Бирюков - Один номер „русской“ газеты	145

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вместо рецензии. (В. Степанов „свидетельство обвинения“)	157
Вл. Симанский - Правда о масонах	165

НАМ ПИШУТ	191
-----------	-----

ПИСЬМО РАДИО «СВОБОДА»	203
------------------------	-----

РОССИЯ СЕГОДНЯ

М. Р у з и н

П о к а я н и е

В 1933 году, когда коммунистическое правление России привело к таким страшным последствиям, как голод, миллионы убитых, упадок культуры, известный мыслитель-эмигрант Георгий Федотов горько восклицал:

„Почему Россия – христианская Россия – забыла о покаянии? Я говорю о покаянии национальном, конечно. Был ли когда-нибудь христианский народ, который перед лицом исторических катастроф не видел в них карающей руки, не сводил бы счеты со своей совестью! На другой день после татарского погрома русские проповедники, оплакивая погибшую Русь, обличали ее грехи...“ А теперь „в России не нашлось пророческого обличающего голоса, который показал бы нашу вину в нашей гибели. Это бесчувствие национальной совести само-по-себе является самым сильным симптомом болезни...“ («Новый град» №6, 1933 г.).

Так писал Федотов в те жуткие годы. Но он был, конечно, не совсем прав: голоса покаяния в России были, только они не доносились до Запада. Первыми услышанными стали голоса писателей после смерти Сталина,

и наиболее сильным среди них зазвучал голос Солженицына. Однако, несмотря на искренний порыв общества, партия оказалась не готова вскрыть и отсесть гнойники прошлого. Слишком много тогдашних ее вождей были лично ответственны за преступления перед народом. Даже в литературе было дозволено лишь пунктирное обозначение размеров – не причин – трагедии страны. Откровенные размышления о покаянии как выходе из тупика Солженицын мог напечатать только в самиздатском сборнике „Из-под глыб“.

Сегодня, с приходом к власти поколения, лично не ответственного за кровавое становление режима, тема покаяния начинает вновь появляться в официальных изданиях. Поводом для этого стал вышедший на экраны в конце 1986 г. фильм Тенгиза Абуладзе, который так и называется – „Покаяние“.

О фильме уже много писалось и в СССР, и в эмиграции, и в западной печати; его посмотрели все, кто интересуется происходящим в стране, кто стремится участвовать в ее жизни. Поэтому не будем пересказывать содержание фильма, обратим внимание на отзывы, связанные с темой нашей статьи.

Преобладающие отзывы о нем – что это фильм, разоблачающий сталинщину. Более строгие критики добавляют, что фильму Абуладзе, однако, далеко до той степени откровенности, которая была в „Одном дне Ивана Денисовича“. Но нам кажется, что замысел режиссера был иной: не разоблачить в очередной раз сталинщину, а показать ее непреодоленность в нашей жизни. Этот замысел отражен не только в симпатиях к диктатору у многих персонажей фильма, но и в его последних кадрах: оказывается, все происходящее героиня фильма себе лишь вообразила.

Каждый вправе выносить свою оценку поступкам этой женщины, давшей обет снова и снова выкапывать из могилы труп диктатора. Или поступку сына, выбрасывающего на растерзание воронам тело родного отца... В этой связи Лидия Графова в «Литературной газете» от 23

апреля 1987 г. затрагивает проблему мести: „Неужели смысл очищения, которого мы так жаждем, просто в том, чтобы отомстить душителям правды прошлых и нынешних времен?.. Без покаяния не наступит очищение. Нам дан шанс. И если не прозреем сейчас, то когда же?“

Но эти поступки героев – символика. Смысл фильма в том, что нельзя оставить преступное прошлое в глубинах истории. Нельзя засыпать его, словно неприкасаемый саркофаг, слоями победных свершений и толщами новых, воспитанных в незнании прошлого, поколений. Покуда оно не будет безжалостно вскрыто, разоблачено и отсечено – его яды будут проникать в настоящее и будущее. Оно будет мстить в следующих поколениях. Именно это непреодоленное прошлое – в символическом образе ружья, подаренного диктатором своему внуку, – убивает его, чистого и не причастного к дедовским преступлениям юношу.

Не в силах перенести стыд за свою семью, за продолжающуюся ложь, внук кончает с собой. Множество других его сверстников, из-за этой всеобщей лжи, приходят к крушению идеалов, к цинизму, – от чего лишь один шаг к новому витку жестокости. Заставляет об этом задуматься и проза писателей-„почвенников“, и обсуждение темы молодежной преступности в советской печати.

„Нас беспокоит судьба молодежи, – пишет Булат Окуджава в „Московских новостях“ от 31 мая 1987 г. – Но кто как не мы во всем этом виноваты? Это наша вина. Мы должны открыть свое прошлое, покаяться. Если мы найдем в себе мужество это сделать, тогда и молодежь будет другая... И тогда можно говорить о высоте, духовном здоровье народа, крепости и мудрости государства. В традиции покаяния, которая издавна существовала в народе, – большой смысл“.

Булат Окуджава не разъясняет этого смысла. Сделаем это мы.

Покаяние – слово не из коммунистического лексикона. Ленин относил его, вместе с милосердием, к набору недостатков мякотелой, так называемой „гнилой“ интел-

лигенции. Понятие покаяния - христианское. Это моральный акт победы над собственным грехом, это духовное воскрешение больной совести, восстановление внутренней гармонии духа. Никакое раскаяние, конечно, не может сделать бывшее небывшим. Но оно, как писал покойный русский философ Сергей Левицкий, - „освобождает нас от самого тяжелого вида рабства: рабства у собственного прошлого“. А священник Павел Флоренский определял покаяние - этот „таинственно-освобождающий переворот“ в жизни человека, - такими словами: „...греховное прошлое теряет свою определяющую силу, как бы выбрасывается из души, становится чуждым человеку“.

Акт подлинного покаяния достигает своей цели лишь при абсолютной искренности перед собой. И лишь при ощущении своего греха перед независимо от нас существующим, высшим моральным законом - только так и можно каяться. В этом смысл церковного таинства исповеди как очищения души перед Богом.

Надо ли говорить, что коммунистическое учение, отвергающее и Бога, и абсолютность морали, объясняющее ее социально-биологическими факторами, не вмещает в себя такой духовной полноты раскаяния. В моменты вынужденных признаний отдельных своих преступлений партия стыдливо называла их „перегибами“ (то есть поступали в принципе правильно, но „чересчур старались“...). А о десятках миллионов жертв цинично говорилось: „Лес рубят - щепки летят...“ Даже на своих XX и XXII съездах партия не поднималась до целительной высоты покаяния, ибо взваливала ответственность на одно лицо - вопреки марксистскому же толкованию роли личности в истории.

Сейчас „перегибов“ признано в советской печати столько, что все время после ленинского НЭПа выглядит как один сплошной „перегиб“. Но вина за него опять возлагается не на партию, а на „сталинщину“. И не только потому, что коммунистическое мироощущение, дающее право на насилие, несовместимо с покаянием. За 70 лет в братскую могилу коммунизма уложено столько жертв, что

покаяние в содеянном – равносильно признанию бесчеловечности самой системы. А конкретно – это значит поставить под сомнение претензии такой партии на водительство народа.

Нельзя не приветствовать, конечно, обещание Горбачева, что не будет больше белых пятен в советской истории. Можно как-то понять и то, что он отодвигает это обещание на будущее, говоря писателям: „Если бы мы начали заниматься прошлым, мы бы всю энергию убили. Мы бы столкнули лбами народ... все у нас впереди“.

Положим, столкнули бы лбами не народ, а номенклатуру, но ладно. С рационально-политической точки зрения в этом есть доля истины: процесс перемен требует своей прагматической, хотя и не всегда морально безупречной, логики. Но этот аспект касается, скорее, революционного прошлого, с которым связаны проблемы легитимации самой власти партии. Почему же у ее представителей столь мало заметно желание покаяться в недавних несправедливостях, что не подорвало бы основы власти, а наоборот – укрепило бы ее международный авторитет?

Вместо того, чтобы реабилитацией политзаключенных загладить свою вину перед ними – партия требует покаяния **от них**. Вместо того, чтобы признать нечестность своей недавней внешней политики – партия обвиняет в агрессивности тех, кто из-за этого потерял к Советскому Союзу доверие. И всем этим она продолжает подрывать его.

Чем больше времени проходит с периода так называемого брежневского „застоя“, тем труднее новому руководству воспользоваться удобной ситуацией, чтобы свалить на Брежнева как можно больше грехов партии перед своим и другими народами, например, перед афганским. И чем дольше новое руководство считает возможным покрывать ложь старую, тем больше оно само погрязает во лжи новой. Если уж партия не может открыто покаяться в своей мертворожденной идеологии и признать трагедией саму большевистскую революцию, то, пожалуй, без неумеренных ее восхвалений настоящие

реформаторы уже могли бы обойтись. Ибо для действительного успеха необходимых преобразований, – как сказал писатель Валентин Распутин в марте этого года на пресс-конференции в Берлине, – стране необходим „отказ от той полумертвой идеологии, в которой мы жили“. Пусть даже если этот отказ поначалу выразится в молчании по ее поводу...

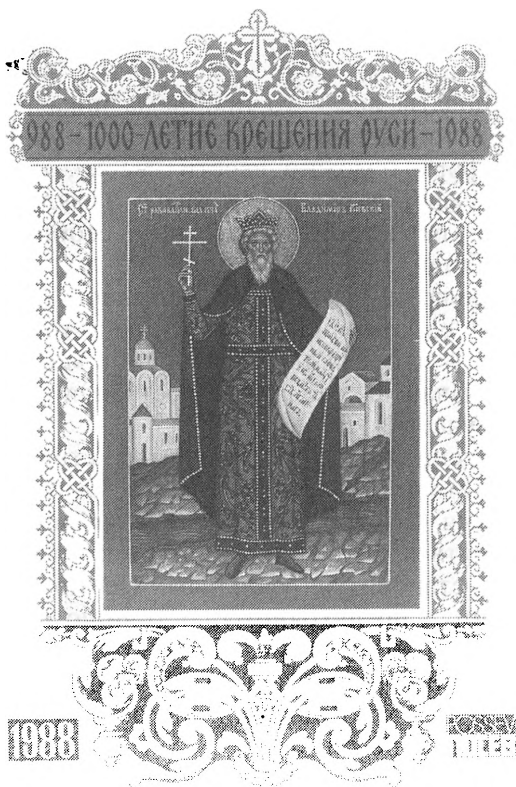
Но, вероятно, не на партию, а на таких общественных деятелей, как Распутин, только и может надеяться страна. **Они** – способны привести народ к необходимому очищению. Единственное, чего от партии хотелось бы ожидать – чтобы она таким людям не слишком мешала бы. Если бы новое партийное руководство нашло в себе мудрость позволить лучшим гражданам духовно возродить свою искаленную страну, – то это ему, несомненно, зачлось бы и в глазах современников, и на весах истории, и на Божьем суде. „Путь к раскаянию может быть долгим и трудным, – пишет академик Лихачев в «Литературной газете» в январе этого года. – Но как же украшает мужество признать свою вину – украшает и человека, и общество“.

И в заключение – еще один, может быть, важнейший, аспект темы покаяния. Наверное, не следует полагать, что это – дело лишь властителей и писателей, которые только и ответственны за покаяние всего народа. Уместно будет здесь процитировать отрывок из статьи Солженицына „Раскаяние и самоограничение“, написанной им незадолго до высылки из страны:

„Мы привыкли, что надо подчиняться и лгать, иначе не проживешь – и в том воспитывали своих детей. Каждый из нас, если станет прожитую жизнь перебирать честно, без уловок... вспомнит не один случай, когда притворился, что уши его не слышат крика о помощи... И если мы теперь жаждем – а мы, проясняется, жаждем – перейти наконец в общество справедливое, чистое, честное, то каким же иным путем, как не избавясь от груза нашего прошлого, и только путем раскаяния, ибо виновны все и замазаны все?“

А если виноваты все – то проблема покаяния гораздо труднее, чем социально-экономические преобразования общества. Реформы можно ввести сверху, но никакими приказами и реформами, „даже самыми мудрыми и угаданными, не перестроить царство всеобщей лжи в царство всеобщей правды: кубики не те“. Это может произойти только в результате подлинной нравственной революции. И ее отличие от прежних в том, – считает Солженицын, – что каждый гражданин может быть ее участником, начав с себя, распространяя вокруг себя атмосферу неучастия во лжи.

Когда Солженицын, высылаемый из страны, призвал своих соотечественников „жить не по лжи“ – немногие могли решиться на этот, связанный с лишениями, путь. Хочется надеяться, что в сегодняшних изменившихся условиях это становится реальным. Не по замыслам и отчетам партии, а по духовному состоянию независимого общества и следует, видимо, измерять глубину и достижения настоящей „перестройки“. И если судить о ней с этой точки зрения, то оснований для оптимизма, кажется, больше, чем для пессимизма.

1988 год – тысячелетие крещения Руси

Издательство «Посев» подготовило к этой великой дате ежемесячный иконный календарь. На титульном листе воспроизведена икона Св. равноапостольного Великого князя Владимира. Золотой художественный орнамент сделан в древнерусском стиле (оформление художника А. В. Русака). В календаре 13 репродукций русских православных икон, с полными святыми, Евангелием и Апостолом на каждый день. Весь текст календаря, за исключением святцев, четырехязычный – русский, английский, немецкий, французский.

Размер календаря – 41 x 30 см. Печать икон – многокрасочная. Календарь покрыт защитной пленкой.

Цена календаря 40 немецких марок (без пересылки).

Заказы направлять: Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M. - 80.

Михаил Назаров

**«Новый мир»: наш лозунг –
„печатать то,
что не печатает никто“.**

В период „хрущевской оттепели“ журнал «Новый мир» был главным литературным полюсом притяжения общественных сил, стремящихся вернуть развитие страны к здравому смыслу. Сегодня, в отличие от той оттепели, трудно выделить один смелый печатный орган: интересные публикации появляются в «Знамени», в «Огоньке», в «Московских новостях». Лицо каждого из этих изданий определяется новыми главными редакторами, занявшими эти посты в 1986 году. Редактор «Нового мира» Сергей Залыгин выделяется, однако, и на их фоне тем, что он единственный беспартийный редактор „толстого“ журнала в Советском Союзе. А также тем, что он проявил себя как мужественный общественный деятель задолго до „перестройки“: достаточно вспомнить о его активной роли в борьбе против поворота рек, за спасение русского Севера.

Эмиграция уже давно обратила внимание на Сергея Залыгина как на писателя: в 1966 г. издательство „Посев“ переиздало его антисталинскую повесть „На Иртыше“, которую Солженицын в 1973 г., незадолго до высылки, охарактеризовал как одно из лучших произведений, опубликованных в СССР за 50 лет. Тогда же Солженицын упомянул о том, что у него с Залыгиным разное понимание путей, как может служить сегодняшняя литература обществу.* Пути у этих двух писателей действительно сложились по-разному. Но не оказались ли они оба более нужны каждый на своем месте, „кто куда попал“ (выражение из более позднего интервью Солженицына Би-Би-Си в феврале 1979 г.), не в этом ли проявилось предназначение каждого из них?

Одним из первых литераторов, еще при Брежневе, Залыгин в первой части своего романа „После бури“ реабилитировал „жизнедеятельные силы“ НЭПа. «Литературная газета» (30.3.83) сказала об этом так: „Роман дает замечательный ответ: НЭП не только тактика, но и стратегия социализма“. И особенное политическое значение и влияние на судьбы страны Залыгин приобрел сейчас, возглавив «Новый мир». Посмотрим же, каковы первые результаты его редакторской деятельности, на примере нескольких номеров журнала за первую половину 1987 года.

*

Первое, что бросается в глаза – авторы. Разбросанные в свое время историческими бурями по разные стороны баррикад, теперь они начинают собираться здесь под одной обложкой. Из ранее недоступных советскому читателю имен здесь не принявшие коммунистическую власть эмигранты Владимир Набоков и Игорь Северянин. Защищавший свою страну и эту власть от гитлеровцев Даниил

* См. интервью Солженицына агентству „Ассошиэйтед Пресс“ и газете «Монд»; опубликовано в книге „Бодался теленок с дубом“, ИМКА-Пресс, 1975 г.

Андреев, впоследствии тем не менее десять лет проведенный в лагерях. Здесь и недавний писатель-диссидент Владимир Корнилов, в течение долгого времени лишенный возможности печататься в СССР (его роман „Демобилизация“ был издан в 1976 г. издательством „Посев“). Одно из стихотворений Корнилова в апрельской книжке журнала посвящено памяти Андрея Платонова: лишенный средств к существованию, больной, он работал дворником в Литинституте, где тогда учился Корнилов, „и все равно его судьба меня достала“, – пишет сегодня поэт, вспоминая, как самому пришлось работать уборщиком снега: „я перед вами повинюсь, Андрей Платонов!“. А в июньском номере «Нового мира» впервые в Советском Союзе была опубликована повесть Платонова „Котлован“ – шедевр, чья первая публикация тоже связана с зарубежным журналом «Грани». В июле «Новый мир» впервые в СССР печатает „Погорельщину“ – поэму Николая Клюева о гибели крестьянской Руси; эта поэма стала причиной ареста поэта в 1933 г., после чего он умер в ссылке.

Есть среди возвращаемых читателям авторов и прямые жертвы режима, как, например, поэт Александр Введенский, погибший после ареста в начале войны. Его поэма „Элегия“ – один из сильнейших поэтических приговоров режиму, написанных в те годы:

„Нам восхищенье неизвестно,
нам туго, пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно,
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
мы нас самим себе простили,
нам, тем, кто как зола остыли,
милей орла гвоздика...“

В редакционных сопровождениях таких публикаций, конечно, делаются попытки смягчить строгость подобных оценок „самому передовому строю“. Предлагаются, как, например, во вступлении к поэме Клюева, оптимистичес-

кие трактовки изображенного им „пожара России“, нередко умалчиваются подробности о трагических судьбах авторов. Но, вероятно, в условиях коммунистического режима можно быть благодарным журналу и за это. Замысел редакции «Нового мира» здесь был, разумеется, не литературоведческий, а политический: литературно реабилитировать эти имена, открыть дорогу для исследования их творчества в будущем. Журнал как бы выносит за скобки различные политические биографии своих авторов, подчеркивая их принадлежность к единой русской литературе – о чем впервые стало возможным сказать.

И вместе с тем Залыгин понимает, что литературные реабилитации и даже возвращение шедевров – не главная задача журнала. Интерес к „запретному плоду“ будет уменьшаться по мере того, как будет уменьшаться его запретность. „Дело в том, – говорит Залыгин в интервью итальянской газете «Ла stampa» (3.10.86), – что вчерашняя литература не способна решать задачи сегодняшнего дня... Уже сейчас я должен сбалансировать этот интерес к прошлому с материалами на более актуальные темы. Я хотел бы сосредоточить внимание на социальной публицистике, литературоведении и литературной критике“.

Наиболее острые материалы последних номеров содержатся именно в этих разделах. Это, например, открывшая год статья самого Залыгина „Поворот. Уроки одной дискуссии“ в январском номере. Речь идет уже не только о преступности пресловутого „проекта века“, но и о системе, в которой такой проект стал возможен: „...нужны перемены принципиальные. Чем их больше, тем активнее становится общество, чем активнее оно – тем больше перемен“. Пробуждение общественной активности, общественная дискуссия – ценный опыт, который еще пригодится, считает Залыгин.

И он пригодился сразу же: оказывается, несмотря на принятое решение об отмене поворота рек, работы идут полным ходом! „Перебросчики“ нажились и на статью Залыгина, который, „высокомерно вознесясь“, попал в ряды „скатившихся к дилетантским, демагогическим,

безапелляционным рассуждениям“ литераторов, заслуживающих „исключения из Союза писателей“. К чести Залыгина следует отметить, что все эти обвинения, не побоявшись признать и одну свою незначительную цифровую неточность, он напечатал в «Новом мире» (№ 7) – и вновь разгромил недобросовестные аргументы любителей „великих потрясений“.

Эта тема, пожалуй, заслуживает отдельной статьи. Здесь же отметим основное расхождение между сторонниками и противниками поворота рек. И те и другие считают себя патриотами своей страны, но основные национальные ценности перебросчиков – это „валовой сбор сельхозкультур“, тогда как для противников проекта важнее сохранность русской земли с ее национально-духовной субстанцией, разрушение которой не может быть оправдано никаким приростом материальных благ, даже если переброска и даст такой прирост – что, впрочем, более чем сомнительно. Для обеспечения благ нужно освободить творческую инициативу их создателей, то есть изменить систему. На какие катастрофические разрушения земли способна эта система – она уже достаточно показала. „Мы семимильными шагами приближаемся к национальной катастрофе, – пишет Залыгин. – А может быть, она уже и грянула, да мы об этом не знаем...“

В разделе литературной критики в статье Ю. Буртина „'Реальная критика' вчера и сегодня“ ставится вопрос: „Откуда... то ощущение пустоты, которое испытывают сегодня... люди, соприкасающиеся с литературной критикой? Не указывает ли оно на то, что при всем ее современном разнообразии нет в ней какого-то стержня, чего-то центрального, главного?“ Ответ нам кажется простым: не хватает возможности говорить полную правду. Этого, конечно, не хватает и статье самого Буртина. Он отмечает недомолвки других критиков, но если этот же подход применить к его статье, нельзя не отметить, что он и сам вынужден их допускать, вынужден ослаблять остроту своего анализа поиском эвфемизмов, что приводит к неиз-

бежному многословию.

Один из таких эвфемизмов для слова „правда“ – критике нужен „новый Добролюбов“, который упомянут здесь не в связи с его революционно-демократическими взглядами, а как метод „беспощадного исследования действительности на материале художественной литературы“. Вряд ли только можно согласиться с Буртиным, когда он видит препятствие этому методу не во „внешних помехах“ (власти), а в „отсутствии идеи“ у интеллигенции. Идея-то есть – спасение страны, возрождение здравого смысла – и это даже более возвышенная идея, чем предлагаемая Буртиным „еще большая демократизация“, которая есть только метод. Но вот „внешние помехи“ и на статье Буртина еще сильно чувствуются...

Разумеется, подъем критики к уровню полной правды может происходить лишь постепенно, как это делается при подъеме водолаза с большой глубины. И, конечно же, статья Ю. Буртина тоже этому способствует.

На новый уровень поднимает общество из тоталитарной глубины и статья Андрея Нуйкина „Новое богоискательство и старые догмы“ (№ 4), представляющая собою серьезный вклад в нормализацию отношения к религии в атеистическом государстве. О ней нам уже не раз доводилось читать в эмигрантских изданиях, что, мол, все-таки не отбрил автор большевикам правду-матку про атеизм и сам, похоже, безбожник. Вряд ли, однако, такая максималистская оценка применима к советским условиям. Справедливее судить о значении таких статей – в сравнении с границами политически допустимого. Нуйкин смело раздвинул эти границы, призвав к отказу от воинствующего атеизма, поскольку существование Бога никакая наука не может ни доказать, ни опровергнуть. Нам „... явно придется еще раз пройти тот круг исканий, проверок, сомнений и споров, который не раз уже проходило человечество в обсуждении двух вопросов: есть ли бог? и нужен ли он, если его нет?“ – так заканчивает А. Нуйкин свою апологию религиозных взглядов целого ряда авторитетных писателей, „доказавших выстрадан-

ность и серьезность каждого своего произведения“. Думается, что уже такая постановка вопроса в СССР – немалый шаг к здравому смыслу, даже если слово Бог написано по советской орфографии...

Но есть в «Новом мире» и более глубокие рассуждения о Боге, о смысле прихода Христа, о духовности человека. Здесь мы уже переходим к прозе и поэзии – основным разделам, определяющим лицо литературного журнала. И тут нельзя не удержаться от общего замечания: очень многие произведения, публикуемые в «Новом мире», несут на себе отражение религиозного мировоззрения их авторов.

Таков, например, рассказ Андрея Битова „Человек в пейзаже“ – в том же апрельском номере. Утонченный мастер слова, порою уходящий от конфронтации с общественно-политическими проблемами во внутренний мир своих героев, в этом рассказе Битов обращается и к делам земным, давая одно из сильнейших по философской глубине описаний разрушенного атеизмом „культурного пространства“ – древнего монастыря. Но героев рассказа волнуют все же проблемы неземные: для чего Бог создал человека „по своему образу и подобию“? Для чего красота мира? Найденный ответ не каноничен, но близок к истине: Бог-художник нуждался в личности, способной видеть и оценить Его творение. „Не только пользоваться им и составлять его, как и всякая божья тварь, – но видеть! То есть понять и постичь... Иначе этого не понять, зачем уж человека – 'по образу и подобию'...“ (Жаль, что даже «Новому миру» еще не удалось перейти на грамотное со всех точек зрения – исторической, филологической, нравственной – написание слова Бог с большой буквы. Унизительная идеологическая орфография особенно коробит, когда и автор и его герои верующие... Вот, ведь, перешагнул главный редактор «Огонька» В. Коротич запрет. В № 31 этого журнала в стихотворении В. Высоцкого строка: „Мы успели – в гости к Богу не бывает опозданий...“, где Бог и в советском журнале с большой буквы...).

Один из интересных деятелей „перестройки“ – драматург Михаил Шатров. Следуя своему давнишнему стремлению расширить границы исторической правды в описании первых лет революции (Шатров – племянник расстрелянного Рыкова), он публикует в апрельском номере «Нового мира» драму „Брестский мир“. В ней в современную драматургию впервые введены более правдивые образы Троцкого, Зиновьева, Бухарина, то есть высокопоставленных жертв режима, который они же сами отстраивали, не жалея чужих жизней. Разумеется, об этой стороне их деятельности Шатров не пишет. Его больше интересует внутрипартийная демократия тех времен как пример для нынешней ситуации, отказ от догматизма. (Бухарин: „Маркс марксизма развивать уже не может, мы с вами должны“.)

Однако граница „исторической правды“ Шатрова уже, кажется, достигла своего предела, ибо партия не может позволить литераторам разрушить последний рубеж своего отступления – Ленина. Усомниться в нем и в необходимости самой революции – было бы равносильно отказу от обоснования своей власти. Единственное, что остается Шатрову и идеологам „перестройки“ – пытаться наполнять Ленина и социалистическую терминологию другим содержанием, благо в 55 томах его сочинений цитат можно набрать каких угодно. Как тактическое средство такие попытки весьма интересны, но считать подобные произведения вкладом в русскую культуру все же вряд ли возможно.

Интереснее произведения, написанные без всякой тактики. Например, публикуемые впервые, глубокие и напряженные, стихотворения покойного Николая Тряпкина. Вот две строфы, словно бы ответ на исторические свершения героев пьесы М. Шатрова:

„Эту горькую соль и теперь мы никак не проварим,
Этих жутких картин и теперь мы не можем избыть.
И летят в никуда, и сгорают в незримом пожаре
И леса и хлеба, и густая пчелиная сыть...“

Замолчите кругом и литавры, и бубны, и трубы!
Не гремите витии! Заткнитесь вверх, рупора!
Ибо вижу над миром беззвучно кричащие губы.
Я хочу их услышать. Пора.“

Ощущение сегодняшнего мира у этого поэта – апокалипсическое. Жуткие картины развитого социализма он воспринимает как Божью кару за „наших фальшивых пророков“ и передает суть российской трагедии, сравнивая ее с образами библейских текстов.

Необходимостью духовного идеала, связанного с религиозным ощущением бытия, проникнута, по мнению Игоря Виноградова в послесловии, и повесть Сергея Каледина „Смирненное кладбище“ – многообещающий литературный дебют, „жестокая повесть“ о жизни могильщиков.

Иным по духу, материалистическим, предстает наиболее крупное произведение последних номеров «Нового мира» – посмертно опубликованный роман Владимира Тендрякова „Покушение на миражи“. Речь в данном случае – о покушении на Христа. Герой романа, физик, задается целью промоделировать человеческую историю, какой бы она стала без Христа, если бы фарисеи убили Его в самом начале Его проповедничества. Для экспериментаторов Иисус Христос – не Сын Божий, а исторически необходимый носитель идеи любви в эпоху заката рабовладельческого строя. И когда их компьютер дает ответ, что после убийства Христос неизбежно должен был снова воскреснуть в истории – то это в романе не воскресение Богочеловека, дающее верующим уверенность в преодолении греха и смерти, но лишь объяснение живучести христианства на основе общественно-экономических причин, его вызвавших.

Роман Тендрякова из тех произведений, которые интересны не столько тем, что автор хотел сказать, сколько тем, что в них отразилось помимо авторской воли. За всем материалистическим стремлением Тендрякова атомизировать и ввести в компьютер историю, игнорируя ее

духовное содержание, виден сам автор – человек, которому не дает покоя проблема религии. И мучаясь ею, фактически посвятив ей все свое писательское творчество, Тендряков так и не нашел в себе для этого органа чувств и языка, адекватного сути проблемы.

В этом его беда и как человека, и как писателя. Но, может быть, как писателя – все же беда меньшая, ибо, оставив нам роман „Покушение на миражи“, писатель дал читателям тот самый отрицательный результат эксперимента, который в науке тоже считается полезным опытом. Это опыт анализа ложного варианта, чтобы другому исследователю не приходилось его повторять. Надо надеяться, что с помощью соответствующей критики этот отрицательный опыт может быть полезным для русской литературы. Тем более, что по честности намерения писатель такого отношения к себе заслуживает. Только ли его вина, что у целых поколений в России сознательно воспитывалась марксистская слепота по отношению к духовному миру?

Пожалуй, единственное удачное место в романе Тендрякова – „Сказание пятое“, о неизбежно ведущей к тоталитаризму социалистической утопии Кампанеллы „Город солнца“. Тендряков отправляет самого утописта, в его предсмертном бреде, в разработанный им на бумаге город вечного счастья, и Кампанелла находит там все то же, что мы знаем из истории СССР. В стройную логическую цепь выстраиваются причины и следствия: насильственное равенство не равных по уму и трудоспособности людей – падение их интереса к труду – голод и нехватка товаров – принуждение к работе – доносительство как способ выбиться из угнетенных в угнетатели – страх угнетателей перед ненавистью народа – их самозащита через насаждение лжи и через принудительное восхваление существующего строя – деградация общества в целом...

„И виной тому был слишком простой взгляд на жизнь“, – заключает Тендряков. Но, вплотную подойдя к сути проблемы – несовершенству общества из-за несовершенства самого человека, – писатель ищет выход в новом

марксистском витке, в поисках нового способа производства. Другой, необходимой для этого, *духовной* координаты человеческой личности, общества, истории – Тендряков не замечает...

Невозможно отметить в одной статье все интересные произведения, напечатанные в «Новом мире». Неинтересных, ненужных – практически нет, как нет и идеологически-декоративных материалов, какие в других журналах все еще появляются. Но трудно не обратить внимания на несколько небольших по объему публикаций на экономические темы, в которых наиболее откровенно и беспощадно проделан тот самый анализ социалистической системы, которого Ю. Буртин ожидает от литературных критиков.

В майском номере «Нового мира» появилось письмо в редакцию кандидата экономических наук Л. Попковой. „Где пышнее пироги?“ – спрашивает она и отвечает: там, где не социалистическая, а рыночная экономика. Социализм неэффективен по своей природе, утверждает экономист, словно вторя размышлениям Тендрякова о „Городе солнца“ Кампанеллы и даже упоминая его имя. Тогда как у рынка, с его свободой фантазии, которая была „придушена деятельностью утопистов“, серьезное будущее только начинается. Утопические взгляды Маркса и Ленина могли привести только к построенному в Советском Союзе социализму, и ни к какому другому. Ибо другой, в направлении которого мы хотим вести „перестройку“ – это вовсе не социализм. Пора признать это, – пишет Попкова, – а не выискивать у Маркса и Ленина разные примечания и сноски, чтобы обосновывать ими необходимость этой „перестройки“...

Этот призыв Л. Попковой можно адресовать и Михаилу Шатрову, чьи тактические ухищрения, похоже, превращаются в самоцель. Но и для Л. Попковой спасительное слово „рынок“ грозит превратиться в таковую. „План“ и „рынок“ – вот два полярных, взаимоисключающих понятия, считает Попкова. Однако, заметим, что нигде в странах свободной экономики рынок не уничтожил госу-

дарственного планирования. Конечно, в условиях тоталитарной директивно-плановой экономики выход видится только в движении к рынку, и в этом Л. Попкова права. Но в нормальном обществе – какое в России предстоит создать – соотношение между планом и рынком должно устанавливаться само, недогматически, как та „золотая середина“, которая наилучшим образом соответствует потребностям общества в данных условиях. Существенное отличие свободно-рыночного планирования – оно производится не директивными, а косвенными средствами (кредиты, налогообложение, поощрения и т. п.).

Нам кажется, что напрасно известный экономист О. Лацис в июльском номере журнала одернул Л. Попкову как пессимиста и противника „перестройки“. Она – противник социалистической утопии, этого главного препятствия действительным реформам в стране.

Не менее остра экономическая статья Николая Шмелева „Авансы и долги“ (№ 6), в которой автор перечисляет условия, необходимые для настоящего хозрасчета: „свободная оптовая торговля средствами производства, сырьем и материалами“, правовое равенство индивидуально-кооперативного сектора с государственным (трехсекторная экономика), конвертируемость рубля, реабилитация понятий прибыли, конкуренции, акционерной фирмы, рыночного ценообразования... То есть необходимо ввести принципы свободной рыночной экономики и перестать „экономическую безграмотность“ возводить в ранг идеологии. Не надо бояться потерять „свою идеологическую девственность, существующую, кстати говоря, только в газетных сказках-передовицах“. „Если и сегодня (в который раз) не оправдается надежда людей на возрождение здравого смысла, апатия может стать необратимой“, – заключает Шмелев.

*

Благодаря самиздату мы можем узнать и некоторые подробности о работе редакции «Нового мира», о ее пози-

ции в идущей „перестройке“. Анатолий Стреляный, заведующий отделом экономической публицистики журнала, на встрече с комсомольским активом МГУ 15 мая 1987 г. отметил некоторые трения редакции с руководством по поводу статьи В. Селюнина и Г. Ханина „Лукавая цифра“ (в февральском номере) – о лживости советской статистики:

„...Нам наплевать, как на нас смотрят за эту статью. Мы пишем не для начальства. 70 лет чудовищного очковтирательства, все не так. На одном совещании меня за эту статью критиковал Горбачев. Мои друзья после этой критики волновались, предлагали свою помощь в трудоустройстве, спрашивали: „Ну что, еще не сняли?“ Пока, как видите, работаю и буду печатать, что считаю нужным и важным. Это наша российская беда – смотреть в глаза начальству, понравилось ему или нет, как оно отреагирует на то или это. Но одна высокопоставленная дама после „Лукавой цифры“ позвонила мне и попросила, чтобы автор (один из двух) подготовил те выкладки, которые ему позволили сделать такие выводы. Материал пошел наверх...

Печать брешет десятилетиями, но все равно к ней почтительное отношение, хотя все знают про вранье. Но – надеются, редакции завалены произведениями. Пока печать не будет независимой, предъявлять к ней претензии бессмысленно. Но печать уже делает много.

...Наша цель – способствовать выработке современного мировоззрения посредством просветительства и гласности. Наш лозунг – печатать то, что не печатает никто...”

Вопрос из зала: Правда ли, что редактор «Нового мира» Залыгин во Франции сказал об отмене цензуры?

А. С.: „Он поспешил. Она есть, только в меньшем объеме. В каждом издательстве – политический редактор. Они милые люди и сочувствуют нам, жалуются на свои трудности. Но у каждого из них есть амбарная книга Совмина, составленная на основе предложений министерств и ведомств, „чего нельзя“. Так под маркой „безопасности“ они укрывают свою расхлябанность...”

Вопрос из зала: Будут ли публикации Солженицына?

А. С.: „Если мы в «Новом мире» не опубликуем Солженицына, это сделают другие журналы.“

Несомненно, будь его воля, Залыгин напечатал бы и Солженицына. В интервью датскому журналу „Информашон“ весной 1987 г. редактор «Нового мира» признал „выдающиеся литературные заслуги“ Солженицына и выразил надежду, что даже „Архипелаг ГУЛаг“ будет „издан со временем“. Но последовавшее после этого опровержение советского МИДа показало, кто имеет последнее слово в редакционных решениях – даже в эпоху „гласности“...

Вот еще несколько высказываний А. Стреляного – о „перестройке“.

„Невозможно так дальше жить. Нужна демократия. Известный экономист прислал письмо, пишет, что история нам не простит, если мы не преодолеем современное состояние одним прыжком. В два прыжка через пропасть не перескочишь... Революционность перестройки заключается в том, что народ должен иметь свободу...“

Вопрос из зала: Преобразования сейчас идут сверху. Что вы думаете об этом?

А. С.: „Да, сейчас идет революция сверху. Мы поручили одному товарищу подготовить материал для журнала о „революциях сверху“, от Петра до Столыпина. Постепенность губит революцию.“

...Горбачев медлит с расширением социальной базы перестройки, и это ведет к гибели нашего дела и самого Горбачева. Надо размежеваться открыто, сверху донизу. Социальная база перестройки: рабочие высшей квалификации, научно-техническая интеллигенция – частично, часть творческой, гуманитарной интеллигенции, часть низшего слоя партаппарата и хозяйственных руководителей“.

К чему приведет „перестройка“ – мы еще не знаем. Но существование в сегодняшней России таких деятелей, как в редакции «Нового мира», несомненно дает надежду на то, что страна сможет выбраться из так называемой „тота-

литарной ямы“. Во всяком случае подкоп ее стенок, как мы видим, идет, и глубина этой ямы постепенно уменьшается.

В марте 1987 г. во время выступления Сергея Залыгина в Парижском университете ему был задан вопрос: верит ли он в успех реформ в Советском Союзе? Редактор «Нового мира» ответил: „Я иногда и сам удивляюсь, почему я пошел на это дело. Но если бы я не чувствовал перемен и как-то в них не верил бы, – то какой бы мне был резон начинать редакторство в 72 года? Для меня важно определить собственную позицию. Я не экономист. Я не политик... Я руководствуюсь событиями в той области, к которой принадлежу сам“.

Письма редакции альманаха «ВЕСЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

САМИЗДАТ

**Председателю Совета Министров СССР
Рыжкову Николаю Ивановичу
от
бывшего политзаключенного
Осипова Владимира Николаевича**

Уважаемый Николай Иванович!

20 декабря 1986 г. я направил Вам письмо с просьбой вернуть мне жилплощадь в городе Долгопрудный Московской области. Я потерял ее в далеком 1961 году в связи с арестом по политическому делу (участие в „преступных“ дискуссиях молодежи у памятника Маяковскому в Москве летом 1961 г.). С тех пор я на всю жизнь стал бездомным. Койка в исправительно-трудовой колонии, тюремная камера, „угол“ в деревне под Калинином, сараюшка в Струнино (Владимирская область), сторожка кооперативного сада в Александрове стали моим пристанищем. Словом, статус скитальца, перекасти-поле. Четверть века я не заикался о возврате своей законной квартиры. Я знал, что это бесполезно. Разоблаченные ныне высокопоставленные проходимцы приобретали многокомнатные квартиры, роскошные дачи, особняки, великолепные „охотничьи домики“, я же не имел и 9-ти квадратных метров, полагающихся в СССР на человека. Но вот началась новая эпоха, начались, как говорят, революционные преобразования, объявлена решительная война бездушию и рутине. В этой ситуации, полной надежд и упований, я и решился на, казалось бы, наивный и нес-

рзезный шаг: взывать к букве Советской Конституции, провозгласившей для всех граждан СССР, - **право на жилище**. И все-таки я настаиваю на серьезном отношении к Конституции.

Мое письмо от 20 декабря 1986 г. было переадресовано в Мособлисполком, а оттуда - в Долгопрудненский городской совет, который и прислал мне следующий ответ (от 27.02.1987 г.):

Исполком Долгопрудненского горсовета, рассмотрев заявление гр. Осипова В. Н. о возврате ранее занимаемой жилой площади, сообщает, что в соответствии со ст. 306 ГК РСФСР право на жилую площадь гр. Осиповым В. Н. утеряно, так как он был осужден по ст. 70 УК РСФСР. Одновременно сообщаем, что в соответствии с Положением о прописке в пригородной зоне г. Москвы, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 6. 8. 85 года № 736, ст. 70 УК РСФСР, по которой был осужден Осипов В. Н., подпадает под ограничения в прописке в г. Долгопрудном.

Зам. председателя исполкома (подпись)

И. П.Тищенко.

Долгопрудненский горсовет и не мог дать другого ответа. Разве в компетенции местного совета было вернуть из ссылки А. Д. Сахарова и разрешить ему выступить на безъядерном форуме? Разве местный совет посмертно реабилитировал Б. Л. Пастернака? Разве районное начальство досрочно освободило 86 политзаключенных? Прошу Вас, Николай Иванович, не перекладывайте ответственность на горсовет. Решите, пожалуйста, мой вопрос сами. Верните мне мою квартиру в Долгопрудном или дайте равноценную взамен. Тем более, что власть (на областном и районном уровне) несет конкретную вину за мое бездомное бытие.

Незадолго до второго ареста (в 1974 г.) дружески рас-

положенная ко мне семья, проживавшая в Москве, помогла мне купить дом в деревне Рождествено Александровского района Владимирской области. В этом доме я мог бы жить после освобождения в 1982 году. Однако, пока я сидел, дом этот был полностью разрушен. Местная власть не только не обеспечила охрану моего дома, но по существу покровительствовала его разрушителям. В моем следственном деле (№ 38) имеются показания жителей деревни Рождествено и близлежащих деревень Викторовых Виталия и Евгения, Морковкина Александра, Брюханова Анатолия, Филипповой Татьяны, Поленовой Нины о том, как они в конце июля 1974 года тайно проникли в мой дом и устроили там самочинный обыск. По их словам, им не понравилось содержание моего архива и они похитили конспекты, рукописи, книги и другое имущество. Часть бумаг грабители передали в органы КГБ, другую часть, по их словам, сожгли на костре, а еще часть пропала неизвестно куда. По моему делу они проходят не как преступники, а как угодные следователю свидетели моей издательской деятельности по выпуску русофильского журнала «Вече» (кстати, безобиднейшего издания, по критичности суждений намного уступающего выступлениям М. С. Горбачева и материалам сегодняшней советской печати). Чувствуя покровительственное отношение к себе со стороны властей, они и позже неоднократно проникали в мой дом, глумились там, растащили все имущество до последней подушки, похитили оконные рамы, пол и даже крышу. Никто из них наказан не был. Вина за разрушение моего дома в деревне Рождествено Александровского района Владимирской области, таким образом, полностью ложится на областное и районное начальство.

И разве не долг государства в таком случае обеспечить меня жильем?

В. Н. О с и п о в

27 марта 1987 года

249810 Калужская область,

город Таруса, проспект Пушкина, 37.

В. В у л и ч

Роман без героя

„Чудище Обло, огромно, озорно,
стоzeвно и лаяй“.

В номере пятидесятом журнала «Двадцать два» помещена, в перепечатке, статья философа Эмиля Чорана „Россия и вирус свободы“. Редакция снабдила статью суперлативной характеристикой, non plus ultra. И – неувидительно.

Приведем полностью это предисловие: „Статья известного румынского философа Э. Чорана „Россия и вирус свободы“ была написана им в эмиграции, в Париже, в 1957 году, – вскоре после подавления Венгерского восстания. Возможно, этим объясняется ее мрачно-апокалипсический тон и пессимистические предсказания.

Но в той своей части, которая касается анализа „русского феномена“ и европейской ситуации, дальних перс-

пектив советской империи и неизбежности внедрения в нее вируса свободы, статья эта остается не только злободневной и верной, но также одной из самых глубоких и пронизательных из всех, посвященных на Западе 'русскому вопросу' “.

*

„Русский феномен“... Вопрос – актуальный... В продолжении десятилетий, как боевые слоны выдвигаются на арену советологи и историки, тактики и психологи, которые затемняют, запутывают и искажают правду. Толкователи и комментаторы „русских дел“... По громадности темы – нужно было бы им обладать истинным личным достоинством, для того, чтобы быть способными оценить и достоинства другого. То, что гибло вместе с Россией, было редкостно и прекрасно. И очень трудно восстановимо. Чувство национальной чести, столь **отличавшей** русских. Прекрасно сказал проф. И. А. Ильин, о генерале Врангеле, который был одним из представителей русского национального достоинства: „В его лице Россия была на высоте своей исконной доблести, самоотвержения и бесстрашного напора на свою черную судьбу“. Самоотвержения, бесстрашного поединка даже с гибельной судьбой. Это воспитывалось веками.

И искоренялось систематически и жестоко, объявленное смертным грехом, заплечных дел мастерами вот уже три поколения.

А для „личного знакомства“, – из доверчивого, великодушного русского народа делают некоего тысячелетнего монстра.

Когда такое пишут „третьеволновики“, бросаешь в мусорную корзину. Им – „и Бог велел“...

Но вот у утонченного и свободного европейца...

Статья Э. Чорана **поражает** отсутствием в ней главного действующего лица! Это – как если бы переписать „Преступление и наказание“, без Раскольниковца, „Фауста“ без Мефистофеля, „Бесов“ без Верховенского,

„Макбета“ – без Макбета, или хотя бы без леди Макбет.

В описании трагического нашего века, у Э. Чорана совершенно отсутствует идеология. А ведь она-то и есть главное действующее лицо новейшей истории. Ни слова об **истоках** зла, о его **генеалогии**. О **причинах** и **корнях**.

Допустим, Э. Чоран понимает историю о с о б о, в духе Теодора Лессинга в его книге „Придание осмысленности бессмысленному“. Как нагромождение абсурда заблуждений. Возможно, в этом плане он и идеологии не уделяет даже и княжеского титула, не говоря уже о королевских „почестях“. Однако: в рассмотрении вопроса всеобщей гибели, он не должен был бы руководствоваться субъективными мерками ценностей. Должен был бы рассмотреть реально действующие силы, а не мифы. Философ, так глубокомысленно исследовавший тысячи разнообразных феноменов, молчит о дьявольском содержании современной истории – об идеологии. Чоран зорко видит, как ад из метафизического становится земным. Кроме того он влюблен в метафизику. И много знает о ее положительных и отрицательных величинах. Но здесь он просто исключает Ее Величество Идеологию из числа действующих лиц... Действия же коммунистической идеологии всецело приписывает Э. Чоран русскому народу. В то время, как нет на всей земле другого народа, который бы так ненавидел эту идеологию, как народ русский!

Кроме того, смещая и смешивая понятия, Э. Чоран постулирует **тождество** исторической России и Советского Союза. На всем этом, господствующем на Западе шаблоне, строится соответствующий рисунок. Безнадёжно-порочный.

*

При усмирении крестьянского восстания в селе Татарбунары, в 1918 году, в отошедшей к Румынии Бессарабии, (восстание вспыхнуло из-за жестокого обращения

властей), посланные туда войска бросали гранаты в окна жилых домов и подвалов, где прятались старики, женщины и дети... На „высоко-интеллектуальном уровне“, не гранатами, а словом, – то же делает, в отношении русского народа, сейчас и философ...

*

Статью читаешь как сказку, построенную по схеме, примерно следующего содержания:

У подножия высоких гор, в Благословенной Стране, жило племя прекрасных и добрых Людей. Они были щедро одарены природой всеми достоинствами и талантами – художники, поэты, философы. Жили они в гармонии и благодарности Богу. Автор называет народ этот Х р у п к и м и, из-за их утонченной чувствительности.

Единственно, что омрачало их существование – это страшное соседство: в неприступных горах, в темном Становище, отделенном глубокими ущельями и непроходимыми пропастями от мира Цивилизации, обитало Чудовище, огромной дикой силы и страшное видом. Некий Снежный Человек. Он был необычайно зол и кровожаден, и ненавидел Людей. Время от времени он спускался с гор, и делал набеги на беззащитных. Тех, кого он уводил с собой, никто никогда больше не видел. Только раз, почему-то, один вернулся, после года отсутствия. Но он разучился говорить, ел сырое мясо и часто опускался на четвереньки.

Дорога к Становищу была усеяна человеческими костями.

Мудрейшие люди Хрупких задумались, и предсказали, что вся страна, в конце-концов, погибнет от Снежного Человека. Все повторяли это предсказание, и в него верили. И тайное уныние и страх, как черная туча, опустились на ожидающих исполнения пророчества Людей.

*

Разбору этой мудрой и поучительной легенды и

посвящается настоящая статья. А также исследованию вопроса: кто же он, этот Снежный Человек?

*

Испытываешь горечь, оттого что эту статью написал именно Э. Чоран. Потому что с его народом имеем мы и много духовно-общего, и живо-общий язык. Мне хотелось бы рассказать Чорану, как нам, потерявшим все и брошенным в его страну, помогали простые люди, его соотечественники. Бедняки, помогавшие от своей бедности, и от доброты сердца. И как эти люди понимали наше великое несчастье, и как не чувствовали и себя самих от **такого же** защищенными... Никто, никогда, не бросил в нас камня...

Простые люди, увы!, разбираются в глубине событий вернее, чем книжники...

Живя среди какого-либо народа, как бы окунаешься в его „стихию“. Кажется глубоко-обоснованным мнение, что нации – это замыслы Бога. Они всегда – сгустки определенного мировосприятия, всегда своеобразного и мудрого. И здесь мы непосредственно касаемся некоего, дарованного нам лицезреть, чуда. Это ощущение особенно ясно сейчас, среди обломков всего гибнущего.

Я очень люблю страну Э. Чорана (он – румын), ее язык, ее народ. Как дорогих душе братьев. Я прожила с ними двадцать лет жизни. Румынию я люблю и жалею такой любовью, когда „печалишься ее печалью, и плачешь ее слезой“.

Э. Чоран эмигрировал из Румынии задолго до начала всех трагических событий. И он не был их очевидцем; если бы он видел собственными глазами, как это происходило... По совершенно **классическому** образцу. Террор, при котором человек лишен малейшей возможности сопротивления. Может быть, тогда он написал бы эту статью несколько иначе. В Румынии во многом была повторена советская история 20 - 40-х годов – в миниатюре. Террор, экспроприации, колхозы, раскулачивания. Аресты,

расстрелы, враги народа, буржуазные элементы. И, конечно, „Interne“ – КГБ. Все, что делалось – делалось против народа, но его именем.

*

Про-галльство – в крови румын. Для каждого образованного румына Париж – Абсолют, а Франция – религия. Э. Чоран прожил в Париже всю жизнь. Латинский квартал, мансарда на пятом этаже. Без лифта. Чоран-философ, и в практических отношениях с жизнью. Как Диоген.

Он, по определению, скептик. Но не вполне, потому что – романтик. А романтик не вполне – потому что скептик. Во всем отличает его тонкая, специфическая ему ирония. Вот, о немцах – „У немцев нет скептиков. К счастью, есть немецкая История скептицизма“.

Центральная тема Чорана – человек в современном мире. Или – последняя реальность, от которой некуда уйти. Одна из его книг так и называется: „Gevierteilt“ („Четвертован“).

Эсхатологические видения его так реальны, словно он уже прошел через Конец...

„Мы можем выбирать только между невыносимой правдой и выгодным обманом“, – пишет он. Психологическое состояние современного человека называет Чоран „тоской по аду“.

„Как можно объяснить, что после тысячелетнего фиаско, и после того, как престиж прогресса скомпрометирован даже среди наивных, мы все еще привержены тем же химерам. Может быть, нами владеет, вместе с ожиданием земного рая, инстинктивная – или дьявольская – потребность разочарования, неудачи и гибели“.

„Остается фактом, что в нынешнем положении вещей достойны внимания лишь вопросы политические и метафизические, те, которые приковывают нас к истории, и те, которые нас над нею возвышают... Я предвижу день, когда всю нашу духовную пищу будут составлять лишь последние известия и молитвы“.

Если вы любите Карела Чапека и Анатоля Франса, – вы будете любить и Э. Чорана.

И все же... Чем больше вчитываешься в его статью „Россия и вирус свободы“, тем больше от нее отталкиваешься.

Ниже – несколько цитат из этой статьи, чтобы читатель мог судить о ее главном „тоне“.

*

О русских: „...Народы хищные и страстные, готовые пожрать других и самих себя, способны переступить все ценности, встающие на пути их величия и триумфа...“ „...извращенно-великолепные в своем неистовом зверстве...“

„Россия была лишена участия в истории и принуждена нести ярмо деспотической власти. Но именно это убогое, растительное существование позволило русскому народу извлечь максимальную биологическую пользу из собственного рабства“.

К теме, что Россия доминирует уже над Западом (одно из самых давних ее стремлений!): „Успех этот тем парадоксальней, что достигнут под знаменами чуждой русскому духу идеологии. Впрочем, куда важнее, что режим **по-прежнему остается русским и целиком вмещается в русскую традицию**“. (!!!)

„В отличие от Запада, Россия вовсе не стыдится своей имперской идеи... Все успехи Петра Великого, **как** и успехи Революции, – не что иное, как история гениального паразитизма“.

„Россия никогда не удовлетворялась заурядными унижениями. Поэтому так должно быть и дальше“. „Славянофилы слукавили: чтобы „спасти“ мир, нужно сначала его покорить“. (?)

„Россия лишена той наивности, что свойственна цивилизованным народам, ослепленным чрезмерностью своего рационализма; русский народ утончен многовековым опытом хитрости и обмана“. „У этих полярных жителей

нет ни грана средиземноморской ясности“. (?!)

„Глядя на хрупкий и утонченный Запад, Россия испытывает комплекс замешательства /.../, комплекс неполноценности“.

„Единственной светлой точкой нашего будущего может оказаться судорожная русская тоска по утонченному миру с его победоносным очарованием. Если Россия овладеет этим миром, – а таков, кажется, очевидный смысл ее судьбы, – то, быть может, она заразится от него вирусом свободы...“

„России, с ее десятью веками террора, мрака и обещаний, легче чем кому-то примириться с мрачной сторонай исторической эпохи, в которую мы живем. Апокалипсис ей прекрасно подходит, она свыклась с ним, она питает к нему влечение“.

Этот, последний афоризм в пересказе можно представить так: „Караси любят, чтобы их в сметане жарили“.

Какое свирепое гурманство, для философа!

*

Историю часто упрекают в домыслах. Но, как это ни странно, история, до некоторой степени, п р о в е р я е м а: в характере народа! Определяющее и главное в истории – **ценности**, которые человек создает, и признает, как таковые. Историю творят народы, а точнее – доминанты, психологически и духовно определяющие качества той или другой нации. История – проекция человеческого сознания на область действия. Иррациональность истории коренится в иррациональности природы человека, эту историю творящего.

Человеческая история – вина каждого...

Метафизика истории и ее реальность нераздельно сплетены. Существуют исторические судьбы и историческая наследственность. Характер, образ, индивидуальность, принцип, идея (как результат психологической заряженности) – играют здесь роль. Все это, бывшее, определяет и будущее; в этом смысле можно говорить о судьбе. В

настоящем присутствует и **прошлое**, и **будущее**. Еще **не бывшее** может быть **уже** предметом истории. И именно то, что **единственно** - история, и единственно-важно, очень хорошо проверяемо! Это - духовная часть, откладываемая, подобно геологическим пластам, в духовном составе самого человека. А в наши дни - его катастрофа, то, чем он сам, наглядно, меряет свое бытие сегодня. Наглядно - на Западе.

Характерное для людей различных эпох не в „производительных силах“ и „производственных отношениях“. Это - чувшь, плоский до тошноты примитив, на уровне пищеварения. Только и д е и характеризуют людей. Паскаль - и современен, и высок. Мышление Марка Аврелия - удивительно современно. Софокл, Шекспир: они аккумулялировали в себе на тысячелетия духовный заряд человека, максимы его морали и этики. Мир и человек неизменны в своих взаимоотношениях.

Чем больше мы искажаем суть и причины нашей истории, из упорного нежелания видеть правду, в оболгании которой мы активно участвуем многие десятилетия, тем с бóльшей сокрушающей силой обрушится на нас будущее! В этом есть и логика, и правота.

Есть состояния, когда исчезают понятия „далеко“, во времени и в пространстве: все здесь, близко, рядом и сейчас.

Подмены и обманы истории больше, чем серьезные. Больше чем трагичны. Они - судьбоносны и катастрофичны.

С таким заблуждением-обманом сталкиваемся мы сейчас на примере истории России. Тенденциозной, френетической устремленностью „доказать“ идентичность России исторической и России коммунистической-марксистской. Прицел - дальний. Беда - очень близкая...

И как не прискучит, это бесконечное пережевывание: варварское прошлое России (на Западе, а самого начала, утонченный интеллектуализм), византийское коварство и самоутверждение (Запад скромно оставался вне политики?), жуткие цари (на Западе - сплошь Людовики Свя-

тые?), распространение Православия крещением (Запад пользовался иными методами распространения веры: кострами Инквизиции, Варфоломеевскими побоищами, избиением альбигойцев, религиозными войнами).

Шаблоны об отсталой царской России, „тюрьме народов“... Но вот – классическое рабство просуществовало в Америке до 1865 г. А в отношении национальных притеснений и геноцида любопытная справка: еще 100 лет назад, на Юге и Западе Соединенных Штатов правительство платило за скальпы: взрослого индейца 5 долларов, за скальп женщины или ребенка – 3 и 2 доллара...

*

„Проклятие нашего времени в том, что безумные ведут слепых“.

Шекспир, „Король Лир“.

Грех идеального правдоубийства тяготеет над философской мыслью Запада (в придачу к другим его грехам). Молчание – об истинном величии старой России. О бурно развивавшихся возможностях ее. О роли ее, как фактора мирового равновесия. И морально-нравственной заряженности, которая могла бы если и не изменить, то во всяком случае повлиять на развитие духовной культуры во всем мире. Толкование коммуно-большевизма, как явления русского, порожденного всей русской историей, и, особенно, русским национальным характером – великая ложь века! Опасная – как сам коммунизм! Тенденции эти широко, упорно и бездумно распространяются. Но утверждается ведь и еще худшее! Беда не в коммунизме, который хорош, а в России, которая плоха! **Вызов** судьбе, **выбор** судьбы...

В отношении к России испытывает Э.Чоран смесь ужаса и восхищения. В эссе, озаглавленном „История и утопия“, он пишет:

„Она (Россия) столетия развивалась не как нация, но как вселенная. Фазы ее образования меньше относятся к истории, чем к мрачной, вызывающей ужас, космогонии /.../ Цари, обуреваемые святостью и преступлением великаны, они были как и новые тираны, (!) которые пришли им на смену, как геологические катастрофы /.../ Они всех нас побеждают своими неисчерпаемыми резервами хаоса...“

Иван Грозный был уникальным отрицательным типом. Но это французская революция изобрела террор, угрожающий сейчас всему миру. Отнюдь не Иван Грозный! А поражение на Западе исторической Церкви в Инквизиции – своеобразная „политграмма“ для коммунизма, с его террором.

По Чорану коммунистический режим в России – **русский**. „В чисто русских традициях“! Ради этого блестящего определения статья и печатается? Но „маленькая разница“: в русской истории всегда было „...небо, звездой служащее...“ Т. е., сияние Правды считалось превыше всего. В государстве коммунистическом, впервые за всю историю человечества, голая и абсолютная ложь стала основой не только жизни, но и самой государственности.

В основу государственной жизни исторической России была положена нравственная идея. В наипростейшей интерпретации этого, в народе, это звучало: **жить по совести**.

Россия и своим духом, и предначертанием своей истории, была устремлена к построению „мира Божьего“. А ее общими усилиями превратили в ад земной.

Интерес же Рима к России, вопреки утверждению Чорана, вовсе не был пропорционален отдаленности, наоборот! Об этом – сотни томов на тему католических нашествий на Россию. От изощренной дипломатии, до грубейших подлогов, доходящих до вульгарного фарса. Не гнушались ничем. (Цель оправдывает средства?). Э. Чоран считает, что не приняв католичества, Россия не вкусила **цивилизации**...

Большое внимание все исследователи уделяют Византии, как „русской школе“. Чтобы лишить Россию даже и

самобытности. Кроме того, особые энтузиасты теории производят отсюда и тоталитарную конструкцию (Арнольд Тойнби), и соединяют ее прямой связью с самым современным коммунистическим режимом.

„Жуткую смесь Монголии с Византией“ видит в России и Э. Чоран. Возражение самое главное: идея **национального государства** была просто чужда Византии! Эта идея выросла в Москве, а раньше – в Киеве. И. Солоневич пишет: „Все, что было в Византии, было прямой противоположностью тому, что выросло на Руси. Византийство – это преобладание формы над содержанием, законничества над совестью, интриги над моралью. Из 109 царствующих императоров Византии было убито 74. И престол переходил к цареубийце по праву **захвата**. В XIV веке князь Дмитрий Шемяка хотел свергнуть Великого Князя Василия – и потерпел фиаско. Все от него отвернулись, церковь – прокляла. В Московской Руси цареубийств не было. Они начались – в Петербурге“.

„Эти субъективные истины (читай: марксизм со славянским привкусом!) порождают /.../ тот калейдоскоп достижений и ошибок, который складывается в уникальный исторический пейзаж национальной (!) судьбы“. Такой же „пейзаж национальной судьбы“ сейчас в Румынии, и других странах, поработанных коммунизмом-марксизмом.

„Сегодня марксизм отдаляет ее от корней, принудительно навязывая ей (России) некий 'универсализм'. /.../ Каждый народ, **принимая** (!) чуждую его корням идеологию...“ и т. д. Принимаемая... Откуда у автора уверенность, что русский народ принял эту идеологию. Да еще и в том, что она „творческая, вдохновляющая“ для него?! Единственная надежда будущего, сегодня – именно в неприятии ее русским народом!

„Готовы ли русские к терпимости?“ – спрашивает автор дальше. И отвечает, разумеется, – „Нет... Потому что терпимость – не только синоним свободы. Это сам ее дух“. Неожиданно для автора сверкнула правда. Терпимость была в высокой степени, как нигде, свойственна

всему духу исторической России. Она была свойственна еще и России языческой. В России не было религиозных войн, они были там просто немыслимы. Также и татары отличались веротерпимостью. Отсюда следует, что нетерпимость „религии“ марксизма-ленинизма имеет отнюдь не русские, но целиком западные корни. Она очень сродни, по духу, инквизиции.

„Россия сумела обмануть и увлечь многие западные умы. /.../ Нынешние 'левые' упивались достижениями Ленина и Сталина“.

Ну, если подобную шизофреническую настроенность называть „умами“, то не о чем и говорить. Бедна стала Европа умами! А они (эти умы) названы дальше „изощренными и терзаемыми муками совести интеллектуалами“, „мучениками желания“...

Русский народ – народ, раздавленный убийственным и убивающим топтанием истории на гиблом месте топкого болота. Долгие десятилетия ничего не происходило, а только было; это монотонное топтание на месте, на дороге не вперед, – но вниз. (Что и восхищало „западные умы“).

„Именно это убогое, растительное существование позволило русскому народу извлечь максимальную биологическую пользу из собственного рабства“. Биологическая польза... Почти сто миллионов голов...

Э. Чоран очень охотно цитирует Герцена, как единомышленника (он „испытывал отвращение к России...“). Но вот, – тот же Герцен пишет: „...о той внутренней силе, и не совсем сознательной силе, которая столь чудесно сохранила русский народ под игом монгольских орд и немецкой бюрократии, под восточным татарским кнутом и под западными капральскими палками, которая сохранила прекрасные и открытые черты и живой ум русского крестьянина под унижительным гнетом крепостного состояния /.../, о той силе и вере в себя, которая жива в нашей груди. Эта сила нерушимо сберегла русский народ, его непоколебимую веру в себя, сберегла вне всяких форм и против всяких форм. Для чего? Покажет

будущее“.

И еще Герцен: „Они нас ненавидят из страха...“

*

Единство исторической судьбы лежит в основе национальной истории. И – Российской Империи. „Русские были вынуждены стать великим народом. У них не было выхода“ – пишет Г. Уэллс в предисловии к книге Г. Вильямса о России. Татарское иго длилось без малого 300 лет. 700 лет польских интервенций. Блокада Польши, Швеции и Ливонского ордена (еще 140 лет), Черноморская блокада (больше 300 лет). Монгольское рабство было величайшим несчастьем для России. Помимо прочего, оно разрушило демократические вечевые начала. И проглотило оно века, которые должны были привести Россию, наряду с Европой, к расцвету Возрождения. Пушкин писал: „Татары не походили на мавров. Они завоевали Россию, но не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля“.

Для Запада прогресс всегда был делом разума, рациональной воли. Для России – проблемой Духа.

Оказывается, „славянофилы, утверждая, что Россия призвана спасти мир, **слукавили**: чтобы „спасти“ мир, нужно сначала его покорить“. Славянофилы были явлением духовным, не политическим. Они основывали на вере быт и всю историю русского народа. Учение веры прилагалось и к формированию самого государства. Мироззрение славянофильства было русской мыслью и русской нравственностью.

В первый момент читаешь фразу о славянофилах с удивлением, но потом угадываешь истоки: „мода“ трактовки Данилевского и Леонтьева в связи с империализмом, экспансией, пророчествами социализма и пр. Но это толкование совершенно произвольно, неглубоко и тенденциозно. Пожалуй, сюда же примыкает и распространное сегодня, нелепое стремление представить политику Советского Союза как продолжение политики царей... Русская политика царей никогда не ставила себе

никаких **глобальных целей**. Даже „учение“ о Москве, как о Третьем Риме, было учением, зародившимся в **церковных** кругах. Оно не стояло в связи с внешней политикой Московского государства. Как не были и позднейшие течения панславизма (XIX век) выражением политики царей.

*

Одной из тем статьи Э. Чорана является тема империи. (Об империи пишет он и в эссе „История и утопия“).

Под мрачные звуки погребального колокольного звона говорит Чоран об империи. „Мысли и желания тиранов могут зародиться только в империях. (?) Они укрываются в самых темных закоулках нашего сознания, где мы храним свои душевные увечья“. Недоумение: причем здесь империи? Как известно, Иди Амин и Дювалье – не возглавляли империй. Не является империей Албания. Не были империей Красные Кхмеры. „Жажда власти вызывает в этих мрачных, не озаренных светом глубинах /.../ Сегодня имперская идея порождает на Западе лишь насмешку или отвращение...“ (Жаль, что ни насмешки, ни отвращения не вызывает империя коммунистическая, равно как и коммунистическая идея).

„Империя – не терпит свободы, ей необходим скрепляющий ее террор“. Совершенно верно: в империи коммунистической!

А вот – верная мысль: „Имперская идея нашла благоприятный климат в России. Впрочем, она существовала там чуть ли не всегда, во всяком случае – в сфере духа“.

В данном случае, это дано как характеристика отрицательная, однако, хочется сменить минус на плюс. Не подлежит сомнению, что империи бывают разные. Те, кто ратует за открытость и братскую связь между народами, вплоть до того, что договариваются до „мирового правительства“, „планетаризма“, не хотят видеть, что их иллюзорным целям империя может противопоставить цели более обоснованные – общежитие **живых** человеческих

культур, а не мертво-аморфную фалангу за волосы стянутого в общественную мясорубку планетарного улья! Так же коммунистическая империя является синонимом империи только формально, потому что империя – образование национальное. Коммунисты – не нация. Никакая, и нигде. (Но выгодная профессия!).

Идеей создания Российской Империи была идея народная – славянская общность защиты. Идея коммунистической империи – полностью антинародная.

Идея империи родилась в Риме, как тенденция развития мира, к единому человечеству. Дорога же империализму, национализму и милитаризму была проложена европейской философией (Фихте!) и Французской революцией в соединении с походами Наполеона. Но внутренняя гнилость Европы началась с самого завоевания Рима и своего средневековья она не преодолела никогда. Оттого и западные империи были скоропреходящи. Политическая история Европы была непрерывной взаимной резней, а их методы колонизации были методами вандалов. Кроме того, что в Европе, в самой ее основе, в самом ее духе отсутствует элемент общности, как таковой, каждый человек живет обособленно от других, отгороженно. (И по сей день!). Империя Карла Великого рассыпалась на другой день после его смерти. Она (как и другие европейские империи) была создана путем насильственного объединения. И Карл, и Наполеон, и Бисмарк строили свои империи насилием.

Империя Российская – была органическим стремлением масс, ищущих общности в защите и в государственном существовании. Москва и до Петра была империей, огромным многонациональным государством. В корне неверно, что народы объединяются, чтобы подчинить и переделать по своему образцу. И обратить в рабов. В России ни один из составляющих ее народов не был рабом, как не был и обезличен. (Не то – при социализме! Но ведь здесь действует идеология!) Империя Российская была **содружеством** народов. Существование их под одной государственной властью уравнивало инте-

ресы и делало взаимоотношения многогранными. И эта форма государственности – форма будущего!

Российская Империя была условием возможности возникновения и развития почвы, на которой выросла культура общечеловеческого значения. Во всей истории человечества, безусловно, не было более великого и величественного начинания-устремления: пробы создать христианскую империю! Каким-то иррациональным кривомыслием можно назвать все попытки очернить именно это.

Что подобная задача была и не легкой, и не скорой – ясно. Но это было стремление влиться в будущее с великими целями.

Кажется, Ницше ввел выражение „большая политика“, в том смысле, что это политика народа не прозябающего, но делающего историю, политика перспективы, имеющей смысл и цель. Маяком Российской Империи было будущее. Империи гибли, когда идея этого будущего гасла.

Империи – это открытость и общность. Сепаратизм же – узок и отстало реакционен, по самой своей сути.

Совершенно не надо отрицать право на существование княжеств Монако или Лихтенштейн. Это исторические курьезы, раз они живут – дай Бог им здоровья! Так, как сохраняются и старинные замки.

*

Корифей истории на Западе, А. Тойнби, который проводит знак полного равенства и преемственности между исторической и коммунистической Россией, добавляет: „Перенятое от Византии чувство ортодоксальности так же характерно для коммунистического режима, как было для православия раньше. И оттого верующие православные и славянофилы просто (!) переродились в убежденных марксистов“.

Шедевр. Не знаешь, чего здесь больше: наивности, „боевого задора“ или ... Рождают столь проницательные

истины и такую же „проницательную“ политику...

*

Э. Чоран пишет: „Запад побеждает, погибая /.../, уже за своими пределами. О творческом характере цивилизации говорит ее способность побуждать к подражанию“.

Запад никого не побеждает, только – гибнет сам, в безответственности, и губит других! Конечно, если не считать п о б е д о й – расцвет его коммунизма! Но это – стопроцентно пиррова победа... И здесь, если говорить о культуре „подражания“, то оно было не подражанием, но беспримерным насилием.

П о д р а ж а н и е же проявляет Запад сегодня удивительнейшим образом самому себе, т. е., своим старым и дискредитированным идеям: марксизму. Только: можно ли назвать это вполне иррациональное подражание „творческим“? Так и самоубийство можно назвать творческим!

Запад побеждает, погибая! Наоборот: Запад гибнет, здравствуя!

Для всей послевоенной эпохи характерно смещение тонуса: трагического – в фарс. Феноменами XX века были и коммунизм и фашизм (феномены однородные). Но гораздо поразительнее феномен добровольной сдачи Запада, сдачи мира.

Относительно „захвата Запада Советским Союзом“ (кошмар Э. Чорана): да, коммунистическая идеология пенетрантна. Но в этом феномене больше сдачи, чем захвата. (Оттого он так и успешен). Такие органы печати, как газеты «Washington Post», «New York Times» или «Le Monde» сделали для коммунистической Москвы больше, чем многочисленные дивизии! Равно – и повсеместное беснование „либеральной интеллигенции“ Запада. Троянскому Коню должен был бы быть поставлен памятник благодарности.

Западные демократии с самого начала показали себя как простые анексы коммунизма, все это spectacularно продемонстрировано после окончания Второй мировой

войны. Они просто передали в руки Советов всю Восточную Европу, вложив этим свою лепту в дело построения коммунистической империи. А теперь, с неослабевающим усердием – стараются и дальше. Логический ход вещей!

Пока что, Запад выстилает костями фундамент для этой империи в будущем расширенном виде. Правда, костями не своими, пока. Главным поставщиком костей является опять-таки Восточная Европа, в том числе и родина Э. Чорана – Румыния. Она уже при последнем издыхании.

Фраза: „В наше время англосаксы предпочли русскую гегемонию в Европе немецкой, потому что немцы были 'слишком близко'“. Да, предпочли. Но вовсе не потому...

„Запад стыдится своих завоеваний. Но любопытно: именно теперь, когда он замкнулся в себе, его давние идеи (?) побеждают и ширятся...“ „Так некогда Греция победила в сфере духа именно тогда, когда перестала быть государством“. Здесь уже просто разводишь руками. „Идея Запада“, „сфера духа“... Запад давно растерял все свои идеи, и показал спину всем сферам духа.

Э. Чорана пугает наступление монстра – России, готового поглотить и саму культуру. Неужели ему не видно, что весь успех этого (идеологического) предприятия, наступления основан на слабости этой культуры, на ее бессилии, уступчивости, унижительном лакействе, угодливости и шутовском приплясывании перед завоевателями, – и все только, чтобы **отодвинуть судьбу**... Еще день, еще один... Не темная громада России таинственно грозит Западу. Западу грозит он сам. Его духовное ничтожество, его мировоззрение (вернее, отсутствие такового!), его психология, его „порядок“. И его сд а ч а... Как и наказание за искажение мира, за многовековое уже преступление. „Европа приближается к концу, неизбежно заложенному в ней при самом ее рождении. И камень катится не столько с 1914 года, – он катится уже в течение четырех столетий“, – пишет Вальтер Шубарт.

Советологи пересчитывают „внешнеполитические успехи“ советских лидеров. Это не их успехи, а неудачи Запада... С самого начала занял он позицию „чего изволите?“ Перманентную, позорную, бесславную.

Оттого Запад и проявляет такое потрясающее бессилие в оценке сегодняшнего положения! Он сталкивается с самим собой и не хочет признать собственного отражения. Само современное западное мышление деградировало в утилитарную омертвелость, стандартизировано в застывших ошибках.

В духовных сумерках Европы, в ее побеге от всеобщей конфронтации с реальностью, в иррациональности ее „левизны“, – не заложены, но совершенно активно **действуют** самоубийственные тенденции. О том, что Европа закончила некий большой цикл своего развития, свидетельствуют ярче всего ее обмеление и пустота, ее бескровие и равнодушие. Кажется, что они необратимы. Слишком много аналогий можно провести хотя бы с гибнущим Римом.

Современная картина мира – это не картина красками по плоскости, но бесконечные провалы в глубину, срывы в тайный мир иррационального, в пугающие бездны самоуничтожения, все более обнажающиеся. Цивилизации умирают и з н у т р и. И Греция, и Рим пали, пораженные червоточиной в собственном сердце.

*

Марксизм – попросту непостижим, без личного знакомства с Западом. Только так видишь и понимаешь „высокую концентрацию“ материальной пошлости марксизма.

И вот, со времен революции 1917 г., Запад по тайным каналам хлынул в Россию. Новая форма государственности в России – западная форма. Россия стала „филиалом“ западной технической цивилизации. И все максимумы коммунизма – тоже оттуда. Коммунизм, с его несостоятельностью, агрессивностью, с его „нравственностью“,

оправдываемой террором, попранием человеческой справедливости, – ведь все это законное дитя Запада. И иллюзорная „война“ с ним, которая проигрывается сегодня, война в доктринальных рамках самого Запада. Так называемое „противостояние“ – Запада Востоку сегодня – чисто мнимое. Потому что это борьба братьев-близнецов, сиамских, притом. Это две формы одного и того же западного материализма, которые пришли в родственное столкновение. В этом расколе единого зла – трагедия сегодняшнего состояния мира. Свободный мир живет весь этот век в состоянии хронического альянса с палачами. Вспомните конец „Скотского хутора“, Орвэлла:

„Возникла бурная ссора. Кричали и стучали по столу... Причиной было, видимо, что Наполеон и м-р Пилкингтон одновременно пошли трейфой./.../ Звери смотрели в окно, переводя глаза от свиньи к человеку, и назад, и снова к человеку. Но уже было невозможно различить, кто был кто“.

Разгадку психологии марксистов-преобразователей надо искать не в Москве. А на Западе. Но придет день, когда из „роковых яиц“, согретых сердечным теплом западных „либералов“, начнут вылупляться живые птенцы...

*

Запад принимает свою естественную форму... Новые течения в „теологии“ уже прямо употребляют термин: „безбожная религиозность“.

Религия заменяется законом, социальными преобразованиями, которые пытаются еще и произвести прямо от Маркса. С Запада надвигается новое пустое отступление, приспособляемое к новому состоянию человечества – “до Адама“.

В теологическом сочинении под названием „Другая церковь, другая вера“, католический священник Andre Monjardet пишет: „Сделать землю обитаемой для человека. Нет неба, нет потустороннего“. От религии – вообще не остается ничего. Это – провозглашение чело-

векобожества. Не от этой ли пустой, безблагодатной религии человекобожества предостерегал Достоевский, образом Кириллова, в „Бесах“? От человекобожества предостерегали, в ужасе, и Достоевский, и Вл. Соловьев. А Шпенглер писал, что „христианству Достоевского принадлежит следующее тысячелетие“.

*

Особого любопытства читать „произведения“ левых „интеллектуалов“ Запада, как всякий поймет, нет. Но – от судьбы не уйдешь. Непостижимо-случайно попала в руки книга: „Протоколы интернационального конгресса объединения ученых всех областей знания“ (!), теологов христианских церквей, писателей, художников, журналистов. Том XX-й. Выходит два раза в год.

Клуб якобинцев? Во вступительной статье поясняется, что общество – интернационально, работает уже десятилетия, центр в Швейцарии (как некогда у русских революционеров).

Вот названия (только!) главных работ: „Стратегия перманентной революции“. „Стратегия гуманизирования“ (судя по слову „стратегия“, военно-насильственная?), „Политика образования“, „Проблемы политического господства“, „Христианство и марксистский гуманизм“.

Достаточно? Ведь это – симфония освобожденного Зла. Симфония уже космическая. (А Э. Чоран пишет о „космогонии“ в России).

Определения, как „чувствительный и хрупкий Запад“, „утонченный Запад“ – не соответствуют сегодня ничему. Подобного в природе нет (да и было ли?).

Это высокомерие „превосходства“... Сколько веков билась о него Россия! Но только: „вирусом свободы“ – заразиться она от Запада не может!

*

Россия очень глубоко пала, извела самые ужасающие,

самые невероятные лишения всех видов нищеты. Но даже и такой, в сейчасошной своей убогости, она сегодняшней Европой не соблазнится. „Заглатывание“ Европы – совершается Ее Величеством Идеологией (европейский бумеранг!), не Россией. У России есть природный хороший вкус к истинной Красоте, и его еще достаточно, для того, чтобы теперешняя Европа не могла ее соблазнить... Русскому – ее мир жалок, нелеп, бессодержателен и скучен. В нем нет живого воздуха для дыхания. Воздуха свободы и истинной.

От любви долгих прошедших веков можно вылечиться в одно мгновение, почувствовав „дух“ Европы сегодняшней. И оставить ее вариться и дальше в ее собственном соку.

Как отказался от выигранного пари человек, в одноименном рассказе Чехова. Или – как поступил Кавалер да Лорж, в „Перчатке“ Шиллера, сказав надменной безнравственной Кунигунде: „Ihr Dank, Dame, begehrt' ich nicht!“ („Ваша признательность мне не нужна!“).

Не стоит судить о европейских радостях по восторгам новейших эмигрантов, людей прагматической складки. Выкарабкивались – приспособленные. Которым и „там“ жилось не так уж плохо, (судя по пышным титулам). Во всяком случае – лучше чем рядовым русским.

*

Что касается государств Восточной Европы (тема Э. Чорана), то охотно соглашаешься с их оценкой – нерастраченной молодости, свежести и сил. Но, что касается омоложения ими Европы, то на последнюю никакой эликсир молодости не подействует. Ее договор с Мефистофелем – завершен. Не всякого Лазаря можно воскресить. Чоран того мнения, что сейчас Восточная Европа подобна пылающему публичному дому, но ей должны быть прощены и ничтожность и вульгарность. „Вульгарность их речи и жестов оттого, что по тысяче причин им приходилось кричать громче, чем тем цивилизованным

народам, у которых крик замирает на губах“. Но только ведь – вульгарны вовсе не те, которым приходилось кричать... Вульгарен был Братиану. На Версальской конференции... Что же касается румынского народа – в его совершенно подавляющем большинстве крестьяне – то он отнюдь не вульгарен.

Относительно же „цивилизованных народов“, „гибнущих молчаливо и гордо“, подавляющих как Муций Сцевола боль, – то это фантазия автора. Представляется, что европейские буржуа будут гибнуть как тараканы.

*

Неожиданно, „хрупкая и утонченная Европа“ получает и другую характеристику. „Приближаясь к западной оконечности континента испытываешь ощущение, что падаешь, – хоть и красиво падаешь, – в пустоту“.

Э. Чораном записаны великолепные эсхатологические видения, конца истории. Так реально и страшно, словно философ их не раз пережил. Это – конечная катастрофа тех, кто „о д е р ж и м ы а д о м“. Не останется никого, как только случайные уцелевшие одиночки. Как в „Алой чуме“ Д. Лондона, только страшней и реальней. И еще, очень страшное, – состояние человека, перед этим концом: ликвидировав все свои старые веры, погружен он в черную безнадежность безбожия, утери всякой опоры в метафизическом... Пуста, как сам он, будет и его смерть.

„Вероятно, будут одиночки, которые переживут катастрофу, и смогут наблюдать ее ход, для того, чтобы в ужасе отбросить воспоминания о бывшем человечестве, о всем, что оно предпринимало, чтобы дискредитировать себя и стать осужденным. Города будут разрушены. Какое-нибудь жалкое деревцо будет иметь бóльшую цену, чем музеи или храмы. Вид любых книг будет вызывать отвращение, как и все, что относится к наукам. Об этом будут говорить со стыдом и страхом.

Не станут воскрешать ни идолов, ни богов. Будет великое и безжалостное отталкивание от истории. /.../ Осво-

божденные от безумия делания, пережившие будут жить монотонностью. Каждое утро будут они бормотать анафемы предшествующим поколениям.

Свободные и равные, люди выберут, наконец, одного из своей среды, которого они поставят над собою. Одного, который не имел бы ни в жизни, ни в своем мышлении какого-либо из пороков уничтоженных людей. Его будут почитать, и не успокоятся до тех пор, пока не станут ему подобными. /.../ Но кто поручится нам, что они, достигнув цели, не впадут в ошибку своих предков? Насытившись Раем не станут искать Ада?«

*

...Но все же, какой же он - Снежный Человек?
Какой же он - русский?

Странно, не приходят на ум ни герои, ни богатыри! А только какие-то невнятные и негромкие мелочи стучат в сердце. Почему-то вспомнилась лежащая забыто „надкушенная булочка“, у Марьи Тимофеевны, этой Пленительной Юродивой: души, не донесенной Ангелом до неба, и забытой на земле.

Вспомнилась, опять-таки, мелочь: как мальчик, в рассказе Лескова „Зверь“, спрашивает няньку: „Можно ли молиться за медведя?“

И вот - конец „В овраге“, Чехова: Липа, ночью, несет мертвого своего младенца, на дороге, из темноты, люди.

„ - Вы святые? - спросила Липа старика.

- Нет. Мы из Фирсанова.“

И еще дальше, в конце. Из какой беспредельной небесной глубины: „Впереди всех шла Липа, и пела тонким голосом, и заливалась, глядя на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончен, и можно отдохнуть.

Встретили старика Цыбукина. Липа поклонилась низко и сказала:

- Здравствуйте, Григорий Петрович!

Старик смотрел, губы у него дрожали и глаза были полны слез. Липа достала из узелка у матери кусок пирога с кашей и подала ему. Он взял и стал есть“.

Все-таки, все-таки... Может быть, и сейчас еще не совсем потух Дух Божий в нашем народе? И в душе его живут еще жалость, любовь и добро...

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118
Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО
(кроме воскресенья)
С 10 до 6 ч.

Е. В.

ЕЩЕ ШТРИХ К ОБЛИЧЬЮ НАТАНА ЭЙДЕЛЬМАНА

В Москве, в Центральном Доме литераторов, прошел семинар „Сталин – человек и символ“. Председательствовал Натан Эйдельман. Отрывок из его заключительного слова:

„Что касается статистики зверств, статистики убийств, то об Иване Грозном мы тоже имеем крайне приближенные модели. Эпоха Петра Великого – это вообще не делает чести нашей науке, тут просто не разработано. Но это далекий разговор. Подход к деятелю, который что-то сделал, руководил страной в сложный момент, но пролил много крови... Соловьев, Ключевский понимали зверство Ивана, но писали – в высокой форме: с одной стороны, с другой стороны... Пролил кровь, но все же... Я упрощаю, но в общем их концепция была такова. Их предшественник Карамзин – решительно этого не понимал! Он отлично знал, что сделал Грозный: да, взята Казань, присоединена Астрахань, Судебник, но... нет прощения крови! Из этой крови, из этого убийства – родились те бактерии, те гладоносные насекомые, которые потом поработили народ российский!“

Итак, прежде всего, пасквиль на русских историков. Они ничего не знали, ничего не понимали, ничего знать не хотели... Но зато он, Натан Эйдельман, выпускник МГУ и прочая, и прочая, все понимает, все доподлинно знает!

Самое пикантное – наскок на Карамзина. Не так давно,

Натан Эйдельман ссылается на Карамзина (безбожно приписывая тому утверждения, которых не было и в помине) для „поучения“ Астафьева. Сейчас он поносит его. Оба раза – и хвала, и пакость – с одной целью: опорочить русский народ, облить его грязью.

По Эйдельману, советская власть, со всеми ее преступлениями, Сталин со всеми его злодеяниями, это результат тех бацилл, которые родились из крови, пролитой Иваном Грозным и Петром Первым.

Сравнение Сталина с Иваном Грозным и Петром Первым мы уже слышали. Сам Сталин очень стремился доказать подобие: проливаю кровь, но творю „великие дела“.

Сейчас же все наоборот: недруги России, злопыхатели и русофобы, пытаются доказать то же самое, но теперь не для того, чтобы возвеличить Сталина, а чтобы плеснуть лишний раз грязью на русский народ и его историю.

Не будем вдаваться в дальние исторические исследования, каковы были революции на „цивилизованном“ Западе и в философские и социологические рассуждения, где корни материализма, социализма, марксизма, откуда они завезены на русскую землю. Сделаем просто: посмотрим, чьи руки запятнаны в преступлениях против народа российского. И чтобы нас не обвиняли в тенденциозности, перечислим только тех, которых упомянули в симпозиуме.

Итак, считаем: Сталин, Ежов, Берия, Фриновский, Родос, Мичурин-Равер, Надорая, Саркисов, Владзимирский, Кобулов, Деканозов, Гоглидзе, Абакумов, Комаров, Броверман, Райхман, Мильштейн. Итог: один Ежов – бесспорно русский, кажется, это его настоящая фамилия. Возможно, Комаров русский, если не еврей, маскирующийся под русского. Восьмеро (половина!) бесспорно евреи, еще двое – возможно. Остальные кавказцы, Владзимирский – не то поляк, не то еврей. Берию можно причислить и к евреям, и к кавказцам.

Оставим в стороне кавказцев, поговорим о соплеменниках Натана Эйдельмана. Не посоветовать ли Натану

Эйдельману по-крыловски: „Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?“ Разве „историк“ Эйдельман может подумать, что Берия и Мичурин-Равер, Броверман и Мильштейн вдохновлялись деяниями Ивана Грозного и Петра Великого... В своем письме Астафьеву Натан Эйдельман говорит, что прежде всего человек должен, размышляя о плохом и ужасном, винить себя. Вот это мы ему и советуем от всей души. Благо, в чем себя винить недостатка не будет!

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

ЛЕВ

01 АГНИВЦЕВ Н. - „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ - Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ - Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. - Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. - Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. - Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. - Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. - Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. - Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. - Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. - Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. - Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. - Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. - Шалапин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. - Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. - На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. - За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. - Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. - Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. - Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. - Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. - Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. - Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. - Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. - Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. - Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша - Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша - Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша - Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша - Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. - Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. - Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ - Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

СНОСНОУС Влад. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

А. В. Карташев

Единство России*

Что это? Аксиома или еще проблема? Добро или зло? Просто факт, подлежащий переоценке и политической переделке даже в свою противоположность, т. е. в расчленение России, или это норма, историческое достижение, подлежащее *принципиальному* хранению, укреплению и культивированию? Какой пафос тут уместен: пафос ненависти, искоренения, разрушения, революции, или наоборот – пафос любви, многообещающих надежд на манящую эволюцию от хорошего к еще лучшему? Не разрушение, а созидание, творческое усовершенствование? Всякие колебания и выборы здесь *исключаются*. Никакой двусмысленности, а простейшее: или – или. Или спасение России, или ее уничтожение.

До этого выбора не просто преждевременны, а и беспочвенны, бессмысленны обсуждения многообразных форм российских автономий и федераций. Это уже

* Статья впервые опубликована в 1954 году.

вопросы вторичные. Это внутренние удобства и украшения жилых комнат после того, как решен вопрос первоочередной, о существовании *самого дома*. Единый государственный организм – это *первое* основоположное *условие* для разработки всех других отраслей его благоустройства.

Все это для „здорового ума и твердой памяти“ так самоочевидно и элементарно, что как-то неловко об этом распространяться, ломиться в открытые двери. Но... действительность – не логическая машина. И человек соткан из противоречий. У всех разум неотрывно связан с эмоциями и страстями. Не только окрашивается последними, но и подчиняется им. Часто слепо и рабски. По немецкой половице – „Желание есть отец мысли“. Мысль, и часто абсурдная, неудержимо рождается из желания. Вот почему и азбучные истины приходится доказывать, проверять меркой холодного разума независимо от того, совпадает ли объективная истина в данном случае с чьими-то эмоциями и страстями, или резко им противоречит. Ибо истина неумолима. По шерсти тебе, или против шерсти, а должен ее признать.

Истина единства России против шерсти сепаратистам и потому они не удовлетворяются никакими самыми широкими программными планами построения единой России, хотя бы и в смелом сочетании с областными территориальными государственными самоуправлениями на автономных и федеративных началах. Наши программные планы могут быть гораздо радикальнее и свободнее, чем в Швейцарии, в Бельгии, в бывшем германском Рейхе, в Американских Соединенных Штатах. Если Британский Союз Доминионов и кажется еще шире, то это лишь потому, что он разбросан по всему земному шару, а наш союз народов территориально на редкость монолитен.

Но и наша Российская федерация областей и национальностей еще вопрос будущего, еще шкура пока не убитого медведя. Сейчас на очереди другая, более простая, ударная злоба исторического дня – вопрос освобождения всего российского государственного организма от небыва-

лого еще в истории политического рабства. Увы, не в нашей власти предрешить: как? нормальным ли путем внутренней революции, или случайным – в потрясениях неизбежной войны? Но все равно, все народы России, поработанные внутри и свободные в мировом рассеянии, фатально обречены на решение именно этого первоочередного, неизбежного вопроса о низвержении большевизма. И если у первенствующего русского народа, с засевшей в недрах его центральной тиранической властью, есть две возможности освобождения – и революционный переворот изнутри, и переворот в условиях внешней войны, то у народов центральных и окраинных одна надежда – на внешнюю интервенцию. Ведь это ребяческая фантазия думать, что могут устоять хотя бы и восставшие: Туркестан, Кавказ, Крым, Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония при наличии большевистской власти в Москве. Да и сама мысль о восстании их просто исключена без иностранной интервенции. Отсюда и соблазн многих лидеров окраинных национальностей сепаратически мыслить о путях свержения коммунистического ига. Соблазн тем больший и роковой, что он встречает опору в закоренелом исконном пороке мировой политической мысли, в инстинктивной вражде к факту и идее Великой России. Эта слепая русофобия есть не только обветшавшая традиция коронованных дворов и династий – польских, австрийских, германских, шведских и прочих, но пореволюционных Наполеонов, Кошутов, Гарибальди и новейших демократий, при единомыслии в этом со всеми ими и всемирной монархии – Ватикана! Всем им рисуется величие и сила России темным призраком, опасным чудовищем, грозящим светлым перспективам европейской цивилизации и самой непогрешимой римской Церкви. Всех соблазняет мечта о том, чтобы исчез с горизонта, сокрушился и рассыпался на куски этот гигант-истукан, как во сне Навуходоносора. Груболобный злой анекдот о России, как о тюрьме народов, выдвигается в оправдание этого веками освященного, гордынного западного презрения к „темному варварс-

кому“ Востоку. Расчленение России, диктуемое национальными эгоизмами, не без лукавства мотивируется высокими идеалами исторического восхождения человечества все к высшим ступеням цивилизации.

И в этом первородный грех западного отношения к России. В эту порочную русофобию политической мысли, как в пропасть, проваливаются до настоящего момента все полумеры к ликвидации самой актуальной мировой опасности: опасности перехода в лапы коммунизма всего земного шара. Началось с того, что великие демократии охотно примирились с большевистским захватом России. Им показалось, что этим радикальным истреблением старого режима одновременно достигаются две цели: и демократизация России, и ее ослабление и разделение. Теперь лишь начинают прозревать, что получилась полярная антитеза столь оптимистическим ожиданиям. Воцарились деспотизм и рабство, побивающие все исторические рекорды, плюс бешеный милитаризм, дышащий агрессией на весь мир. Но мировая ментальность не в силах поспеть за такой метаморфозой и повернуться ни много ни мало на все 180 градусов. Великие мира сего все еще ищут соглашений и сделок, укрощений „зверя из бездны“. Все еще кокетничают друг перед другом и перед своими издавна обманутыми массами, будто ждут не дождутся – лететь в Москву для мирного сговора с кремлевскими деспотами. Однако смертельная опасность, нависшая над миром, вынуждает демократии даже против их воли оторваться от своего легкомысленного пацифизма. Из трагедии уже нет и не будет другого выхода, кроме борьбы на жизнь и смерть. Враг был и будет по неизменной природе своей агрессивен. Через пропаганду, разложение, пятые колонны, от холодной войны он переходит в стадию горячей, пока смехотворно закамуфлированную в местные гражданские войны: в иранскую, корейскую, индо-китайскую и т. д. В удобный для него момент он развяжет и мировую... Демократии – СССР это знает – честно сдержат свою непротивленческую чистоту.. Не бросят первые атомную бомбу. Примат разбой-

нику торжественно гарантирован.

У демократий в руках много материальных преимуществ для состязания с коммунистической армией, но – увы! кроме главного и решающего, кроме лозунга положительного: за что они будут бороться? В том-то и дело, что мало лозунга отрицательного: против чего? Мало: „Против коммунизма“. Немцы блестяще проэкспериментировали это своим сказочным провалом. Русские – не безличные зулусы, готтентоты или обитатели островов Фиджи. Русскому народу нужна Великая, упирающаяся на все четыре моря, Единая, при всей многонародности, Россия. За нее он встал даже под знаменем ненавистной советской власти, против оскорбительного, безумного посягательства немцев. Немало уже светлых голов и великодушных сердец среди демократий поняли эту очевидную истину. Но до коренного изменения курса официальной дипломатии и политики, до перемены в этом пункте почти всего мировоззрения парламентов и правительств еще далеко. До отчаяния далеко! А все провалится, все будет опять проиграно без такой перемены.

В предстоящей борьбе за „быть или не быть“ свободному человечеству, „устоять или погибнуть“ гуманитарной цивилизации от гангрены коммунизма, никакие атомные бомбы сами по себе доставить победы не смогут, если их слепая разрушительная сила будет ложно направлена. А она все время грозит быть таковой. Смешивая Россию и большевистскую диктатуру над ней, все время собираются воевать не исключительно против единственного врага – партийной верхушки СССР, а вместе и против своего верного друга, союзника и спасителя, т. е. против самого русского народа, против самой России. Отделить антинародную партийную власть СССР от подлинной России, демократии в целом еще не в состоянии. Отдельные прозревшие лица (в каждой стране они есть) – увы! не в счет. Все равно (как всегда бывает в политике) интервенции грозят пойти по гибельному пути огульных общепринятых политических лжеистин, плоских и даже пошлых демагогических лозунгов. Гроза во-

оруженной борьбой, хотя и спровоцированной СССР, демократии по всем признакам преследуют свою навязчивую цель расчленения России, т. е. собираются дать самостоятельное государственное существование всем окраинным национальностям, кроме нации центральной, русской. Если так, а пока, к сожалению, это так, то они роют себе верную историческую могилу и увлекают в нее за собой судьбы всего человечества.

Слепы до сих пор интервенционные планы и программы демократий. Ни урок Карла XII, ни Наполеона, ни Гитлера не открыл им еще глаз. Они до сих пор не умеют еще расставить в роковой игре стратегических фигур и сделать первые правильные ходы. Какие же еще громы небесные должны потрясти мир, чтобы открыть свободным народам глаза и заставить их твердо и честно объявить, что единственный путь к миру всего мира и спасению человечества ведет через освобождение России и русского народа от оков СССР, жертвы от палача? Долго ли еще эта застарелая дипломатическая болезнь принципиальной русофобии будет убаюкивать себя безнадежной, ибо неумной, задачей – сепаратистского отрывания от Московского центра каких-то частей, с предоставлением центральному коммунистическому удаву продолжать существовать, вновь усиливаться и снова их поработать. Несерьезная, нереальная утопия! Тут применимы пророческие слова гоголевского городничего: „Кого хочет Господь наказать, то прежде всего отнимет разум“. Великие мировые демократии страдают фатальным раздвоением сознания: еще гонятся за двумя зайцами, хотят разбить не только большевиков, но самую Россию. Питают бесплодные самостийные фантазии малых национальностей и тем отстраняют их от великой освободительной борьбы единым всероссийским фронтом. Единый фронт за единую Россию заключает в себе максимум реалистических надежд и для всех российских национальностей. А дробная маленькая самостийническая борьба за самостийные идеалы есть в сущности борьба против России, т. е. российская междоусобная война, укрепляющая и

оправдывающая власть большевиков над всеми народами России. Поскольку мировые державы в своих планах сбиваются на этот путь, они совершают безумный акт собственного самоубийства.

Но русский народ, даже и покинутый всем миром, все равно не может остановиться в своем единоборстве с большевистской тиранией, пока ценой безмерных страданий и неисчислимых жертв не вернет себе свободу под священным для него знаменем Единой России, свободной, многонациональной, многоязычной, но русской по государственному языку и культуре.

P. S. О чем мы лично ревнуем при написании этих строк? Горечью и негодованием на людскую узость. Националы скажут: ну, ясно, что ревнуете о вашем маленьком великорусском национализме, чтобы без совести и меры поработать все остальные российские народы. Плоскость такого обвинения настолько глубока, что ее не одолеет и многотомная полемика. Поэтому, без всякой надежды на переубеждение одержимых страстями национализма, ради людей здравомыслящих просто укажем здесь, без аргументации, историософские предпосылки наших утверждений.

В чем верховная цель исторического процесса человечества? Не только в „благоденственном и мирном житии“. Разумеется, дай Бог это всем и каждому. Но человеку и человечеству в целом, с бесконечными запросами духа, мало одного зоологического существования. Человек носит в себе неистребимое стремление творить высшие культурные ценности. Пред этими ценностями он преклоняется, он им служит. Осознает он ясно или влечется только высшим инстинктом, – все равно он служит этим Богу. В этом его подобие Творцу – в подъеме от звериной норы и стада до народа, до государства, до союза народов и государств, до великих сложных объединений и единого вселенского человечества.

Если так, то пафос сепаратистов и их иностранных подстрекателей – есть пафос величайшей всемирно-исто-

рической реакции. Пафос задержки человечества на теперешней стадии безысходных войн и отвратительной, унижающей человека, зоологической вражды. Вместо ускоренного стремления к сближению в комплексы народов, условно называемые империями. Империи – это многообещающие формы возвышающего прогресса, выведения народов из биологического прозябания, это – приобщение к высотам культурного плодоношения. Одновременно и – умиротворение. Это великие опыты приближения к вожделенной цели – всеобщего мира, а не „войны против всех“. „Пакс Романа“ – мир мировой Римской Империи, на время блеснувший светлым привидением античному миру, – классическая иллюстрация к оправданию империй.

Другой вопрос это – благоустройство самих империй. Нормальная империя должна оправдывать свою роль объединительницы, совмещая в себе живое разнообразие составляющих ее частей, рас, культур, языков, народов, религий. Разнообразие в единстве и единство в разнообразии. Подлинно государственный культурный и духовный синтез или аккорд. Империя, неспособная выполнить своего прогрессивного назначения, сама себя тем ослабляет и гибнет. Одно только остается из опыта всемирной истории как Божий день ясным и бесспорным: создание и благоустройство империй как этапов на пути к миру всего мира, есть дело прогрессивное, а их разрушение, есть дело реакционное, поворот от всемирности к захолустьям провинциальности, расчеловечивание человечности.

П. П а л и й

**„К р а с н ы й К р е с т“
И
„С е р п и М о л о т“**

Количество военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в плену у немцев в течение первого полугодия войны 1941 - 1945 гг., было полной неожиданностью как для Германии, так и для всего мира. Такой массовой сдачи в плен солдат и офицеров одной воюющей стороны войскам другой в самом начале военных действий в европейской истории до этого не отмечалось. В немецких военных архивах приводятся следующие цифры: В 1941 году взято в плен 3.355.000 советских военнослужащих; в 1942 г. - 1.653.000; в 1943 г. - 565.000; в 1944 г. - 147.000 и в 1945 - 34.000. Там же есть и другие цифры. Зарегистрировано смертей (в лагерях и других местах содержания военнопленных) - 1.981.000 человек, умерло и пропало без вести во время транспортировки - 237.000, убито по разным причинам - 437.000, погибло при побегах - 67.000 человек... Всего попало в плен 5.754.000, погибло - 2.722.000 человек, 47%! (Эти сведения взяты из книги

А. Даллина „Немецкое управление в России в 1941 - 45 годах“). При дальнейших рассуждениях в этой статье приведенные выше данные принимаются за основу, хотя, по всей вероятности, указанные А. Даллиным цифры являются преуменьшенными. В советской литературе и в официальных документах, касающихся вопросов плена, истина тщательно скрывается и общее количество советских военнопленных в Германии исчисляется, как сказано в „Истории Отечественной Войны“, - „около двух миллионов“.

Почему же такое огромное количество советских военнослужащих оказалось в плену? Почему почти половина их погибла? Советские объяснения причин катастрофического поражения Красной Армии, бегства, отступления и немецкой оккупации Украины, Белоруссии, прибалтийских стран и значительной части территории Великороссии основываются на том, что „немецкие фашисты внезапно и предательски“ начали войну и неожиданно „нарушили священные границы Советского Союза“. „Предательски“ - это просто для красного словца. Что же касается внезапности, то ее не было. Последние три месяца перед началом войны Германия начала интенсивную подготовку выполнения военного плана „Барбаросса“, причем почти открыто. Нарращивание немецких вооруженных сил по всей границе 1939 года, разделявшей СССР и Германию, также, как и сосредоточение ударных частей и соединений с глубоким стратегическим эшелонированием в наиболее важных стратегических направлениях, было хорошо известно советскому военному командованию, правительству и самому Сталину. О существовании плана „Барбаросса“ Сталин получил информацию из самых различных источников. Армейская разведка, интернациональная сеть советского шпионажа и даже английские разведывательные органы информировали советское правительство о военных приготовлениях Гитлера и даже о примерном сроке немецкого вторжения в СССР.

Поражение Советского Союза на первом этапе войны и огромное количество военнослужащих советских во-

оруженных сил, бросивших оружие на землю и поднявших руки, было следствием главным образом двух причин. Основная причина была та, что в первые месяцы войны большинство личного состава частей и соединений передовой линии советских войск не пожелало защищать свою страну, ее правительство и правящую элиту, компартию и систему государственности. Второй причиной явилось то, что после „дела Тухачевского“ руководство Красной Армии было в состоянии „шока“, дезорганизации, реорганизации, чистки и перестановки командного состава, начиная с полкового уровня и до Генерального Штаба. Не количественно и не по своему вооружению, но по психологическому и моральному состоянию Красная Армия не могла противопоставить себя военной машине Третьего Рейха. Советская сторона на протяжении всей линии фронта – 2900 километров от Балтийского до Черного моря – к моменту начала войны 22 июня 1941 г. даже имела численный перевес. По опубликованным данным, немцы имели 1.900.000 человек (120 дивизий), 3.350 танков и 1.980 боевых самолетов на передовой линии и 1.300.000 человек (31 дивизия) тактического резерва. Советский Союз имел 2.500.000 солдат и командиров (с тыловым обеспечением), 19.000 танков и 7.700 самолетов.

Германия начала наступление тремя армейскими группами. На юге командовал фельдмаршал Карл фон Рундштедт, в центре фельдмаршал Федор фон Бок, а на севере фельдмаршал Вильгельм фон Лееб. Против этих трех немецких полководцев Советский Союз выставил трех испытанных маршалов Красной Армии, героев гражданской войны: против Рундштедта Семена Буденного, против Бока – Семена Тимошенко и против Лееба – Кlementия Ворошилова... Трое старых, воевавших четверть столетия назад, обюрократившихся партийных вельмож против трех немецких генералов, блестящих организаторов и создателей Вермахта, в то время самой мощной вооруженной силы в мире.

Результат: немцы под Москвой, Ленинград окружен, Балтийский флот заперт в заливе и за первые 12 месяцев

войны почти 5 миллионов советских солдат и офицеров оказались в немецком плену... не считая всех других колоссальных потерь.

Война между Советским Союзом Сталина и нацистской Германией Гитлера окончилась подъемом красного флага с серпом и молотом на Бранденбургских воротах Берлина. Главной причиной разгрома Германии явилась патологическая глупость высшего политического руководства этой страны, не способного и не пожелавшего, в угаре побед первого года войны, оценить антисоветские настроения военнослужащих Красной Армии на фронте и такие же настроения почти стомиллионного населения оккупированных районов СССР.

Не углубляясь в военные, политические, психологические и иные причины победы Германии и поражения Советского Союза в первую треть войны и разгрома Германии в конечном итоге этой войны, можно сказать, что причины эти обуславливались двумя факторами:

1. Нежеланием большинства военнослужащих Красной Армии воевать в первые месяцы войны;

2. Политической слепотой Гитлера и его ближайшего окружения, оказавшихся неспособными использовать уникально-благоприятную ситуацию для превращения войны из захватнической в войну против коммунизма.

Это следует помнить, чтобы понять, что произошло с теми миллионами советских граждан, одетых в военную форму, которые попали в плен, понять, почему половина их погибла в лагерях и на пересылках от голода, холода, болезней, измождения, от издевательств, избиений или просто убитых или замученных. Погибло 50% пленных, почти три миллиона человек! Начиная с конца XVII столетия, ни при каких войнах такого процента погибших во вражеском плену еще не было! Тут вполне уместно говорить о массовом истреблении.

После войны на явление массового истребления мировое общественное мнение реагирует чрезвычайно остро. Огромная литература, исторические изыскания, кинофильмы, телевизионные программы созданы после

войны, чтобы общественность земного шара помнила о злодеяниях гитлеризма. Но это относится главным образом и почти исключительно к вопросу об истреблении еврейского населения Европы нацистами. Другие преступные действия нацистов Гитлера или коммунистов Сталина, в целях того же массового истребления людей, затушевываются, замалчиваются, предаются забвению и, даже, часто искажаются. Почти не вспоминается о массовом уничтожении украинского крестьянства в годы коллективизации, об уничтожении немцев Поволжья, крымских татар. Катынь, гибель советских военнопленных в Германии и многие другие массовые истребления относятся к преступлениям, о которых много говорить не принято... И тем не менее, целью этой статьи является привлечение внимания к массовому истреблению людей, о котором сейчас редко кто вспоминает – к истреблению миллионов военнопленных...

По классическому определению, военнопленным является лицо, захваченное в плен или интернированное одной из воюющих сторон, принадлежащее к вооруженным силам другой воюющей стороны находившееся во время боевых действий на военной службе. Это определение положено в основу всех международных соглашений, правил и законов, так или иначе касающихся всего комплекса вопросов плена. Шесть миллионов военнослужащих СССР, оказавшиеся в плену, не получили статуса „военнопленный“, были брошены на произвол судьбы вне досягаемости защиты международного права и почти половина их погибла по вине правительства страны, гражданами которой они были.

Вопросы ответственности за сохранение жизни солдат и офицеров, попавших в плен к врагу, их содержание во время военных действий между воюющими странами, имеют глубокие корни в истории развития международных отношений в цивилизованном мире.

Более шестисот лет назад, в середине XIV-го столетия, некоторые писатели и философы начали обсуждать возможности выработки определенных правил и законов,

касающихся сохранения жизни и условий содержания военнопленных, а также ответственности за это их пленивших. Сперва раздавались только отдельные робкие голоса против антигуманного обращения с военнопленными, против безжалостного, грубого превращения их в рабов. Постепенно эти голоса слились в достаточно громкий и стройный хор зарождавшегося международного общественного мнения, обретший некоторую силу влияния на правительства или правителей отдельных стран. Еще во второй половине XIV-го века советник французского короля Франсуа Виктория писал в своей работе „Справедливость и война“, что пленные могут быть подвергнуты смертной казни, если они уличены в преступлениях, но он категорически протестует против убийства попавших в плен солдат, ибо „эти солдаты – честные люди, выполнявшие свой долг; они не заслуживают смерти и презрения, но жизни и уважения“. Спустя 250 лет, в 1625 году голландский юрист, философ и историк Гуго Гроциус, опубликовал книгу „Законы войны и мира“, переведенную на все европейские языки, положившую начало международной дискуссии о необходимости гуманного отношения как к раненым, так и к здоровым военнопленным, сдавшимся на милость победителя.

Первый известный официальный договор о военнопленных был подписан между несколькими германскими государствами в 1648 году в Вестфалии. Договор обязывал враждующие стороны по окончании войны или при перемирии репатриировать захваченных в плен солдат в „здоровом состоянии“ без требования уплаты выкупа за них.

Французский мыслитель, философ и теоретик Шарль Луи Монтескье, после многих лет работы, издал в 1747 году монументальный труд – „О духе законов“, где он представил стройно разработанную правовую систему, рамки взаимоотношений и ответственности воюющих стран по всем вопросам содержания пленных, заботы о раненых, репатриации при прекращении военных действий и, впервые, предложил принятие международных

законов и санкций при их нарушении.

Во время войны за освобождение Американских Колоний от владычества Великобритании Джордж Вашингтон, узнавший о жестоком обращении англичан с пленными, немедленно направил командующему английскими войсками, генералу Томасу Гаге меморандум-ультиматум, в котором указал, что отношение к попавшим в плен английским солдатам „будет в точности такое же, как и отношение англичан к солдатам Континентальной Армии“, попавшим к ним в плен. Ультиматум Вашингтона возымел желаемое действие на английское командование!

Именно, главный и простой принцип взаимности – „как вы, так и мы“ – был положен в основу всех последующих переговоров, соглашений, договоров и конвенций, по вопросам содержания пленных и обращения с ними. „Формула Вашингтона“ – „как вы, так и мы“ – учитывалась при подписании договоров, трактующих вопросы плена между США и рядом других стран.

После битвы при Сольферино, 24 июня 1859 года, между войсками Франции, Италии и Австрии, по инициативе швейцарского общественного деятеля А. Ж. Дюнана, ставшего свидетелем гибели и страданий многих тысяч солдат воюющих сторон и написавшего книгу „Воспоминания о Сольферино“, в Швейцарии 26-29 октября 1863 года состоялась первая открытая международная конференция по вопросам гуманного отношения к жертвам войны. В конференции приняли участие представители 14 государств. На ней были разработаны и утверждены основные принципы создания постоянной международной организации, названной „Красный Крест“, и намечены цели и методы ее работы. А в следующем, 1864 году, при поддержке правительства Швейцарии, в Женеве была созвана 1-ая Международная конференция Красного Креста для „улучшения положения и условий жизни раненых, больных и других пленных, оказавшихся во вражеской стране вследствие военных действий“. Представителями 26 стран, согласившихся уважать прин-

ципы, законы и правила Красного Креста, была подписана конвенция по вопросам, связанным с массовыми бедствиями и в первую очередь по вопросам помощи жертвам войны.

В 1907 году в Гааге была созвана 2-я Международная конференция Красного Креста, на которой кроме некоторых дополнений и изменений конвенции 1864 года было решено расширить действие конвенции и на военно-морские вооруженные силы.

С 1864 по 1925 год Красный Крест расширял свою работу в самых разнообразных направлениях помощи людям в несчастьи. Голод, эпидемии, наводнения, землетрясения, войны, революции, массы обездоленных, беженцы – все это привлекало внимание Красного Креста.

Постепенно была создана система законов, регулирующих права и обязанности цивилизованных государств в случаях возникновения чрезвычайного положения, в периоды военных столкновений. Десятки конференций, совещаний, дипломатических переговоров с участием различных стран, большое количество книг, статей, научных исследований, медицинских заключений, подготовили международное общественное мнение к подписанию Женевской конвенции Красного Креста 1929-го года. Целью этой конвенции было создание стройной и всемирно-приемлемой системы законов, облегчающих положение жертв войны и в первую очередь военнотружущих, попавших ранеными или невредимыми в руки врага.

За годы, прошедшие между Гаагской конференцией и подписанием Женевской конвенции 1929-го года, Европа, да и весь мир, пережили несколько войн, революций, за это время изменились границы государств, возникли новые государства, исчезли некоторые старые. Работа по подготовке конвенции 1929-го года велась с большой осторожностью, с учетом происшедшего разделения мира на два идеологических и общественно-политических лагеря. Возникновение Советского Союза, отрицательно относящегося к общепринятым гуманитарным стандартам

и представлениям, чрезвычайно осложнило весь процесс подготовки материалов и проектов конвенции.

В 1929 году был убит в Швейцарии советский дипломат В. Воровский. Советский Союз прервал дипломатические отношения со Швейцарией и отозвал свое посольство. Однако постоянный представитель СССР в Международном Комитете Красного Креста, С. Баготский, продолжал свою деятельность в Берне, так же, как и представитель МККК, В. Верлин в Москве. В ходе подготовки текста конвенции советский Красный Крест проявлял к ней интерес и даже разработал свою версию формулировок по всем вопросам, связанным с понятиями „плен“ и „военнопленные“, утвержденную народным комиссариатом иностранных дел СССР посылал своих представителей на подготовительные конференции в 1925 г. в Женеве и в 1928 г. в Гааге. Но когда в 1925 г. МККК послал официальное приглашение на участие и подписание конвенции 1929 года, народный комиссар иностранных дел СССР М. Литвинов ответил, что хотя СССР согласен участвовать в конвенции и имеет ряд разработанных предложений, в Швейцарию советские дипломаты не поедут. Советский Союз не изменил своего решения и после того, как в 1927 г. были восстановлены советско-швейцарские дипломатические отношения. Только в 1931 г. СССР подписал ту часть протоколов конвенции, которая относилась к вопросам отношения „к раненым и больным военнослужащим на поле боя“, и категорически отказался от подписания протоколов определяющих отношение к военнопленным. Женевскую конвенцию Красного Креста подписали 43 государства.

Что же вызвало отрицательное отношение Советского Союза к конвенции 1929-го года, ставшей международным законом для стран, подписавших ее? Официально Советский Союз сделал заявление, что он считает конвенцию „недостаточным инструментом“ для обеспечения защиты прав и содержания военнопленных, и что принятые решения не соответствуют условиям жизни советских граждан, чужды их социальному сознанию и

идеологическим основам советского общества.

Как и во всех предшествовавших конвенциях Красного Креста, в конвенции 1929 г. определение „военнопленный“ осталось без изменения и формулировалось так же, как и полсотни лет ранее. Из длинного ряда параграфов, касающихся вопросов плена в конвенции, можно привести несколько, объясняющих отказ Советского Союза подписать этот документ. Например:

— Члены международной инспекции, назначенные Международным Комитетом Красного Креста из представителей не участвующих в конфликте стран, имеют право постоянной регулярной инспекции всех мест содержания военнопленных, а также неожиданных, заранее не согласованных, визитов этих мест. Представители МККК имеют право на беседы с пленными по собственному выбору без свидетелей, или с помощью нейтральных переводчиков, для выяснения истинного положения в данном месте содержания военнопленных.

— В каждом месте содержания военнопленных, вне зависимости от их количества, на видном месте всегда должны быть вывешены правила и условия содержания пленных и их права, изложенные в точном соответствии с протоколами конвенции и на родном языке военнопленных.

— Каждый военнопленный имеет право корреспонденции (два раза в год) со своими родными, на получение от них вещевых и продуктовых посылок.

— Питание военнопленных должно быть по качеству и количеству не хуже питания военнослужащих армии страны, интернировавшей пленных.

— Военнопленные должны иметь соответствующее культурное обслуживание в виде библиотек, показа кинокартин, самодеятельности, должны быть обеспечены спортивным инвентарем.

— Массовые репрессии против военнопленных как во время пленения, так и после репатриации, незаконны и запрещены.

— Условия содержания военнопленных основаны на

принципе взаимности, т. е.: „как вы, так и мы“.

Вряд ли нужно продолжать этот перечень.

Совершенно естественно, что широкая публикация этих международных правил содержания военнопленных и обращения с ними и о международном контроле за выполнением этих правил не могла не повлиять на поведение солдат и командиров во время войны. Боеспособность солдат должна была определяться не страхом попасть живым в руки врага, но быть следствием подлинного патриотизма и решимости жертвовать собственной жизнью во имя защиты своей родины, своего государства, своего народа и правительства от внешнего врага. Сознательное отношение к выполнению своего солдатского долга и понимание того, за что и почему необходимо подвергать свою жизнь смертельной опасности, становится решающим фактором, определяющим боеспособность и стойкость каждого отдельного бойца, каждого взвода, роты, полка или целых армий.

Этот „психологический фактор“, влияющий на боеспособность солдата начал проявляться уже после Гаагской конференции и еще больше сказался в ходе первой мировой войны. Это наглядно иллюстрируют статистические данные. Например, на каждых 10 человек убитых в бою в немецкой армии сдавалось в плен 5,5 человек, во французской – 6,9; в австрийской – 13,2; в английской – 5,4; в итальянской – 9,1 и в русской – 12,3. Армии Германии, Франции, Англии и отчасти Италии были по своему составу более или менее однородны и настроены патриотично. Австрийская армия включала в себя, кроме австрийцев – венгров, чехов, словаков, поляков, галичан и еще ряд национальностей, враждебно настроенных по отношению к центральному правительству в Вене. Тем же объясняется и повышенное количество пленных национально пестрой и, вдобавок, уже значительно разложенной антиправительственной пропагандой русской армии.

Ленин – отец „коммунизма со звериным лицом“ – сразу же приметил этот „психологический фактор“, влиявший

на боеспособность солдат, и заявил: „Гаагские постановления и подтверждения их в Женеве, создают шкурническую психологию у солдата и в большой степени понижают его боеспособность“. Очевидно, эта ленинская оценка достижений Красного Креста полностью соответствовала взглядам и его наследника – Сталина, что явилось основанием для отказа СССР от подписания Женевской конвенции 1929-го года.

Это несомненно так. С самого начала своего существования и, к сожалению, до настоящего времени, Советский Союз был и остается категорическим противником принятого всем миром, классического определения, кто является „военнопленным“. В Советском Союзе поставлен знак равенства между понятием „военнопленный“ и понятиями – „преступник“, „изменник“, „предатель“...

Во время гражданской войны красные части отличались идеологической устойчивостью и упорством в бою. Матросские отряды, батальоны Красных Курсантов, полки рабочего ополчения, красная гвардия дрались отчаянно и храбро. Подавляющее большинство их состава были добровольцы, верившие коммунистическим лозунгам и обещаниям: „Вся власть народу!“, „Земля – крестьянам, заводы – рабочим!“. У бойцов красной гвардии не было сомнения, что они борются с „помещиками и капиталистами“, стремящимися лишить их „свободы, равенства и братства“... Кроме того, тогда враждующие стороны пленных почти не брали, большинство сдающихся расстреливалось на месте.

Такого „боевого духа и идеологического энтузиазма“ от мобилизованных в порядке воинской повинности, партия и правительство, конечно, ожидать не могли. Поэтому для воспитания боевого духа у бойцов Красной Армии в предвидении возможной войны предпринимались соответствующие шаги. Военнослужащим внушали: „Боец Красной Армии в плен не сдается! Он борется до последней капли крови, до последнего вдоха!“

Текст присяги военнослужащего Красной Армии заканчивается следующими словами: „Я готов по приказу

советского правительства выступить на защиту моей родины, Союза Советских Социалистических Республик, и как воин ее вооруженных сил я клянусь защищать ее с мужеством, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и жизни, для достижения полной победы над врагами. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся“.

В той или иной редакции, во всех странах существует законная и традиционная воинская присяга. Однако, ни в одном государстве присяга не требует от военнослужащего жертвовать бессмысленно своей жизнью. В безвыходных ситуациях солдаты всегда сдавались в плен, и это никогда не расценивалось и не расценивается ныне в цивилизованных странах как предательство или преступление. В Советском Союзе присяга понимается так: если ты оказался в плену, а не боролся до „последней капли крови и до последнего вздоха... не щадя своей крови и жизни“, следовательно, ты нарушил свою „торжественную присягу“ и тебя должна „постигнуть суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся“! Вот и все.! Просто и ясно!

В уголовном кодексе каждой советской республики имеется статья, на основании которой оставление боевой позиции или сдача в плен врагу, без прямого приказа начальника, карается расстрелом! В публикациях военно-юридической академии Красной Армии неоднократно указывается, что Советский Союз не согласился с основными положениями Женевской конвенции 1929-го года и не признает ее действительность. Вследствие этого бойцы и командиры советских вооруженных сил, попавшие в плен, не имеют статуса „военнопленный“, со всеми вытекающими из этого последствиями. Там же отмечается, что сдача в плен врагу не разрешается ни при каких обстоятельствах, и военнослужащий, оказавшийся в плену, рассматривается как военный преступник!

То, что эти публикации не являются лишь пропагандной риторикой, советское правительство доказало

убедительно всем своим гражданам. После войны с Финляндией в 1939-40 гг. никто из репатриированных советских военнопленных не оказался на свободе. Многие были расстреляны как изменники, а остальные оказались в концлагерях. Даже те, кто вернулся из плена на костылях или с ампутированными отмороженными руками, не были встречены как герои, но разделили участь попавших в плен невредимыми.

Все это было хорошо известно населению СССР и все же... в течение первого полугодия войны с Германией почти три с половиной миллиона солдат и офицеров, а также значительное число советских генералов, оказались в немецком плену. Они не проявили боевого энтузиазма, не бились с врагом „до последней капли крови“, защищая социалистическую родину, а предпочли сохранить свою жизнь. Одиночками, группами, ротами, полками, дивизиями и даже армиями они бросали оружие и сдавались в плен. Одни думали, что после первых сокрушительных ударов немецкого военного кулака Советский Союз разлетится вдребезги, что сопротивляться он не сможет, другие надеялись, что если даже по советским законам они преступники, то по международным правилам они „военнопленные“, третьи вообще ничего не думали, а дезорганизованные, потерявшие управление, окруженные немецкими войсками, просто предпочли бессмысленной смерти плен. Все они просчитались! Они не знали того, что обращение с пленными определяется принципом взаимности – „как вы, так и мы“...

С момента начала войны между Советским Союзом и Германией, вопрос об условиях содержания пленных немецких солдат в СССР и советских в Германии поднимался в Международном Комитете Красного Креста неоднократно, по этому вопросу велись переговоры. Однако все они оказались безрезультатными.

Женевская конвенция 1929-го года была подписана Германией во всех ее частях, в том числе и в части, касающейся военнопленных. По приходе к власти национал-социалистов, Германия переняла все обязательства

предыдущего правительства, а следовательно, и обязательства, налагаемые Женевской конвенцией. Советский Союз конвенцию не подписал, не признал ее действительность вообще, и в частности в той ее части, которая касалась всех вопросов, связанных с военнопленными.

Вспомним события, предшествовавшие войне между СССР и Германией. 3 сентября 1939 года Англия и Франция объявили войну Германии, после ее нападения на Польшу. 17 сентября Советский Союз напал на Польшу. В июне 1940 года советские войска (с согласия Гитлера) начали оккупацию Литвы, Латвии и Эстонии, а в июле 1940 года эти три государства были превращены в советские республики. За почти два года войны между союзниками и Германией большое количество пленных было захвачено Германией и некоторое количество военнослужащих Вермахта оказалось в английском плену. Все военнопленные как в Германии, так и в Англии находились под надзором Международного Красного Креста и содержались в полном соответствии с правилами Женевской конвенции.

В течение первой недели, после нападения Германии на СССР, Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния и Словакия объявили войну Советскому Союзу. 7 декабря 1941 года японская авиация атаковала Перл Харбор и началась война между Японией и США. 11 декабря 1941 г. Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам Америки. Европейская война превратилась в мировую с вовлечением в нее тридцати стран...

На востоке Европы война между СССР и Германией с первых же дней приняла жестокий и уродливый характер. Жестокий по поведению войск противника на завоеванной территории, уродливый по отношению к жертвам военных действий. На следующий день после начала этой войны, 23 июня 1941 года, Международный Комитет Красного Креста обратился одновременно к правительствам СССР, Германии, Финляндии, Румынии и Италии с предложением своих услуг в рамках Женевской конвенции 1929-го года. В телеграмме на имя правительства

СССР было особо отмечено: „Тот факт, что Советский Союз не присоединился к конвенции МККК 1929 года в части, касающейся обращения с военнопленными, не может являться препятствием для выполнения всех обязанностей МККК в законных рамках, при условии, что его предложение принимается всеми воюющими сторонами“. В этой же телеграмме МККК предложил принять на себя роль посредника по всем вопросам, касающимся военнопленных, и в первую очередь создание особого отдела для обмена исчерпывающей информацией между воюющими сторонами по вопросам, касающимся военнопленных с их поименными списками. Все пять воюющих против СССР государств немедленно согласились с предложением МККК, при условии соблюдения „взаимности“, т. е. если советское правительство тоже примет эти предложения. Народный комиссариат иностранных дел СССР в телеграмме от 27 июня 1941 г. сообщил МККК: „Правительство СССР может принять предложение МККК по вопросу обмена информацией о пленных, если страны, находящиеся в состоянии войны с СССР, согласны на это“.

Только на обмен информацией о „количестве и списках“... Но все же в МККК ответ СССР был расценен как положительное начало. Соответственно МККК немедленно предпринял шаги для начала переговоров с СССР и предложил советскому правительству начать переговоры в Турции, не участвовавшей в военном конфликте. Молотов ответил 6 июля, что советское правительство принимает предложение МККК с условием сохранения принципа „взаимности“.

МККК сообщил советскому правительству, что он посылает своего генерального уполномоченного доктора М. Джунода в Анкару и что по пути в Анкару он получит от правительств Германии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Италии все необходимые документы о их согласии с советским предложением.

С начала войны интересы Германии в Москве представлялись послом Болгарии, а советские в Берлине -

послом Швеции. Когда по пути в Анкару М. Джунод остановился в Берлине, посол Швеции сообщил ему 19 июля, что Советский Союз передал правительству Германии подписанный Молотовым меморандум о согласии СССР на переговоры не в рамках конвенции 1929-го года, а в рамках решений 2-й Конференции Красного Креста, состоявшейся в 1907 году в Гааге. Этот меморандум спутал все карты.

В Анкаре все же начались переговоры с участием представителей всех воюющих сторон. Советский Союз представлял посол Виноградов, а МККК М. Джунод. После долгих „шахматных ходов“ Советский Союз окончательно сформулировал свою позицию в письме на имя болгарского посла в Берлине. В письме указывалось, что советское правительство намерено считаться с Гаагской конвенцией 1907 года относительно ведения сухопутных военных действий, Женевским протоколом от 17 июля 1925 г. о запрещении применения удушающих и ядовитых газов, а также с Женевской конвенцией 1929 г. в той ее части, которая касалась обращения с ранеными на поле боя. Одновременно с этим в письме отмечалось, что учитывая систематические нарушения международных договоров гитлеровской Германией, советское правительство не будет считаться с упомянутыми конвенциями, если не получит подтверждения, что Германия их полностью выполняет.

В подтверждение справедливости советских обвинений по адресу Германии посол Виноградов предъявил М. Джуноду на встрече в Истамбуле фотографии, свидетельствующие о зверствах немцев на оккупированных ими территориях.

Принимавший участие в переговорах, наряду с Джунодом, другой представитель МККК, де Халлер, предложил Джуноду поехать в Москву для расширения темы переговоров. Однако Советский Союз отказал в визе представителю МККК. Все предпринятые после этого дипломатические шаги МККК с целью получения визы для поездки своих представителей в СССР не увенчались успехом.

Положение пленных советских военнослужащих в Германии, в особенности в лагерях, расположенных на оккупированной немцами территории Польши, беспокоило международную общественность. Представители МККК в Германии сообщали в главную квартиру о массовой смертности пленных советских военнослужащих, об отсутствии минимального питания и медицинской помощи и требовали принятия решительных мер. Один из представителей МККК, доктор Эчкакуэт писал в октябре 1941 года:

„Мы знаем, что огромное количество пленных советских военнослужащих застало врасплох военную администрацию Германии, которая не знает, что ей делать с миллионами пленных, а состояние этих пленных катастрофическое“.

Другой представитель МККК доктор Марти сообщал о состоянии советских пленных, прибывавших в лагерь в Померании:

„Они прибывают в жалком состоянии, в рубище, оборванные, грязные, больные. Большинство похоже на живые скелеты, более сильные помогают передвигаться ослабевшим, а иногда несут на руках своих умирающих товарищей. Это все молодежь в возрасте 18-22 лет. На этих несчастных трудно смотреть без слез...“

На все обращения МККК к правительству Германии последнее отвечало, что до тех пор, пока оно не будет иметь сообщений нейтральных представителей о состоянии и условиях существования немецких пленных солдат в СССР, оно не может принять решительных мер для улучшения условий содержания советских военнопленных в Германии... Формула Вашингтона!

МККК послал своего представителя, профессора Бурхарда, в Лондон для встречи с советским послом в Англии Майским. В беседе с Майским Бурхард напомнил, что МККК несколько раз пытался получить визы для посещения своими представителями СССР и каждый раз безрезультатно. Майский заметил, что, вероятно, имена тех лиц, кого МККК намеревался послать в Советский

Союз, по каким-то соображениям не были приемлемы и предложил послать в Москву список нового состава делегации. Это было немедленно сделано. Но и на сей раз, несмотря на многочисленные напоминания, МККК не получил ответа на просьбу о визах.

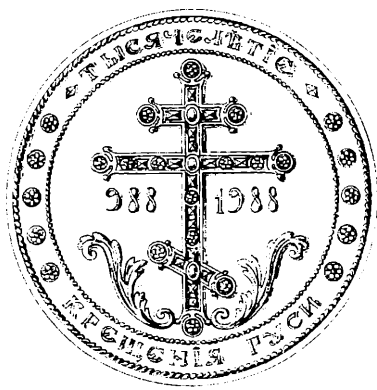
В беседе с Черчиллем, примерно в то же время, Майский на вопрос британского премьера относительно того, что предполагает советское правительство предпринять для облегчения участи советских военнопленных в Германии, ответил:

„Советских военнопленных нет в Германии. Если бы те, кого вы называете „военнопленными“, выполнили свой долг, они бы не попали в руки врага живыми!“

Вячеслав Молотов встретился 29 мая 1942 года с президентом США Рузвельтом и государственным секретарем Корделом Холлом. В беседе Рузвельт выразил надежду, что Советский Союз присоединится к союзным государствам и подпишет Женевскую конвенцию 1929-го года и этим спасет от смерти сотни тысяч своих солдат и офицеров, находящихся в немецком плену. Молотов заявил: „В этом нет нужды. Этим людям мы считаем преступниками!“

Генералиссимус Иосиф Сталин высказался по этому поводу еще более определенно. В беседе с иностранными корреспондентами в Москве он сказал: „В гитлеровских лагерях нет советских военнопленных, только изменники. Мы с ними рассчитаемся, когда закончится война!“

(Окончание следует)

ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ

К предстоящему в 1988 году ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ Западно-Европейский Комитет ознаменованья этого юбилея выпустил отчеканенную на Парижском Монетном Дворе памятную медаль.

На лицевой стороне медали изображен Св. Князь Владимир и даты „972 г. – 1015 г.“ (годы рождения и смерти Св. Владимира) и „Киев 988“. Под ободком текст: „Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир“.

На оборотной стороне изображен Русский Православный Крест и даты „988 г. – 1988 г.“, а под ободком: „Тысячелетие Крещения Руси“. Композиция обеих сторон медали выполнена художником А. Б. Серебряковым.

Диаметр медали 68 мм., вес – 170 г.

Стоимость медали с пересылкой:

Бронзовой – 260 фр. фр. (50 ам. долл. или 90 нем. марок).

Позолоченной – 350 фр. фр. (70 ам. долл. или 120 нем. марок).

Заказы и деньги посылать председателю Финансовой Комиссии Комитета:

А. SCHMEMANN, 12, rue Parent de Rosan, 75016 Paris.

Чеки выписывать на имя:

А. SCHMEMANN - MILLENAIRE.

Кн. Н. С. Трубецкой

Е В Р О П А
И
Ч Е Л О В Е Ч Е С Т В О

ОТ РЕДАКЦИИ.

Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890 - 1938) в Советском Союзе известен исключительно как языковед (основатель фонологии) и литературовед. Впрочем, «Краткая Литературная Энциклопедия» в дополнительном, девятом томе (1978) указала: „Автор книг по истории культуры, а также этнической и культурной истории народов Европы и Азии, т. н. евразийской проблеме“. Что такое „так называемая“ (!) евразийская проблема – об этом ни Литературная, ни Философская, ни Историческая советские „энциклопедии“ никаких сведений не дают.

Между тем, князь Н. С. Трубецкой, действительно, был „выдающимся филологом и мыслителем“ („Русские писатели эмиграции... 1921 - 1972“, Сост. Н. Зернов, Бостон, 1973 г.), а последний по времени исследователь М. Агурский прямо

называет его „основателем евразийства“ („Идеология национал-большевизма“, ИМКА-пресс, Париж, 1980 г., стр. 98).

Евразийство – движение в русской эмиграции 20 - 30-х годов, которое произвольно сближают (тот же Агурский) со сменовеховством и младороссами, с „национал-большевиками“ (или Национал-Максималистами) – но которое, в своих истоках по крайней мере, представляет собой явление неизмеримо более значительное в плане духовном. Думается, что некоторые идеи евразийцев могли бы найти широкий отклик в нынешней России – если бы сейчас, в условиях „гласности“, появилась возможность знакомиться с их трудами и свободно обсуждать их. В эмиграции в свое время они вызвали значительный резонанс.

В 9-м томе 17-томного „Жизнеописания“ основателя Русской Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого) архиепископ Никон (Нью-Йорк, 1962 г., стр. 127) писал: „В 20-х годах, вскоре после расселения русской эмиграции, в Вене (ошибка автора: в Софии – Ред.) вышла в свет книга талантливого русского молодого мыслителя проф. Н. С. Трубецкого „Европа и человечество“, которая ставила своей целью построить на новых началах русское национальное философско-политическое сознание и найти верные пути для русского возрождения“.

Помимо Н. С. Трубецкого, к движению примкнули Г. В. Флоровский (будущий автор „Путей русского богословия“, отошедший затем от евразийства), выдающийся историк-мыслитель Л. П. Карсавин, крупнейший русский историк XX века Г. П. Вернадский и др. Евразийцы издали целую библиотеку „своей“ литературы: добрую дюжину сборников (в том числе резко анти-католический – „Россия и латинство“), отдельные книги и брошюры, имели свою периодику. Развивалось движение и по линии организационно-идеологической.

Глава о Евразийстве есть в книге Глеба Струве „Русская литература в изгнании“ – недавно переизданной (ИМКА-пресс, Париж, 1984 г.). Она не очень объективна, как и соответствующий раздел в „Идеологии национал-больше-

визма“ М. Агурского.

Дело в том, что были серьезные основания подозревать отдельных представителей левого крыла евразийцев в сближении с большевиками, и сам митрополит Антоний (Храповицкий), вначале приветствовавший молодых ученых, начавших движение, впоследствии присоединился к резкой критике евразийцев Н. Е. Марковым. Тем не менее, владыка Антоний не перечеркнул безоговорочно „евразийский почин“ и продолжал сочувствовать основным идеям евразийцев. Эти идеи нашли яркое и талантливое изложение именно у кн. Н. С. Трубецкого в его книге 1920 года „Европа и человечество“ и в целой серии дальнейших статей (частично собранных в сборнике 1927 года „К проблеме русского самопознания“).

Основные тезисы Евразийства находим в „опыте систематического изложения“ – своеобразном манифесте движения, датированном 1926 годом. Движение определяется здесь, как поиски „истинной идеологии“, за основу которой принимается Православие. При этом Православие толкуется – проективно: для евразийцев „язычество есть потенциальное Православие“; они уповают на то, что „русское и средне-азиатское язычество в христианизации своей создаст формы и аспекты Православия, более близкие и родственные русским, чем европейские“.

Именно этот момент – который заставляет вспомнить К. Леонтьева – оказался особенно близким митрополиту Антонию (Храповицкому). Он писал: „Я вполне присоединяюсь к их мысли, которая многим писателям кажется парадоксальной, о том, что нравственные и религиозные идеалы магометан и язычников Азии во многих отношениях ближе к русским, то есть к чисто христианским, чем латинство и протестантство“ („Жизнеописание“, т. 9, стр. 134).

Евразийцы заявили в своем манифесте: „Мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности“. Но для них „Православная русская Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью“.

„Государственность большого стиля“ (выражение Н. С. Трубецкого) характеризовала эти настроения, в которых евразийцы выступают духовными наследниками не только К. Леонтьева, но и Н. Я. Данилевского и Хомякова. „Сознание того, что религиозно-культурное единство, объемлемое и выражаемое русским государством, шире, чем русская в узком смысле этого слова культура, должно получить некоторое терминологическое закрепление. Надо выбрать между уже вошедшими в употребление понятиями: неудобопроизносимым четырехбуквием СССР и Евразией“.

Они первые поставили эту дилемму – отказавшись от иллюзии реставрации монархии (в манифесте есть фраза против „монархистов-реставраторов“). „Термином Евразия мы означаем особый материк, как место развития специфической культуры, евразийской и русской“. И дальше: „Мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности“.

Манифест 1926 года не был подписан – он выражал идеи евразийцев в обобщенной форме. Эти же идеи у кн. Н. С. Трубецкого высказываются менее догматично и более выразительно. Даже если считать его начинателем евразийства, он не укладывается в узкие рамки доктрины, остается независимым мыслителем. Вот его кредо: „Мы, русские, должны прежде всего отказаться от европейских форм политического мышления, перестать поклоняться идолу (к тому же чуждому) 'формы правления'... Задача современности – не в юридической спекуляции, а в создании устойчивой духовной базы и в бытовом ее воплощении“. В этом заявлении 1923 года („Евразийский Временник“, кн. 3) – развитие положений, намеченных в „Европе и человечестве“.

И с новой силой он повторяет: „Евразийство стоит на почве Православия. исповедуя его как единственную подлинную форму Христианства, и признает, что именно в качестве истинной веры Православие и могло сыграть в русской истории роль творческого стимула“. Эти слова приобретают особое значение в преддверии празднования Тысячелетия Крещения Руси!

С негодованием отвергает кн. Н. С. Трубецкой обвинения, будто евразийство близко большевизму. Во всяком случае – не ЕГО евразийство! „Православный большевизм“ (уже тогда играли такими словосочетаниями!) – для него абсурд, „белая чернота“! „Внутренние движущие мотивы большевизма и евразийства диаметрально противоположны“; он готов признать „общие задачи“ – „отвержение старой и создание новой культуры“ – но большевизм смог выполнить только первую... (см. „Евразийский Временник“, кн. 4, Берлин, 1925 г.).

„Перед нами, русскими, стоит великая задача – заменить теперешнюю лже-идеократию коммунизма идеократией истинной. К этой работе евразийство и призывает“ („Евразийская Хроника“, вып. VIII, Париж, 1927 г., стр. 9).

Вот характерный для кн. Трубецкого фрагмент из статьи 1925 года: „Положительное значение большевизма, может быть, в том, что, сняв маску и показав нам сатану в его неприкрытом виде, он многих через уверенность в реальности сатаны привел к вере в Бога. Но, помимо этого, большевизм своим бессмысленным (вследствие неспособности к творчеству) ковырянием жизни глубоко перепахал русскую целину, вывернул на поверхность пласты, лежавшие внизу, а вниз – пласты, прежде лежавшие на поверхности. И, быть может, когда для созидания новой национальной культуры понадобятся новые люди, такие люди найдутся именно в тех слоях, которые большевизм случайно поднял на поверхность новой жизни...“

Наследие кн. Н. С. Трубецкого-мыслителя – многообразно и поучительно. Он писал „Об истинном и ложном национализме“ („Исход к Востоку“, София, 1921 г.) и об „Общевразийском национализме“ („Евразийская Хроника“, вып. IX, Париж, 1927 г.), „О государственном строе и форме правления“ („Евразийская Хроника, вып. VIII) и касался „украинской проблемы“ („Евразийский Временник“, кн. V и X). Но все его идеи в зачаточной форме содержатся уже в первой большой и серьезной работе – книге „Европа и человечество“, главы I–IV которой (с некоторыми незначительными сокращениями) мы и предлагаем читателям «Вече».

I

Позиции, которые может занять каждый европеец по отношению к национальному вопросу, довольно многочисленны, но все они расположены между двумя крайними пределами: шовинизмом с одной и космополитизмом с другой стороны. Всякий национализм есть как бы синтез элементов шовинизма и космополитизма, опыт примирения этих двух противоположностей.

Не подлежит сомнению, что европейцу шовинизм и космополитизм представляются именно такими противоположностями, принципиально, в корне отличными одна от другой точками зрения.

Между тем, с такой постановкой вопроса согласиться невозможно. Стоит пристальней всмотреться в шовинизм и в космополитизм, чтобы заметить, что принципиального, коренного различия между ними нет, что это есть не более, как две ступени, два различных аспекта одного и того же явления.

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими народами, которые должны подчиниться ему, приняв его веру, язык и культуру и слиться с ним. Все, что стоит на пути к этому конечному торжеству великого народа, должно быть сметено силой. Так думает шовинист, и, согласно с этим, он и поступает.

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними

вместе по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями.

В такой формулировке шовинизм и космополитизм, действительно, как будто резко отличаются друг от друга. В первом господство постулируется для культуры одной этнографически-антропологической особи, во втором – для культуры сверх этнографического человечества.

Однако, посмотрим, какое содержание вкладывают европейские космополиты в термины „цивилизация“ и „цивилизованное человечество“? Под „цивилизацией“ они понимают ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами – прежде всего опять таки тех же романцев и германцев, а затем и те другие народы, которые приняли европейскую культуру.

Таким образом, мы видим, что та культура, которая по мнению космополитов должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист. Принципиальной разницы тут никакой нет. В самом деле, национальное, этнографически-антропологическое и лингвистическое единство каждого из народов Европы является лишь относительным. Каждый из этих народов представляет собою соединение разных более мелких этнических групп, имеющих свои диалектические, культурные и антропологические особенности, но связанных друг с другом узами родства и общей истории, создавшей некий общий для всех них запас культурных ценностей.

Таким образом, шовинист, провозглашающий свой народ венцом создания и единственным носителем всех возможных совершенств, на самом деле является поборником целой группы этнических единиц. Мало того, ведь шовинист хочет, чтобы и другие народы слились с его народом, утратив свою национальную физиономию. Ко всем представителям других народов, которые уже так

поступили, утратили свой национальный облик и усвоили язык, веру и культуру его народа, шовинист будет относиться как к своим людям, будет восхвалять те вклады в культуру его народа, которые будут сделаны этими людьми, конечно только, если они верно усвоили тот дух, который ему симпатичен, и сумели вполне отрешиться от своей прежней национальной психологии. К таким инородцам, ассимилировавшимся с господствующим народом, шовинисты всегда относятся несколько подозрительно, особенно если их приобщение свершилось не очень давно, но принципиально их ни один шовинист не отвергает: мы знаем даже, что среди европейских шовинистов есть немало людей, которые своими фамилиями и антропологическими признаками ясно показывают, что по происхождению они вовсе не принадлежат к тому народу, господство которого они так пламенно проповедают.

Если мы возьмем теперь европейского космополита, то увидим, что, по существу он не отличается от шовиниста. Та „цивилизация“, та культура, которую он считает наивысшей и перед которой, по его мнению, должны ступаться все прочие культуры, тоже представляет собою известный запас культурных ценностей, общий нескольким народам, связанным друг с другом узами родства и общей историей. Как шовинист отвлекается от частных особенностей отдельных этнических групп, входящих в состав его народа, так и космополит отбрасывает особенности культур отдельных романо-германских народов и берет только то, что входит в их общий культурный запас. Он тоже признает культурную ценность за деятельностью тех не-романогерманцев, которые вполне восприняли цивилизацию романо-германцев, отбросив от себя все, что противоречит духу этой цивилизации, и променяв свою национальную физиономию на общеромано-германскую. Точь в точь, как шовинист, считающий „своими“ тех инородцев и иностранцев, которые сумели вполне ассимилироваться с господствующим народом! Даже та враждебность, которую испытывают космополиты по отношению к шовинистам и вообще к тем нача-

лам, которые обособляют культуру отдельных романогерманских народов, даже эта враждебность имеет параллель в мирозерцании шовинистов. Именно, шовинисты всегда враждебно настроены ко всем попыткам сепаратизма, исходящим из отдельных частей их народа. Они стараются стереть, затушевать все те местные особенности, которые могут нарушить единство их народа.

Таким образом, параллелизм между шовинистами и космополитами оказывается полным. Это по существу одно и то же отношение к культуре той этнографически-антропологической единицы, к которой данный человек принадлежит. Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит; но при этом шовинист все же берет группу не вполне однородную, а космополит, со своей стороны, все же берет определенную этническую группу.

Значит разница только в степени, а не в принципе.

При оценке европейского космополитизма надо всегда помнить, что слова „человечество“, „общечеловеческая цивилизация“ и прочее авляются выражениями крайне не точными и что за ними скрываются очень определенные этнографические понятия. Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы. Германские и кельтские племена, подвергшиеся в различной пропорции воздействию римской культуры и сильно перемешавшиеся между собой, создали известный общий уклад жизни из элементов своей национальной и римской культуры. В силу общих этнографических и географических условий они долго жили одной общей жизнью, в их быте и истории, благодаря постоянному общению друг с другом, общие элементы были настолько значительны, что чувство романогерманского единства бессознательно всегда жило в них. Со временем, как у столь многих других народов, у них проснулась жажда изучать источники их культуры. Столкновение с памятниками римской и греческой культуры вынесло на поверхность идею сверхнациональной, мировой цивилизации, идею свойственную грекоримс-

кому миру. Мы знаем, что эта идея была основана опять таки на этнографически-географических причинах. Под „всем миром“ в Риме, конечно, разумели Orbis terrarum, то есть народы, населявшие бассейн Средиземного моря или тянувшиеся к этому морю, выработавшие в силу постоянного общения друг с другом ряд общих культурных ценностей и, наконец, объединившиеся благодаря нивелирующему воздействию греческой и римской колонизации и римского военного господства. Как бы то ни было, античные космополитические идеи сделались в Европе основой образования. Попав на благоприятную почву бессознательного чувства романо-германского единства, они и породили теоретические основания так называемого европейского „космополитизма“, который правильнее было бы назвать общегерманским шовинизмом.

Вот реальные исторические основания европейских космополитических теорий. Психологическое же основание космополитизма – то же самое, что и основание шовинизма. Это разновидность того бессознательного предрассудка, той особой психологии, которую лучше всего назвать *эгоцентризмом*. Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ, то, которое к нему ближе, более на него похоже, – лучше, а то, которое дальше отстоит от него, – хуже. Поэтому, всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его народ, его племя, его раса – лучше всех остальных, подобных им. Точно так же, та порода, к которой он принадлежит, именно, человеческая порода – совершеннее всех других видов млекопитающих, сами млекопитающие – совершеннее других позвоночных животных, животные, в свою очередь – совершеннее растений, а органический мир – совершеннее неорганического. От этой психологии, в том или ином объеме, никто не свободен. Наука сама еще не вполне освободилась от нее и всякое завоевание науки на пользу

освобождения от эгоцентрических предрассудков дается с величайшими затруднениями.

Эгоцентрическая психология проникает все мирозерцание весьма многих людей. Вполне освободиться от нее редко кому удастся. Но крайние ее проявления легко заметны, нелепость их очевидна, и потому они обыкновенно вызывают осуждение, протест или насмешки. Человек, уверенный в том, что он всех умнее, всех лучше, и что все у него хорошо, подвергается насмешкам окружающих, а если он при этом агрессивен, получает и заслуженные щелчки. Семьи, наивно убежденные в том, что все их члены гениальны, умны и красивы, обыкновенно служат посмешищем для своих знакомых, рассказывающих о них забавные анекдоты. Такие крайние проявления эгоцентризма редки и обыкновенно встречают отпор. Иначе обстоит дело, когда эгоцентризм распространяется на более широкую группу лиц. Здесь отпор тоже обыкновенно имеется, но сломить такой эгоцентризм труднее. Чаще всего дело разрешается борьбой двух эгоцентрически настроенных групп, причем победитель остается при своем убеждении. Это имеет место, например, при классовой или социальной борьбе.

Буржуазия, свергающая аристократию, столь же уверена в своем превосходстве над всеми прочими сословиями, как и свергнутая ею аристократия. Пролетариат, борющийся с буржуазией, тоже считает себя „солью земли“, лучшим из всех классов народа. Впрочем, тут эгоцентризм все-таки ясен, и люди с более сознательной головой, более „широкие“, умеют обыкновенно вышатасться над этими предрассудками. Труднее освободиться от тех же предрассудков, когда дело идет об этнических группах. Здесь люди оказываются чуткими к понимание истинной сущности эгоцентрических предрассудков далеко не в равной мере. Многие пруссаки-пангерманцы резко осуждают своих единоплеменников – пруссаков, превозносящих прусский народ перед всеми другими немцами, и считают их „квасной патриотизм“ смешным и узким. Вместе с тем, положение, что „немецкое племя“ в

целом есть наивысшее достижение, цвет человечества, — не вызывает в их уме никакого сомнения, и до романо-германского шовинизма, так называемого космополитизма, они не могут подняться. Но пруссак-космополит одинаково возмущается своим соотечественником-пангерманцем, клеймит его направление как узкий шовинизм, а сам не замечает, что он сам такой же шовинист, только не немецкий, а общероманогерманский. Таким образом, здесь дело только в степени чуткости: один немного сильнее чувствует эгоцентрическую основу шовинизма, другой немного слабее. Во всяком случае чуткость европейцев по этому вопросу весьма относительна. Дальше так называемого космополитизма, т. е. романогерманского шовинизма, редко кто поднимается. Европейцев же, которые признавали бы культуры так называемых „дикарей“ равноценными с культурой романогерманской — таких европейцев мы не знаем вовсе. Кажется, их просто нет.

*

Из предыдущего совершенно ясно, как должен относиться добросовестный романогерманец к шовинизму и к космополитизму. Он должен осознать, что как тот, так и другой основаны на эгоцентрической психологии. Должен осознать, что эта психология есть начало нелогическое, а потому не может служить базой для какой-либо теории. Мало того, ему нетрудно понять, что эгоцентризм по существу антикультурен и антисоциален, что он препятствует общежитию в широком смысле слова, т. е. свободному общению всяких существ. Ясно должно быть всякому, что тот или иной вид эгоцентризма может быть оправдан только силой, что, как сказано выше, он есть всегда удел лишь победителя. Потому-то и не идут европейцы дальше своего общероманогерманского шовинизма, что силой победить любой народ можно, но все романо-германское племя в своем целом настолько физически сильно, что его никто силой не победит.

Но лишь только все это дойдет до сознания предпола-

гаемого нами чуткого и добросовестного романогерманца, как в его душе сейчас же произойдет коллизия. Вся его духовная культура, все его мирозерцание основаны на вере в то, что бессознательная душевная жизнь и все предрассудки, основанные на этой душевной жизни, должны уступать место перед указаниями разума, логики, что только на логических научных основаниях можно строить какие-либо теории. Все его правосознание основано на отвержении тех начал, которые препятствуют свободному общению между людьми. Вся его этика отвергает решение вопросов грубой силой. И вдруг оказывается, что космополитизм основан на эгоцентризме! Космополитизм, эта вершина романогерманской цивилизации, покоится на таких основаниях, которые коренным образом противостоят всем основным лозунгам этой цивилизации. В основе космополитизма, этой религии общечеловеческой, оказывается антикультурное начало – эгоцентризм. Положение трагическое, но выход из него только один. Добросовестный романогерманец должен навсегда отказаться как от шовинизма, так и от, так называемого, космополитизма, а следовательно и от всех тех взглядов на национальный вопрос, которые занимают среднее положение между этими двумя крайними точками.

Но какое положение по отношению к европейскому шовинизму и космополитизму должны занять не-романогерманцы, т. е. представители тех народов, которые не участвовали с самого начала в создании т. н. европейской цивилизации?

Эгоцентризм заслуживает осуждения не только с точки зрения одной европейской романогерманской культуры, но и с точки зрения всякой культуры, ибо это есть начало антисоциальное, разрушающее всякое культурное общение между людьми. Поэтому, если среди не-романогерманского народа имеются шовинисты, проповедующие, что их народ – народ избранный, что его культуре все прочие народы должны подчиниться – то с такими шовинистами следует бороться всем их единоплеменникам. Но как быть, если в таком народе появятся люди, которые

будут проповедывать господство в мире не своего народа, а какого-нибудь другого, иностранного народа, своим же соплеменникам будут предлагать во всем ассимилироваться с этим „мировым народом“. Ведь в такой проповеди никакого эгоцентризма не будет, – наоборот, будет высший эксцентризм. Следовательно, осудить ее совершенно так же, как осуждается шовинизм – невозможно. Но с другой стороны, разве сущность учения не важнее личности проповедника? Если бы господство народа А над народом Б проповедывал представитель народа А, это было бы шовинизмом, проявлением эгоцентрической психологии, и такая проповедь должна была бы встречать законный отпор как среди Б, так и среди А. Но неужели все дело совершенно изменится, лишь только к голосу представителя народа А присоединится представитель народа Б? Конечно ,нет: шовинизм останется шовинизмом. Главным действующим лицом во всем этом предполагаемом эпизоде является, конечно, представитель народа А. Его устами говорится воля к порабощению, истинный смысл шовинистических теорий. Наоборот, голос представителя народа Б, может быть и громче, но, по существу, менее значителен. Представитель Б лишь поверил аргументу представителя А, уверовал в силу народа А, дал увлечь себя, а может быть, и просто был подкуплен. Представитель А ратует за себя, представитель Б – за другого: устами Б, в сущности, говорит А, и поэтому мы всегда вправе рассматривать такую проповедь, как тот же замаскированный шовинизм.

Все эти рассуждения, в общем, довольно бесцельны. Такие вещи не стоит долго и логически доказывать. Всякому ясно, как бы он отнесся к своему соплеменнику, если бы тот стал проповедывать, что его народу следует отречься от родной веры, языка, культуры и постараться ассимилироваться с соседним народом – скажем, с народом Х. Всякий, конечно, отнесся бы к такому человеку либо как к сумасшедшему, либо как к одураченному народом Х типу, утратившему всякое национальное самолюбие, либо, наконец, как к эмиссару народа Х, присланному

вести пропаганду за соответствующее вознаграждение. Во всяком случае, за спиной этого господина, всякий, конечно, заподозрил бы шовиниста из народа X, руководящего сознательно или бессознательно его словами. Наше отношение к такой проповеди определялось бы отнюдь не тем, что она исходит от соотечественника: мы бы смотрели на нее непременно, как на исходящую от того народа, господство которого в данном случае проповедуется. Что наше отношение к подобной проповеди не может не быть самым отрицательным, в этом сомневаться не приходится. Ни один нормальный народ в мире, особенно народ организованный в государство, не может добровольно допустить уничтожение своей национальной физиономии во имя ассимиляции, хотя бы с более совершенным народом. На шовинистические домогательства иностранцев всякий уважающий себя народ ответит вместе с Леонидом Спартакским: „приди и возьми“ и будет отстаивать свое национальное существование с оружием в руках, хотя бы поражение было неминуемо.

Все это кажется очевидным, а между тем в мире есть масса фактов, противоречащих всему этому. Европейский космополитизм, который, как мы видели выше, есть ничто иное, как общероманогерманский шовинизм распространяется среди не-романо-германских народов с большою быстротой и с весьма незначительными затруднениями. Среди славян, арабов, турок, индусов, китайцев и японцев таких космополитов уже очень много. Многие из них даже гораздо ортодоксальнее, чем их европейские братья, в отвержении национальных особенностей, в презрении ко всякой не-романогерманской культуре и проч.

Чем объясняется это противоречие? Почему общероманогерманский шовинизм имеет бесспорный успех у славян, тогда как достаточно малейшего намека на германофильскую пропаганду, чтобы заставить славянина насторожиться? Почему русский интеллигент с возмущением отвергает мысль о том, что он может служить орудием

немецких юнкеров-националистов, между тем как подчинение общероманогерманским шовинистам того же русского интеллигента не страшит?

Разгадка кроется, конечно, в гипнозе слов.

Как сказано выше, романогерманцы были всегда столь наивно уверены в том, что только они – люди, что называли себя „человечеством“, свою культуру – „общечеловеческой цивилизацией“, и, наконец, свой шовинизм – „космополитизмом“. Этой терминологией они сумели замаскировать все то реальное этнографическое содержание, которое, на самом деле, заключается во всех этих понятиях. Тем самым, все эти понятия сделались приемлемыми для представителей других этнических групп. Передавая иноплеменным народам те произведения своей материальной культуры, которые больше всего можно назвать универсальными (предметы военного снаряжения и механические приспособления для передвижения) – романогерманцы вместе с ними подсовывают и свои „универсальные“ идеи и подносят их именно в такой форме, с тщательным замазыванием этнографической сущности этих идей.

Итак, распространение т. н. европейского космополитизма среди не-романогерманских народов есть чистое недоразумение. Те, кто поддался пропаганде романогерманских шовинистов, были введены в заблуждение словами „человечество“, „общечеловеческий“, „цивилизация“, „мировой прогресс“ и проч. Все эти слова были поняты буквально, тогда как за ними, на самом деле, скрываются очень определенные и весьма узкие этнографические понятия.

Одураченные романогерманцами „интеллигенты“ нероманогерманских народов должны понять свою ошибку. Они должны понять, что та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле, есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов. Это прозрение, разумеется, должно значительно изменить их отношение к культуре собственного народа и заставить

их призадуматься над тем, правы ли они, стараясь, во имя каких-то „общечеловеческих“ (а на самом деле, романо-германских, т. е. иностранных) идеалов, навязывать своему народу чужую культуру и искоренять в нем черты национальной самобытности. Решить этот вопрос они могут лишь после зрелого и логического обследования притязаний романогерманцев на звание „цивилизованного человечества“. Принять или не принять романогерманскую культуру можно только после решения целого ряда вопросов, а именно:

1. Можно ли объективно доказать, что культура романогерманцев совершеннее всех прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших на земле?

2. Возможно ли полное приобщение народа к культуре, выработанной другим народом, при том приобщение без антропологического смешения обоих народов между собой?

3. Является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом или злом?

Вопросы эти обязан поставить и, так или иначе, разрешить всякий, кто сознает сущность европейского космополитизма, как общероманогерманского шовинизма. И только при утвердительном ответе на все эти вопросы всеобщая европеизация может быть признана необходимой и желательной. При отрицательном же ответе эта европеизация должна быть отвергнута и тут уже должны быть поставлены новые вопросы:

1. Является ли всеобщая европеизация неизбежной?

2. Как бороться с ее отрицательными последствиями?

В последующем изложении мы попытаемся разрешить все поставленные нами вопросы. Для того, однако, чтобы решение их было правильно и, главное, плодотворно, мы должны пригласить наших читателей на время отказаться от эгоцентрических предрассудков, от кумиров „общечеловеческой цивилизации“ и вообще от характерного для романогерманской науки способа мышления. Отказ этот – дело нелегкое, ибо предрассудки, о которых идет речь,

глубоко укоренились в сознании всякого европейски „образованного“ человека. Но отказ этот необходим в целях объективности.

II

Мы уже указали выше на то обстоятельство, что признание романогерманской культуры самой совершенной из всех культур, когда-либо существовавших на земле, основано на эгоцентрической психологии. Как известно, в Европе под это представление о высшем совершенстве европейской цивилизации подведен якобы научный фундамент, но научность этого фундамента только кажущаяся. Дело в том, что представление об эволюции в том виде, как оно существует в европейской этнологии, антропологии и истории культуры, само проникнуто эгоцентризмом. „Эволюционная лестница“, „ступени развития“ – все это понятия глубоко эгоцентрические. В основе их лежит представление о том, что развитие человеческого рода шло и идет по пути, так называемого, мирового прогресса. Этот путь мыслится, как известная прямая линия. Человечество шло по этой прямой линии, но отдельные народы останавливались на разных точках ее и продолжают и сейчас стоять на этих точках, как бы топчась на месте, в то время, как другие народы успели продвинуться несколько дальше, остановившись и „топчась“ на следующей точке, и т. д. В результате, окинув взглядом общую картину ныне существующего человечества, мы можем увидеть всю эволюцию, ибо на каждом этапе пути, пройденного человечеством, и сейчас стоит какой-нибудь застрявший народ, стоит и „топчется“ на месте. Современное человечество, представляет, таким образом, как бы развернутую и разрезанную на куски кинематограмму эволюции, и культуры различных народов отличаются друг от друга, как разные этапы общего пути мирового прогресса.

Если допустить, что такое представление об отношении действительности к эволюции верно, то придется признать, что восстановить картину эволюции мы все же не в состоянии. В самом деле, дабы разобраться в том, какой именно фазис эволюции представляет из себя каждая данная существующая культура, мы должны знать определенно, где лежит начало и где конец прямой линии мирового прогресса: только в этом случае мы можем определить расстояние, отделяющее данную культуру от обеих крайних точек упомянутой лестницы и, таким образом, определить место этой культуры в общей эволюции. Но узнать начало и конец эволюции мы можем не раньше, чем восстановим общую картину эволюции; таким образом получается заколдованный круг: для восстановления картины эволюции нам надо знать ее начало и конец, а для того, чтобы узнать ее начало и конец, надо восстановить картину эволюции. Ясно, что выйти из этого круга можно лишь в том случае, если каким-нибудь сверхнаучным, иррациональным путем мы постигнем, что та или иная культура есть начало или конец эволюции. Научно, объективно постигнуть этого нельзя, ибо в отдельных культурах при таком представлении об эволюции не может быть заложено ничего такого, что указывало бы на их расстояние от начала и конца эволюции. Объективно, мы находим в разных культурах лишь черты большего или меньшего сходства между собой. На основании этих черт мы можем группировать все культуры земного шара так, чтобы культуры наиболее сходные друг с другом стояли рядом, и культуры мало-сходные – в отдалении друг от друга. Но, даже в том случае, если бы нам удалось это сделать, и если бы при этом у нас получилась непрерывная цепь, мы все же не были бы в состоянии, оставаясь вполне объективными, определить, где находится начало и где находится конец этой цепи. Поясним нашу мысль примером. Представьте себе семь квадратиков, из которых каждый окрашен в один из цветов радуги; эти квадратики расположены на прямой линии, при чем порядок цветов, считая слева направо:

зеленый, голубой, синий, лиловый, красный, оранжевый, желтый. Теперь смешайте эти квадратики и предложите кому-нибудь не выдавшему их первоначального расположения, расставить их на прямой линии так, чтобы каждый переходной цвет находился между двумя основными. Так как лицо, к которому вы обратились, не знает, что квадратики были расположены в вышеуказанном порядке, то ясно, что расположить их в совершенно одинаковом порядке оно может только случайно, при чем степень случайности будет выражаться отношением 1 : 14. Совершенно в таком же положении находится исследователь, долженствующий расположить существующие ныне в человечестве народы и культуры в эволюционном порядке: даже если он каждую культуру поместит между двумя наиболее на нее похожими, он все же никогда не будет знать „с какого конца начинать“, как и в нашем опыте никто не может догадаться, что надо начинать с зеленого квадратика, и что голубой должен стоять не налево, а направо от него. Разница состоит лишь в том, что, так как культур, подлежащих группировке не семь, а гораздо больше, то и возможных решений будет не 14, а гораздо больше, а так как из них верным будет только одно, то вероятность правильного разрешения задачи здесь гораздо меньше, чем в опыте с цветными квадратиками.

Итак, если господствующее в европейской науке представление об эволюции верно, то картину эволюции человечества восстановить нельзя. И, однако, европейцы утверждают, что общую линию этой эволюции они восстановили. Как объяснить это? Неужели произошло чудо, неужели европейские ученые получили из какого-то таинственного источника сверхъестественное откровение, позволившее им найти конец и начало эволюции.

Если присмотреться к результату работы европейских ученых, к той схеме эволюции человечества, которую они восстановили, то сразу становится понятным, что роль этого сверхъестественного откровения, на самом деле, сыграла просто-напросто все та же эгоцентрическая пси-

хология. Она-то и указала романогерманским ученым, этнологам и историкам культуры, где искать начало и конец развития человечества. Вместо того, чтобы оставаясь объективными и видя безвыходность своего положения, искать причину этой безвыходности в неправильности самого представления об эволюции и постараться плодотворно исправить это представление, – европейцы просто приняли за венец эволюции человечества самих себя, свою культуру и, наивно убежденные в том, что они нашли один конец предполагаемой эволюционной цепи, быстро построили всю цепь. Никому и в голову не пришло, что принятие романогерманской культуры за венец эволюции чисто условно, что оно представляет из себя чудовищное *petitio principii*. Эгоцентрическая психология оказалась настолько сильна, что в правильности этого положения никто не усомнился, и оно было принято всеми без оговорок, как нечто само собой разумеющееся.

В результате получилась „лестница эволюции человечества“. На вершине ее стоят романогерманцы и те народы, которые вполне восприняли их культуру. Ступенью ниже стоят „культурные народы древности“, т. е. те народы, которые по своей культуре наиболее соприкасаются и сходятся с европейцами. Далее культурные народы Азии: письменность, государственность и некоторые другие пункты культуры этих народов позволяют находить в них некоторое сходство с романогерманцами. Точно так же – „старые культуры Америки“ (Мексика, Перу): впрочем, эти культуры несколько менее похожи на романогерманскую и, сообразно с этим, на эволюционной лестнице помещаются несколько ниже. Все же, все упомянутые до сих пор народы в своей культуре имеют настолько много черт внешнего сходства с романогерманцами, что их достаивают лестного названия „культурных“. Ниже их стоят уже „малокультурные“ народы и, наконец, совсем внизу помещаются „некультурные“, „дикари“. Это – те представители человеческого рода, которые имеют наименьшее сходство с современными

романогерманцами.

Согласно такому представлению об эволюционной лестнице, романогерманцы и их культура представляют из себя, действительно, высшее, что до сих пор достигнуто людьми. Конечно, скромно добавляют романогерманские историки культуры, – со временем „человечество“, может быть, пойдет еще дальше, возможно, что обитатели Марса уже и сейчас стоят в культурном отношении выше нас, но на земле в настоящее время мы, европейцы, – совершеннее и выше всех. Но объективной доказательной силы эта эволюционная лестница иметь не может. Не потому романогерманцы признают себя „венцом создания“, что объективная наука установила вышеупомянутую лестницу, а, наоборот, европейские ученые помещают на вершине этой лестницы романогерманцев исключительно потому, что заранее убеждены в своем совершенстве. Эгоцентрическая психология здесь сыграла самую решающую роль. Объективно говоря, вся эта лестница представляет из себя классификацию народов и культур по признаку их большего или меньшего сходства с современными романогерманцами. Момент оценки, делающий из этой классификации лестницу ступеней совершенства, не объективен и внесен чисто субъективной эгоцентрической психологией. Таким образом, принятая в европейской науке классификация народов и культур не может объективно доказать превосходства романогерманской цивилизации над культурами других народов. Из того же, что „ржаная каша сама себя хвалит“ еще не следует, чтобы это была самая лучшая каша в мире.

Если мы посмотрим, какие доказательства приводятся в пользу совершенства романогерманской цивилизации, стоящей на вершине „эволюционной лестницы“, по сравнению с культурой „дикарей“, „стоящих на самой низкой ступени развития“, – то с удивлением заметим, что все эти доказательства основаны либо на *petitio principii* эгоцентрических предрассудков, либо на оптическом обмане, вызванном тою же эгоцентрической психологией. Объек-

тивных научных доказательств нет вовсе.

Самое простое и наиболее распространенное доказательство заключается в том, что европейцы-де фактически побеждают дикарей; что каждый раз, когда дикари вступают в борьбу с европейцами, борьба кончается победой „белых“ и поражением „дикарей“. Грубость и наивность этого доказательства должна быть ясна для всякого объективно мыслящего человека. Этот аргумент ясно показывает, насколько поклонение грубой силе, составляющее существенную черту национального характера тех племен, которые создали европейскую цивилизацию, живет и по сие время в сознании каждого потомка древних галлов и германцев. Галльское „*vae victis!*“ и германский вандализм, систематизированные и углубленные традициями римской солдатчины, выступают здесь во всей красе, хотя и прикрытые маской объективной научности. А между тем, этот аргумент можно встретить и у самых просвещенных европейских „гуманистов“. Разбирать их логическую несостоятельность, конечно, не стоит. Хотя европейцы и пытаются облекать его в научную форму, подводя под него фундамент в виде теории „борьбы за существование“ и „приспособления к среде“, но последовательно провести такую точку зрения в истории они все-таки не могут. Им постоянно приходится признавать, что победа весьма часто выпадает на долю народов „менее культурных“, чем побеждаемые ими туземцы. В истории нередки случаи победы кочевников над оседлыми (а между тем, кочевники, как сильнее отличающиеся по своему быту от современных романогерманцев, на эволюционной лестнице всегда помещаются ниже оседлых народов). Все признаваемые европейской наукой „великие культуры древности“ были разрушены именно „варварами“, и хотя часто в оправдание выдвигается указание на то, что эти культуры к моменту своего разрушения уже перешли в состояние упадка и вырождения, но в целом ряде случаев этого доказать никак невозможно. А раз европейская наука не может признать положения о том, чтобы народ-победитель в культурном отношении

всегда был совершеннее народа побежденного, то из одного факта победы европейцев над дикарями никаких положительных выводов сделать нельзя.

Другой аргумент, не менее распространенный, но еще менее состоятельный, заключается в том, что „дикари“ неспособны воспринять некоторых европейских понятий, а потому и должны рассматриваться, как „низшая раса“. Здесь эгоцентрическая психология особенно ярка. Европейцы совершенно забывают, что если „дикари“ не способны воспринять некоторых понятий европейской цивилизации, то ведь и европейцы так же мало способны проникнуться понятиями культуры дикарей. Часто вспоминают рассказ о каком-то папуасе, которого вывезли в Англию, воспитали в колледже и даже отдали в университет; вскоре, однако, он стосковался по родине, бежал на родину и там, сбросивши европейский костюм, стал опять жить таким же „дикарем“, каким был до поездки в Англию, так что от понятий европейской культуры в нем не осталось и следа. При этом, однако, совершенно забывают многочисленные анекдоты о европейцах, решивших „упроститься“, поселившихся для этой цели среди „дикарей“, но по прошествии некоторого времени, все же не выдержавших своей марки и вернувшихся в Европу к европейским условиям жизни. Указывают на то, что восприятие европейской цивилизации настолько трудно для „дикарей“, что многие из них, попытавшись „цивилизиться“, сошли с ума или стали алкоголиками. Однако, в тех, правда, весьма редких случаях, когда отдельные европейцы пытались ассимилироваться с культурой какого-нибудь дикого племени, принять не только внешний материальный быт этого племени, но и его религию и убеждения, – этих „чудаков“ большей частью постигала та же участь. Достаточно упомянуть талантливого французского живописца Гогэна, попытавшегося стать настоящим таитянином, поплатившегося за эту попытку помешательством, а позднее и алкоголизмом, и окончившего жизнь бесславной смертью в пьяной драке.

Очевидно, дело тут не в том, что „дикари“ по своему

развитию ниже европейцев, а в том, что развитие европейцев и „дикарей“ направлено в разные стороны, что европейцы и „дикари“, по всему своему житейскому укладу и по вытекающей из этого уклада психологии, максимально отличаются друг от друга. Именно потому, что психология и культура „дикарей“ не имеет почти ничего общего с психологией и культурой европейцев, полная ассимиляция с этим чуждым бытовым и духовным укладом невозможна как для той, так и для другой стороны. Но, так как эта невозможность остается взаимной, и для европейца стать „дикарем“ так же трудно, как для „дикаря“ стать европейцем, то из этого всего нельзя сделать никакого вывода о том, кто „выше“ и кто „ниже“ по своему „развитию“.

(Продолжение следует)

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118- 120 (West Germany)

НОВАЯ КНИГА

Игорь Смолянинов

ДОРОГИ

(Сборник стихов)

Автор сборника стихов „Дороги“ Игорь Михайлович Смолянинов, подчеркивая национально-религиозную направленность своей книги, пишет в предисловии: „Меня Высшая сила провела через страшные годы ежовщины, штрафных батальонов и немецкого плена. Эти пройденные дороги борьбы и страданий привели меня к главной цели – к Богу. Поэтому я назвал свой сборник „Дороги“ и в знак бесконечной благодарности за дарованное духовное прозрение, посвящаю его величайшему празднику русского христианского православия – тысячелетнему юбилею крещения Руси“.

На издание патриотического сборника „Дороги“ И. М. Смолянинов получил Высочайшее Благословение от Первоиерарха Русской Православной Церкви заграницей Высокопреосвященнейшего Митрополита **Виталия**. Свою книгу И. М. Смолянинов издал на собственные средства и все средства, получаемые им от продажи первого издания сборника, он передает в фонд Комиссии по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви заграницей.

Книгу можно заказать у автора по адресу:

I.Schnitzer-Smolandinov
1, Park Crescent
Moonee-Ponds 3039, Vic.
Australia

**Цена книги 15 австралийских долларов,
с пересылкой авиапочтой – 18 австр. долларов.**

ИЗ ЗАБЫТОГО ПРОШЛОГО

Л. Рубанов

Корнет Савин

Во второй половине прошлого столетия имя корнета Савина гремело и рассказы о его похождениях долго не сходили со страниц русской и иностранной печати. В погоне за сенсациями газеты печатали иногда самые фантастические измышления, так, что порой трудно было определить, где истина и где выдумка. Жизнь корнета Савина – пестрый калейдоскоп бесстрашно дерзких авантюр, виртуозно-артистических по выполнению. Только война, затмила поднятый Савиным шум и заставила забыть бесконечные рассказы о нем, похожие на детективные романы или приключения Рокамболя.

Кто же был этот легендарный корнет? Николай Герасимович Савин родился в 1856 году и первые его шаги на арене авантюр относятся к годам, предшествовавшим русско-турецкой войне. Корнет Гродненского конно-гренадерского полка, сын очень богатых родителей он в начале своей карьеры, на „заре туманной юности“ пользовался исключительным успехом в высшем свете Санкт-Петербурга. Красивый, изящный, неизменно корректный, он умел производить впечатление великолепием своих манер, изысканностью речи, остроумием и, конечно, прекрасным знанием европейских языков.

За два года военной службы Савин умудрился промотать без остатка миллионное состояние, оставленное ему отцом, главным образом испытанным способом – карточной игрой, а также бурными кутежами с дамами петербургского света и полусвета. Когда от миллионов остались только воспоминания, молодой корнет быстро и в совершенстве постиг искусство займов без отдачи и с необыкновенной легкостью подписал на полмиллиона векселей, после чего к ужасу и негодованию кредиторов остался без гроша. Перспективы на будущее были самые мрачные, но к счастью для Савина, вспыхнула война с Турцией и долг офицера позволил Савину на время забыть о денежных долгах. Отправившись на фронт, он показал себя храбрецом, бесстрашно отличаясь в самых опасных сражениях. Скоро Георгиевский крест и другие отличия украсили грудь храброго офицера. Сам Скобелев выделил его и сделал своим ординарцем. Под Плевной Савин был ранен в живот и в обе ноги и победу встретил на госпитальной койке, осыпанный, как и подобает герою, цветами многочисленных поклонниц. О его доблести говорил весь Петербург.

Оправившись от ранений, Савин затосковал. Главной причиной тоски были кредиторы, не проявлявшие ни малейшего уважения к боевой славе защитника отечества: они как будто только и ждали момента, чтобы вместо цветов осыпать его угрозами отправить за решетку. Аристократические салоны и фешенебельные клубы вскоре закрылись перед Савиным. Уже поговаривали в Петербурге не о героизме Савина, а о его нечистоплотных проделках. Неплатеж старых и новых долгов грозил изгнанием из полка и тюрьмой... Савин стал упорно искать выход из положения. Спасение пришло в лице женщины, очередной его подруги, очаровательной американки мисс Ф., волею судеб попавшей в северную столицу.

Она была в интимных отношениях с Великим Князем Николаем Константиновичем, но легкомысленно предпочла красавца гвардейца. Она-то и помогла Савину осуществить план, обещавший в случае удачи лучезарное

будущее им обоим где-нибудь подальше от Петербурга и России.

Великий Князь был религиозен и коллекционировал предметы и всякие древности, имевшие отношение к религии. В его мраморном дворце была часовня, обставленная со сказочной роскошью, и там, среди многих уникальных ценностей было несколько икон византийского письма, давно привлекавших внимание миллионера-ростовщика Рудольфа Эйхгольца. Его, в отличие от Великого Князя, привлекала не столько византийская иконопись, сколько бриллианты, сапфиры и изумруды, украшавшие эти иконы и оцененные знатоками в пять миллионов рублей.

Как-то раз Эйхголец в разговоре с мисс Ф. заметил, что охотно уплатил бы пять миллионов за эти камни. Это замечание ростовщика не пропало даром – мисс Ф. рассказала о нем Савину. А Савин не замедлил оценить эти сведения, как указание на возможность разбогатеть. План похищения драгоценностей был разработан весьма тщательно и во всех подробностях. Операция была осуществлена в одну из ночей под покровом темноты и в ту же ночь Эйхголец стал владельцем интересовавших его икон Великого Князя. Но как и все ростовщики, Эйхголец оказался скуп и вместо обещанных пяти миллионов, Савин получил только один. Корнет был разочарован, взбешен, огорчен, но главные неприятности ждали его впереди.

Кража икон из великокняжеской часовни, так же как и тайна продажи ценностей, принадлежавших члену императорской фамилии, была петербургским сыскным отделением раскрыта с неожиданной для Савина быстротой. Скандал разразился скорее, чем рассчитывал Савин, и ни он, ни его подруга не успели скрыться за границу. Американка, все же не лишенная покровительства высочайшей особы, избежала ареста, а Савину пришлось расстаться со свободой и с миллионом. Теперь в перспективе была уже не тюрьма, а каторга. Великий Князь мог бы еще простить похищение икон, но похищение любовницы – никогда.

Мысль о каторге была для Савина настолько ужасной, что он решил рискнуть жизнью ради попытки вернуть свободу. Счастье улыбнулось ему, и корнету удалось бежать буквально на глазах у вооруженного до зубов конвоя и скрыться „в неизвестном направлении“, как гласил полицейский рапорт. Дальше помогла снова та же мисс Ф., которая, имея связи в американском посольстве, устроила своему другу визу в Соединенные Штаты, снабдив его солидной суммой в американской валюте. Под чужим именем Савин благополучно добрался до Владивостока, а оттуда отплыл в Америку.

Савину не было двадцати пяти лет, когда он ступил на американскую землю. Воздух и обстановка Нового Света, так непривычные и непохожие на атмосферу Северной Пальмиры (Петербурга), опьянили его с первой минуты появления в Нью-Йорке. Здоровая, полная сил молодость, требовала своей доли счастья и наслаждений, щедро рассыпанных здесь на каждом шагу. Разгорелось желание как можно скорее исчерпать все возможности, какие могла дать жизнь в новой обстановке.

В Савине проснулся деловой человек, его обуяла нестерпимая жажда наживы. Одна за другой рождались и умирали идеи. С долларами, полученными от мисс Ф., можно было начать какое-либо скромное предприятие. Но мелкие дела Савина не увлекали – он бредил операциями миллионного масштаба.

Блестяще владея английским языком, бывший корнет без труда выдавал себя за американца. В то благословенное время еще не была усовершенствована система паспортов и других документов, опутывающая сейчас каждого из нас. Савин ездил по соседним штатам, ко всему присматривался, во все вникал, заводил полезные деловые и неделовые связи, возвращался в Нью-Йорк уже недурно изучившим деловую машину США.

Интересовали Савина преимущественно скрытые механизмы этой машины, известные только темным дельцам. Вокруг делались деньги. Совершались сотни не совсем чистых и совсем грязных дел. Савин решил тоже делать

деньги. В голове созрел проект настолько грандиозный, что мог показаться фантастическим где угодно, но только не в США. Нужны были средства и компаньоны. И те и другие нашлись - американские друзья успели уже оценить деловитость молодого бизнесмена. И карусель завертелась.

В один прекрасный день нью-йоркская, а за ней и вся американская печать сообщила об организации крупного акционерного общества по продаже земельных участков на Кубе. Красочные проспекты тотчас же закричали о баснословной дешевизне кубинских земель, ярко описывали выгоды ожидавшие покупателей, обещая акционерам неслыханные дивиденды.

Ловко и умело составленная реклама сразу же создала новому предприятию успех, ошеломивший даже выдавших виды американцев. Акционерное общество заинтересовало всех, особенно провинциалов. Желающих вложить деньги в сказочное дело и без труда удвоить, утроить, удесятерить свой капитал, нашлось множество. Акции брались нарасхват и число акционеров росло с каждым часом.

Солидность дела не вызывала ни малейших сомнений. Дом на Бродвее, украшенный великолепной золотой вывеской, импонировал каждому. Показная, бьющая в глаза роскошь многочисленных канцелярий поражала клиентов; всеобщее внимание привлекал внушительных размеров сейф с замысловатыми замками, украшавший просторный кабинет, где за огромным столом сиял обворожительной улыбкой директор предприятия, конечно, неизвестный никому как петербургский аферист и вор. Лицо Савина дышало благородством и голос звучал убедительной силой, возбуждая полное доверие к молодому джентльмену, который не только ослеплял изысканностью манер, но и работал, как настоящий американец. Деловой мир Нью-Йорка не мог не оценить всего этого, и Савин вскоре стал своим человеком в финансовых кругах. Кассы всех банков открыли для него неограниченный кредит, финансовые магнаты пожимали ему руку, угоща-

ли сигарами и приглашали на парти. Неменьший успех имел Савин и у женщин.

Дела шли блестяще, число акционеров общества непрерывно увеличивалось... Но всему бывает конец. В один уже не прекрасный для него день, Савин острым чутьем продувного мошенника почуял неладное: в воздухе запахло гарью. Чутье не обмануло. Зловещая тень нависла над предприятием Савина. Кому-то вдруг оно показалось подозрительным. Уолл-стрит отметил катастрофическое падение акций, и правление общества потребовало созыва собрания акционеров.

Савин понял, что пора сматывать удочки, и когда в импозантный дом на Бродвее явилась полиция, оказалось, что след любезного директора давно простыл. По книгам было совершенно невозможно определить положение дел общества, но не оставалось никаких сомнений, что сделки были все до одной фиктивные. Когда же, провозившись чуть ли не целый день, вскрыли огромный массивный стальной сейф, то за сложнейшими секретными замками обнаружили лишь старую шляпу Савина – единственную наличность, уцелевшую от миллионного предприятия. Сам же Савин в это время спокойно пересекал океан по пути в Европу, увозя в кармане паспорт на новое имя, а в увесистых чемоданах аккуратно сложенные пачки долларов в крупных купюрах.

Дальнейшие похождения Савина при участии красивейших женщин Европы через некоторое время свели к нулю все его доллары до последней пачки. Пришлось заниматься новыми „делами“ – рядом темных банковских махинаций, вызвавших вскоре пристальный интерес полиции.

Заметая следы, Савин побывал в Париже, Лондоне, Кенигсберге, в городах Нормандии и Португалии и, наконец, очутился в Монте-Карло, куда прибыл с единственной целью поправить пошатнувшиеся дела.

Счастье игрока переменчиво. Шарик рулетки то изменял Савину, как когда-то в Петербурге карты, то бросал ему груды золота, исчезающие снова с молниеносной

быстротой. Однажды вечером он вышел из казино с совершенно пустым бумажником. Не только играть, но и жить было больше не на что. Выручила снова женщина, вернее жемчужное кольцо некоей престарелой дамы, которую Савин осчастливил кратковременной любовью. Колье было им вынесено без ведома владелицы и продано ближайшему ювелиру. Дама подняла шум, и Савину пришлось поспешно оставить Ривьеру и снова скитаться по Европе, пока чересчур назойливые сыщики не потеряли, наконец, его след.

Савин поселился в Венеции. Денег было в обрез. Звуки сладких баркаролл и бойких тарантелл навевали только меланхолию и тихую грусть, усиливавшуюся тоской по России. Мозг сверлила надоедливая мысль - что же дальше?

А дальше произошло то, чего не создало бы самое пылкое воображение. Его величество случай указал Савину путь, каким до него не шел ни один из самых прожженных авантюристов. Только случаю и, пожалуй, своим светским манерам Савин был обязан знакомству с испанским экс-королем Дон Карлосом.

Бывший монарх проживал под небом Италии с целым штабом приверженцев, подготавливая свержение королевы Изабеллы, занявшей путем дворцового переворота трон его предков. Планы бывшего короля находили отклик в Мадриде, нужно было лишь выждать, пока созреет заговор; но старый Дон Карлос умел ждать.

Красочная ложь часто бывает сильно действующим средством. Рассказ бывшего русского офицера-аристократа о том, как он пострадал за правду и по политическим причинам вынужден был спастись на чужбине от преследования царской полиции, произвел на Дона Карлоса глубокое впечатление. Взаимная симпатия перешла в дружбу скорее, чем обычно это бывает между людьми, почувствовавшими друг в друге родную душу. Бывший монарх, как и бывший корнет, не утратил склонности к авантюрам и для достижения своей цели не брезговал ничем.

Однажды, за бокалом клико экс-король рассказал

Савину о своих планах: не сегодня-завтра он вернется на испанский трон. Главное – восстановить династию. Карлисты давно ведут подпольную работу. Старая Кастилия, Север Испании и Наварра восстанут по первому сигналу, а к ним не замедлит присоединиться и Юг. Народ ненавидит Изабеллу, и кортесы будут за него, как только он пообещает либеральную конституцию, – о, разумеется, только пообещает – такие дипломатические маневры всегда бывают полезны.

Савин смаковал шампанское и слушал, не совсем понимая, почему так разоткровенничался его друг.

– Возвратившись в Мадрид, – продолжал Карлос, – мне придется похлопотать не только о внутреннем порядке в моей стране, но, конечно, и о внешних связях. Хорошие соседи значат больше, чем самая вышколенная прислуга в доме, и ключи от входных дверей всегда должны быть в вашем, а не в чужом кармане. За Пиренеи я спокоен. Португалия у меня в кулаке. С Францией мы были не в ладах, но это устроится. С Италией – старая дружба. Но я шагаю дальше. Моя давняя мечта распространить влияние Испании на все средиземноморское побережье, а для этого нужны друзья на Балканах. Знаете ли вы, мой молодой друг, что такое Балканы?

Савин вспомнил Плевну, ответил, что знает, но экс-король продолжал развивать свою мысль.

– Балканы – котел, где далеко не свежее варево бурлит в собственном соку. Слишком много народов и слишком мало порядка. Ваши братья-славяне умеют только хорошо резать друг друга. Впрочем, среди них я выделяю болгар. Вот народ, который мог бы пользоваться свободой, завоеванной для него русскими героями, вроде вас, конечно, при разумном управлении. Но соответствующего короля-то и нет. На троне болгарского княжества – австро-германская марионетка, гессенский принц Александр Баттенберг. Чванлив, бездарен и непроходимо глуп. Болгария расстроена внутри и совершенно дискредитирована извне. В государственном аппарате – хаос, министерские портфели даются и отбираются почти ежедневно. В кассе каз-

начейства ничего, кроме мышей. Страна голодает, в Силистрии, Рушук и Сливне восстания каждые сутки. Единственный человек в Болгарии, который чего-нибудь стоит, это Стефан Стамболов, председатель Народного Собрания. Сильная личность, русофил. Мечтает об одном: Гессенского принца вон, на его место монарха, угодного России, а самому использовать выгоды, которые принесет сближение Болгарии с вашей великой страной. Хитрая bestия!

- Чего же для этого нехватает? - спросил вяло Савин.

- Трех вещей, выражаясь словами Наполеона: денег, денег и еще раз денег. С несколькими миллионами в кармане Стамболов сбросит немца и наведет порядок в стране. Но кто даст миллионы нищему, зная заранее, что векселя останутся без оплаты?

При упоминании о векселях, Савин нахмурился.

- Простите, ваше величество, Болгария, несомненно, любопытная страна, но право, не понимаю, почему вы уделяете ей столько внимания.

- А потому, мой друг, - уже серьезно ответил Дон Карлос, - что у меня есть претендент на болгарский престол. И этот претендент - вы.

Бокал выпал из рук Савина и, забыв все приличия, он порывисто вскочил, в полном недоумении глядя на Дон Карлоса.

- У меня немалый опыт в искусстве познавать людей, - невозмутимо продолжал экс-король, - ручаюсь, из вас выйдет отличный болгарский князь. Если предложить Стамбулову несколько миллионов, он будет за вас стоять горой, а Народное Собрание утвердит вашу кандидатуру.

Савин почувствовал легкое головокружение.

- Но, ваше величество, у меня нет миллионов...

Карлос успокоительно махнул худой старческой рукой.

- О деньгах позабочусь я. Ну и об остальном тоже. Поверьте, я думаю не только о вас. Мне не доставит удовольствия наблюдать, как Болгария, а за нею и весь Балканский полуостров исчезнут, поглощенные прожорливой австро-германской пастью. Мне было бы приятно видеть

на престоле Болгарского княжества преданного друга, к тому же русского по крови. И не фантазируя, выскажу уверенность, что мы с вами очень скоро станем хозяевами на Балканах. Как видите, ситуация окажется полезной для нас обоих. Соглашайтесь же, друг мой!

Нужно ли говорить, что Савин согласился. Дон Карлос провозгласил тост за успех предприятия и осуществление проекта началось на следующий же день. Экс-король действовал так энергично, как будто речь шла о его собственном троне. На предварительные расходы Савину был выдан чек на 25 тысяч франков...

*

Спустя некоторое время болгарскую столицу всколыхнуло известие о предстоящем приезде крупного французского негодья и филантропа графа Жоржа Тулуз де Лотрека. Газеты намекнули, что этот визит может иметь для страны исключительно важное значение.

Граф Тулуз де Лотрек прибыл в Софию в сопровождении целой свиты секретарей, слуг и шикарных женщин и занял заказанные для него апартаменты – целый этаж в лучшем отеле. На следующий день граф был принят председателем Народного Собрания Стамболовым и членами кабинета министров. И еще через день стало известно, что французский миллионер ведет с болгарским правительством переговоры о займе. Переговоры велись довольно долго и в строжайшем секрете, а результаты их оказались такими, как предсказал Дон Карлос.

Принц Баттенбергский был свергнут с престола, подписал отречение и был выслан за пределы княжества. Стефан Стамболов был объявлен регентом. Немедленно после этих событий, газеты сообщили радостную новость: переговоры с французским финансистом окончились успешно. Новое правительство получает от графа Тулуза де Лотрека долгосрочный кредит в 15 миллионов франков. О том, что у „графа“ к этому дню не было уже ни франка и что в телеграмме Дон Карлосу „французский

финансист“ просил в счет будущих доходов дополнительно некоторую сумму, ни одна из газет, естественно, знать не могла. Никто, кроме посвященных в тайну лиц, не знал также и о том, что деньги для Болгарии были получены Дон Карлосом от венского банкира Кашиварта, имевшего на Балканах коммерческие интересы.

Заем в 15 миллионов франков был для Болгарии спасением. Престиж Стамболова в стране сразу же взлетел — каждому было ясно, что грядущим расцветом Болгария обязана ему и, конечно, французскому графу. Имя Тулуз де Лотрека произносилось почти с благоговением, портреты графа и восторженные статьи о его щедрости не сходили со страниц газет. Посыльные сбивались с ног, доставляя спасителю болгарского народа приветственные телеграммы и письма со всех концов страны. Когда же стало известно, что граф великодушно отказался от процентов по займу, такое бескорыстие умилило всех. Кабинет в полном составе из шести министров выразил благодетелю благодарность от имени болгарского народа.

Вскоре, однако, выяснилось, что Тулуз де Лотрек не так бескорыстен, как думали прежде. В беседе со Стамболовым граф ясно дал понять, что в благодарность за услугу, оказанную стране, желал бы получить, ни больше и ни меньше, как болгарский трон. Для Стамболова такое желание не было неожиданностью, не казалось даже невыполнимым, и для самого регента выглядело очень заманчиво: популярный в народе граф, ничего не смыслящий в политике и государственном управлении, будет действовать по его, Стамболова, указке и Стамболов возглавив кабинет, станет полновластным диктатором. Можно ли было найти более удобного монарха!

Предложение было принято. Регент, министр иностранных дел Странский и военный министр Миркуров составили триумвират в целях скорейшего восхождения на престол Болгарии французского графа и пустили в ход все свое влияние и авторитет. Законных прав у кандидата в князья было столько же, сколько и у его предшественника, т. е. не было никаких. Стамболов пошел на малень-

кую хитрость – прекрасно сфабрикованные документы доказали, что предки графа Тулуз де Лотрека по материнской линии издавна обитали на Балканах и были сподвижниками князя Испериха, основавшего в седьмом веке первое болгарское княжество. Таким образом, даже младенцу становилось ясно, что в графских жилах течет, хотя и разбавленная французской, но все-таки болгарская кровь, следовательно, права графа на трон страны своих предков, несомненны и неоспоримы.

Все остальное разыгралось как по нотам. В апреле 1887 года граф Тулуз де Лотрек был избран Народным Собранием почти единогласно. Народ и войска бурно приветствовали нового князя. По всей Болгарии трезвонили колокола. Князь со свитой, которая теперь численно возросла, перебрался из отеля во дворец. Речь новоизбранного монарха на банкете в его честь вызвала общее одобрение, – князь заявил себя убежденным славянофилом, сторонником объединения всех балканских народов и подчеркнул, что одной из целей его правления явится самое тесное сближение с Россией. Закончив речь произнесением здравицы в честь России и русской армии, князь казался очень взволнованным. Многие заметили, что он проследился.

Главное было сделано, оставалось только получить санкцию турецкого султана. Добившись после русско-турецкой войны самоуправления, Болгария по Берлинскому трактату признавала верховную власть Турции, и чтобы избранный страной князь мог быть коронованным, требовалось формальное согласие Высокой Порты. Стамбулов уже получил самые лестные отзывы о новом князе и в благоприятном решении султана никто не сомневался.

Ровно через месяц после своего избрания князь сопровождается, многочисленной свитой, при восторженных криках толпы, торжественно отбыл в Стамбул, чтобы представиться султану.

Абдул-Хамид Второй в то время уже приобрел широкую известность своими государственными делами, из которых особенно яркими были два: разгон, им же самим

учрежденного, парламента и организация поголовной резни армянского населения Турции. В Европе повелитель правоверных славился как жестокий и коварный восточный деспот, но значение Турции как средиземноморской державы в годы его правления было значительным и интриги различных придворных партий плелись достаточно интенсивно. Великому визирю Кемаль-паше приходилось непрерывно лавировать в борьбе двух наиболее крупных партийных сил – английской и русской, действовавших по указке послов Англии и России. В этой борьбе русский посол Нелидов умел подчас ловко обойти английского противника и к тому же имел тайные связи с лицами, недовольными султаном, которых английский посол безуспешно пытался переманить на свою сторону. Поэтому Нелидова в английском посольстве не любили и ждали только случая, чтобы подставить ему ножку.

Новоиспеченный князь был встречен в Стамбуле с подобающей помпой. На Кемаль-пашу он произвел самое благоприятное впечатление и на следующий день по прибытии был приглашен на селямлик к султану.

Когда молодой князь в раззолоченном мундире, окруженный свитой, появился в блистающем огнями дворцовом зале, он был встречен шепотом восхищения. Французский посланник, барон де Монтенебло, представил князя как своего соотечественника султану, и Абдул Хамид удостоил гостя милостивой беседой. Врожденное обаяние Савина, манера держать себя и его артистический талант сослужили ему службу – властелин Оттоманской империи был им, положительно, очарован и пригласил на завтра в свои покои для конфиденциальной беседы – честь, которой могли похвастаться немногие европейцы. Состояться этой беседе было не суждено...

*

Гром грянул среди ясного неба. Для Англии, Австро-Венгрии и Германии было необходимо во что бы то ни

стало разрубить узел, мешавший их политике на Балканах и создававший потенциальные выгоды для России. Три державы действовали в этом направлении сообща, и органы международной разведки давно следили за развитием болгарских событий. Специалистам шпионажа было не так трудно добыть точные сведения о русском аферисте, превратившемся в американского бизнесмена, затем во французского графа и, наконец, в болгарского князя. Имеющий разоблачающие Савина материалы, английский посол в Турции использовал долгожданный момент, чтобы одним махом нанести двойной удар – интересам России на Балканах и влиянию Нелидова при турецком дворе. Тотчас же после придворного селямлика, посол ее величества королевы Великобритании нанес визит русскому послу и вручил ему подробнейшее досье русского преступника, скрывающегося под видом болгарского князя. Английский посол выразил уверенность, что его дружеская услуга поможет русскому коллеге принять надлежащие меры и не преминул заверить его в неизменных дружеских чувствах британского правительства к России и лично к особе господина посла.

Было ли разоблачение Савина новостью для Нелидова? Знал ли русский посол раньше, с кем в лице нового князя Болгарии он имел дело? Ответ, надо думать, ясен. Ведь русская разведка тоже работала за границей, и Нелидов, несомненно, получил в свое время точные биографические данные о новом князе, дополненные донесениями из Петербурга, но мог им только порадоваться: если князь русской национальности будет действовать в интересах России, значит, выигрыш в балканской игре обеспечен. А на все остальное, по правилам дипломатии, разумнее было бы закрыть глаза.

И вдруг все рухнуло. Происки трех держав увенчались полным успехом. Все же Нелидов попытался спасти положение и тотчас бросился к Кемаль-паше. Здесь его ждал новый удар – английский соперник уже успел осведомить обо всем не только великого визиря, но представителей печати: утром сенсационная новость появится во

всех газетах. Тушить скандал было уже поздно. Для Нелидова оставался теперь дипломатический ход – неприятный, но необходимый, чтобы „сохранить лицо“...

Рано утром отряд турецких жандармов явился в отель, отведенный болгарскому князю и его свите. Савин был еще в постели, когда жандармский полковник предъявил ему ордер на арест. Савин сразу сообразил в чем дело и решил легко не сдаваться. Оружие у него предусмотрительно отобрали, и бывшему князю пришлось отстаивать свободу и утраченные права на престол при помощи стула. Сопротивлялся он отчаянно, стул был сломан в щепки о голову неосторожного полковника, но силы оказались неравными. Савин был арестован, закован в кандалы и под усиленным конвоем отправлен в Варну, а оттуда в Одессу. По дороге в Петербург, любуясь родными пейзажами из окна арестантского вагона, он мог в мыслях перелистать страницу за страницей, всю книгу своей бурной жизни и о многом поразмыслить.

Конечно, Савин был слишком умен, чтобы не понимать, что его блистательная карьера пока, в видимых пределах, закончилась. Случилось так, что вокруг особы русского мошенника переплелись не только личные интересы болгарского регента, испанского короля и венского банкира, не считая целой армии более мелких политических и финансовых дельцов, но также интриги и соперничество за сферы влияния четырех держав, судьбы чуть ли не всей Европы. Савин мог гордиться собой – главную роль в болгарской комедии он сыграл блестяще, и если игра закончилась незаслуженным им провалом, то только по вине закулисных сил, не давших ему доиграть этот, единственный в своем роде, спектакль до конца. Теперь все это было позади и оставалось только покориться судьбе – печальной и неотвратимой.

Привезенный в Петербург Савин был заключен в Петропавловскую крепость. Ждать решения своей участи ему пришлось недолго. Министр внутренних дел, граф Толстой, ознакомившись с материалами дела Савина, пожелал лично допросить его. Допрос произошел в каби-

нете министра с глазу на глаз и длился в течение целого дня. Детали допроса остались в тайне, а результат оказался неожиданным: не находя ничего предосудительного в намерении русского офицера занять болгарский престол, министр распорядился немедленно освободить его из-под стражи. Лица, хорошо знавшие Толстого, объяснили его решение так: при всей тяжести своих преступлений Савин никогда не утрачивал единственную из своих положительных черт – не переставал быть патриотом. Именно эта черта как-то облагородила в глазах министра облик арестанта и оказалась решающей в его судьбе.

Но свобода Савина была непродолжительной. Всплыло наружу все его прошлое; все давние петербургские проделки, мошенничества, подлоги, неоплата множества векселей, наконец, похищение икон из часовни Великого Князя и дерзкий побег из-под ареста. Список преступлений был слишком велик, чтобы совершивший их имел право пользоваться свободой. Савина арестовали вторично. По совокупности преступлений он мог ждать теперь вечной каторги. Но приговор суда оказался неожиданно мягким: видимо, не обошлось без чьего-то тайного покровительства. Савина присудили к лишению всех прав и ссылке на поселение в Томскую губернию.

Любопытна судьба участников самой блестящей и самой плачевной из савинских авантур. Дон Карлос успеха не имел. Все его попытки возвращения на испанский трон потерпели крах, и он умер в изгнании. Из займа в 15 миллионов франков Болгарии достались жалкие крохи – банкирский дом Кашиварта наложил арест на эти миллионы и аннулировал договор о займе.

Болгарский трон пустовал всего два месяца. Позорное фиаско с одним князем, заставило Стамболова поспешить с избранием другого. Изворотливый политик быстро переменял ориентацию и из усердного русофила превратился в ярого сторонника Германии. При посредничестве великих держав – Англии и Австро-Венгрии на болгарский престол был возведен принц Фердинанд Кобургский. Он с согласия тех же держав разорвал бер-

линский трактат и в 1908 году провозгласил Болгарию царством, а себя царем. Царь Фердинанд болгарский сохранял внешнюю дружбу с Россией, пока это было в интересах императора Вильгельма. Дружба была настолько тесной, что в роли крестного отца сына Фердинанда, княжича Бориса выступал император Николай Второй, крестивший болгарского престолонаследника (впоследствии царя) как православного. Заметим, что царь Борис впоследствии был отравлен по приказу Гитлера. В начале первой мировой войны Фердинанд сбросил маску и заставил свой народ воевать на стороне Германии.

Когда началась война, Савин еще раз доказал свой патриотизм, отправив через прокурорский надзор прошение на высочайшее имя, слезно прося отправить его – бывшего конногвардейского корнета – на фронт, зачислив рядовым в какой угодно полк в действующую армию. Дальнейшая его судьба неизвестна.

НАШИ ВЕСТИ

**Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным**

**Редактор Н. Н. Протопопov
Казначей А. А. Пустовойтенко**

**Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов**

Подписку направлять по адресу:

**NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA**

ПЕРЕПИСКА: ЭЙДЕЛЬМАН - АСТАФЬЕВ

Н... Н...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЛОРДА АРТУРА НЕВИЛЯ

Чрезвычайно любопытно было прочесть в «Вече» отзывы на обмен письмами Н. Эйдельмана и В. Астафьева. В одном из отзывов, автор его пишет, что разговор В. Астафьева с Н. Эйдельманом – разговор „важный“. Это очень верно. Если за спиной Н. Эйдельмана стоят тысячи, которые разделяют его взгляды, то за спиной В. Астафьева – миллионы. Это голос народа. Как же не быть этому разговору „важным“, если это – **разговор века? О нем попало даже и в западную печать. В немецкой газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung», дело представлено с „характеристиками“, данными теми, которые стоят за спиной Н. Эйдельмана. „Письмо известного и ценимого в научных кругах литературного историка Н. Эйдельмана, чьим намерением было тактично указать на неуместность изобилия отрицательных героев-инородцев в прозе Астафьева. Он хотел заострить внимание писателя на последствиях таких искажений, возможностях толкования, что в несчастьях России виноваты нерусские“.**

В. Астафьев охарактеризовал письмо Н. Эйдельмана как „черное письмо, переполненное не только злом, а перекипевшим гноем...“

Какое же впечатление производит на нас письмо Н. Эйдельмана? Оно безусловно далеко и от такта, и от деликатности; и от правды тоже. И весь его тон – остропровокационный. С какой гордостью сообщает Н. Эйдельман в своей биографии-анкете (а зачем бы она?) о том, что отец его был исключен из гимназии за пощечину учителю! Хотел он этим сказать, что он из рода мучеников, страстотерпцев-правдолюбков? И что сын тоже в отца?

Н. Эйдельман наставляет: не нарушать главного закона российской мысли, завещанного величайшими мастерами: размышляя об ужасном, прежде всего, „до всех сторонних размышлений“, обвинять самого себя. И что касается народных несчастий, то их источник внутри, а не снаружи... „Только нравственный подход ведет к высокому, истинному мастерству“. Интересно, следует ли Н. Эйдельман своему рецепту, в отношении **своего** ужасного? Винить самого себя и находить корни **внутри, а не снаружи?**

Конечно, не забыто о Пушкине, „презиравшем свое отечество (как известно!)“. И еще, в качестве обличительного дидактического материала, приводится цитата из Толстого, о покорении Кавказа.

Покорение это выразилось во включении Кавказа в территорию великой страны. Но покорители ничем не посягнули на то, что составляло жизнь покоренных. Напротив, они равноправно участвовали в жизни великой державы, и даже в ее управлении. Были генералами ее армии и министрами при дворе. А сколько кавказцев училось в привилегированных учебных заведениях России, институтах и кадетских корпусах! Никто не мешал им также и богатеть.

Но вот, в покорениях иного рода, отсутствует и жизнь и мир, на всю последующую историю! Потому что покоренный народ (порабощенный народ!) обезглавливается, убивается систематически, поколениями и десятилетиями. Действуют по правилу: „лучших из них – убей!“ Прошедшие десятилетия, стоили жизни миллионам!

Обдумывая текст Н. Эйдельмана, задаешься вопросом: имеем ли мы право замалчивать историю и прощать за других? Прощать можно только за себя! Десятки и десятки миллионов жертв коммунистической инквизиции... Если бы сонм этих убитых можно было бы вернуть, чтобы они решили, можно ли прощать...

Если сравнивать беды нашего века, хотя бы с нашествием татар. Даже татары не истребляли, „убивая лучших“, а взимая дань, оставляли и для жизни. Не истребляли голодом, как истребляло „новое нашествие“. А уж в делах религии и сравнивать нельзя! Татары были веротерпимы, и иногда даже переходили в православную религию. Новое же нашествие, веру и церковь уничтожило под корень и в первую очередь. И так, чтобы даже и воспоминания о том, какая же она, вера? – не оставалось.

Удивительно ли, что В. Астафьев пишет: „Вот, если бы на головы современных осквернителей храмов, завоевателей, богохульников и горлопанов низвергся вселенский свинцовый дождь – последний карательный дождь – на всех человеконенавистников и гонителей чистой морали“. Неужели, Н. Эйдельман не подписался бы под таким справедливым желанием наказания? Наказания столь плохих людей. Или он считает их хорошими? Иногда, все же, даже и историкам нужно отделять доброе от злого.

Историку Н. Эйдельману не нравится упоминание об инородцах. Здесь он не одинок. Многие возмущаются раскрытием псевдонимов таких исторических фигур, как Ярославский, Троцкий, Зиновьев и т. д. Но в истории все называется собственными именами! Психологически же, очень большая тема: почему все эти люди сменяли свои имена на русские? Не немецкие, не итальянские, не английские – а именно русские? Не для того ли, чтобы подделывать русские корни в состав событий революции?

Критики упрекают В. Астафьева в „чрезмерном очернении Запада“. Тема большая... Запад тоже внес свою лепту. И опять-таки, имеем ли мы право прощать за других? И имеем ли мы право не видеть новых и тоже убийственных опасностей, которые опять идут с Запада?

Россия, когда-то, пыталась возвести человечность в принцип бытия: своей религией, своей моралью, своим мировоззрением. И за это ее утопили, расстреляли, распяли.

Убили лучших... Кто их заменит и когда? Тем более, что детей их воспитывали в незнании лица и родства, в потери памяти. А „историки“, вооруженные „передовыми теориями“, помогали им в этом. Помогают и по сей день. Почти три четверти столетия бессовестной лжи!

Но вернемся к статье в западногерманской газете. Автор ее упоминает и о рецензии на один роман В. Белова, которая без обиняков говорит, что русский народ живет под гнетом злой силы, вмешавшейся в судьбы государства и виновной в трагедии России. Эта сила определяется как фашизм, масонство, сионизм и космополитизм. Газета идет дальше, говоря, что ныне тезис советской идеологии: „сионизм – это фашизм сегодня“. И даже приводит мнения о том, что сионизм был причастен к уничтожению евреев Гитлером, т. к. это закладывало фундамент будущему государству Израиль. Любопытно, что эта же тема курсирует сегодня на Западе. Она неоднократно проскальзывала в западной прессе. Только за последний год в Лондоне был устроен штурм театра, который хотел поставить пьесу, затрагивающую эту тему. Сходная история была и в Западной Германии. Тоже с театром.

Угнетение евреев – разумеется, традиция Российской Империи!

Приведем справки. При Николае Первом еврейство было лояльным режиму (на сторону революции русское еврейство перешло позже). Евреи были равноправны и даже получали баронские титулы. Дворянство давалось евреям также. Бароны Гинсбурги; граф Нессельроде, который принял православие и породнился с русской знатю. Он был временщиком Александра I.

Вообще же уравнение в правах евреи получили только в конце XVIII века во Франции, и в XIX веке в других европейских государствах. До того, во многих странах

они, действительно, подвергались преследованиям. В России преследований евреев не было, была только временная черта оседлости.

Процентная норма для евреев в высших учебных заведениях была введена в 1887 году для того, чтобы **уравнять** шансы! В 1886 году на медицинском факультете в Харьковском университете было 41,5% евреев, на медицинском факультете в Одессе – 30,7%, на юридическом – 41,2%. Процент же еврейского населения в России был 3,5.

Александр II провел мероприятия для уничтожения черты оседлости. Евреи были допущены во все русские школы и университеты. Евреи с высшим образованием могли жить во всех городах Российской Империи и занимать любые должности, кроме командных в армии.

Александр II был убит почти накануне объявления манифеста о даровании Конституции и всех свобод, в том числе и для евреев, которых предполагалось уравнять во всем с русскими.

После убийства Александра II, Александр III отменил многие льготы, дарованные Его отцом, в том числе и все данные евреям привилегии.

Такова история, до того момента, когда евреи мощно занялись русской революцией, которая привела к неисчислимым бедам, не только для русских, но и для самих евреев.

Вернемся к концепции Н. Эйдельмана о русской истории, что нужно брать вину на себя. И „уметь ответ держать“. Неужели, нужно сегодня так просто все забыть и списать в расход? Нам кажется, что самое, и единственно, естественное было бы сказать правду, какой бы „голой“ она ни была. Как известно, повинную голову и меч не сечет! Тем более, что все эти события – события прошлого, и сын за отца не отвечает. Но, только: нельзя к лжи старой прибавлять еще и новую! Это не может привести ни к чему хорошему!

Что же касается лжи, то в ней участвует каждый,

который даже молчит о правде! Потому что молчание – тоже форма лжи!

Выехало сейчас из России множество евреев. Сливки интеллигенции. Многие очень талантливы, в массе – все образованны. И никто из них, или почти никто, не говорит всей правды, если даже говорят правду об отдельных частностях. На **целую**, объективную правду, никто решиться не может, даже лучшие из них. Все танцуют от „тюрьмы народов“...

Возьмем, в качестве примера, одного из лучших, очень талантливого молодого автора (теперь покойного) – Илью Рубина. Вот, из одного его эссе:

„Уж больно неримским был Филофеев Рим с его неуклюжей свирепостью, немилосердной стужей и раскосым христианством“. Иного христианства не усмотрено... И опять, конечно, „жандарм Европы“, „нация рабов“... „Империя великая и бесчеловечная, с кровавыми пленками верноподданнического патриотизма...“ Какие эпитеты – будто с бойни.

И неужели история **дальнейшая**, свидетелем которой был сам автор, с „империей“ поистине бесчеловечной, не научила этого молодого человека сравнивать?! Он мог бы вспомнить, как в той „кровавой империи“ бесчеловечно убили ее Царя-Освободителя, Царя-Реформатора. Убили, охотясь как на дикого зверя (чтоб добро не развилось! Что было бы тогда делать, кого призывать к революционным погромам?). И вспомнить еще, как в этой Империи Вдовствующая Императрица просила о помиловании убийц! Вспомнить, подумать и задуматься о „раскосом христианстве“. А еще вспомнить и подумать, попутно, **как** за убийство Урицкого было расстреляно 10.000 (десять тысяч!) человек! Стиль – старозаветный...

Но рассказывается дальше: как немедленно после 1917 года очутились (гуманисты) „на необитаемом острове, где жили козы и попугаи, и где дикари плясали, поедая друг друга...“

Кто плясал, и **кого** поедали? По странному совпадению время описанных событий из жизни благородных Робин-

зон в точности совпадает со временем, когда очень многие евреи в России дружно спасали революцию.

В своем письме, утверждает немецкая газета, Н. Эйдельман пытался восстановить историческую правду. Например, касательно убийства Царской Семьи. Жалко звучит ответ Н. Эйдельмана, построенный на ошибочном написании имени Юровского... Юровский – совершенно определенное лицо (хотя и идентичен с тысячами подобных ему, действовавших в те дни на завоевываемых российских просторах).

Взять хотя бы одиозную фигуру Троцкого (Бронштейна), безусловно, одного из „моральных авторов“ убийства Царской Семьи. О стиле его „работы“ в качестве всесильного военного комиссара, во время гражданской войны, говорит такая, например, „мелочь“: его приказ, данный по телеграфу чекисту Сайенко, когда Белая Армия генерала Деникина приближалась к Орлу. Троцкий приказал, чтобы привезенных с собой из Харькова заложников „не расстреливать, но изрубить саблями, так, однако, чтобы не затрагивать головы...“ („Масонство и русская революция“, Григ. Шварц-Бостунич, 1922, изд. Святослава Ковалева, Белград. Стр. 135). Такими же методами усмиряли (по Библии) землю Ханаанскую...

Относительно же того, что Н. Эйдельман строго замечает, что „Юровский не был сионистом“, то что можно знать? Троцкий тоже не был сионистом, но , интернационалистом. Однако „возвращается ветер на круги своя“.

«Forwerts», еврейская ежедневная газета в Нью-Йорке, пишет о Троцком (от 27 августа 1955 г.), что „для него была возможна только одна дорога“, что он „со временем снова стал евреем и много думал о еврейском государстве“. „Что было бы, живи он сегодня? Вполне возможно, что он поселился бы в Израиле... Но во всяком случае, одно несомненно: в визе бы ему не отказали“.

Автор в немецкой газете не преминул также сообщить, возвестить миру, на что способны психически-нездоровые и примитивные русские! Хотят вернуться к идолопоклонничеству. К Перуну и Дажь Богу. И немецкая газета –

здесь рупором!

На кого это рассчитано? А ведь статья так и называется: „Новое язычество“. Если бы историк Н. Эйдельман хотя бы попробовал не нарушать „главного закона российской мысли“ и попытался быть объективным. „До всех сторонних рассуждений“...

Горько, сурово, с болью (и с неизмеримой для Н. Эйдельмана высоты!) пишет В. Астафьев, может быть самое главное в своем письме, о том, что „не отвечай на зло злом“, и „прости врагам нашим“.

Русские никогда не разучались прощать. Хотя им все время навязывают „новые погромы“. Предсказывают погромы, смакуют их. Есть в назойливости брани что-то вызывающее и провокационное.

Умнейший Оскар Уайльд ничего не писал зря. Задумываешься над смыслом его рассказа-притчи „Преступление лорда Артура Невилля“ и содрогаешься. Великосветский салон. Гвоздь вечера, хиромант, вооруженный своим „знанием“, предсказывает молодому аристократу преступление. Убийство. Не помышляющий об этом, молодой человек крайне удивлен. В тот же вечер, возвращаясь домой, наталкивается он на мосту на одинокую фигуру, даже лица которой он не видит, в густом тумане. И внезапно, словно подчиняясь какому-то неслышному приказанию, импульсу, он сталкивает человека с моста. В утренней газете объявление: выловлен из Темзы труп хироманта!

Преступление лорда Артура Невилля случается не по ненависти, не из корысти, не по злу, но иррационально. Оно было посеяно в его голове, императивно, тем, кто идею этого преступления носил в себе самом.

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

CONGRESS OF RUSSIAN-AMERICANS, INC.

Nyack, N. Y. 10960, P. O. Box 818, USA

ДЕКЛАРАЦИЯ

ГОДА СКОРБИ И НЕПРИМИРИМОСТИ

7-го ноября этого года коммунистическая партия Советского Союза будет праздновать семидесятилетие захвата ею власти в России.

Конгресс русских американцев ежегодно напоминает о том, что события 7-го ноября 1917 года явились не только началом страданий многомиллионного народа под игом коммунизма, но и началом общечеловеческих бедствий.

В этом году, по случаю семидесятилетия советской власти и в виду мировой политической напряженности, вызванной существованием коммунистической сверхдержавы, мы должны напомнить, что коммунизм был импортирован в Россию в прошлом веке с Запада, и с Запада, в критические для России годы первой мировой войны, было импортировано в нее руководство коммунистической партии большевиков во главе с Лениным, в результате чего было уничтожено Российское государство, и на его месте был создан Союз Советских Социалистических Республик, в котором, путем обмана и насилия, началось построение первого в мире коммунистического

тического общества, стоившее народу неисчислимых страданий и свыше шестидесяти миллионов человеческих жизней.

Однако, на протяжении нескольких десятилетий западный мир не только игнорировал проводившийся у него на глазах чудовищный коммунистический эксперимент, но и всячески поддерживал советскую власть вплоть до отдачи ей после второй мировой войны стран Восточной Европы и насильственной выдачи около 3-х миллионов советских граждан и бывших военнопленных, не желавших возвращаться в Советский Союз.

„Посеявший ветер пожнет бурю“, и теперь не только западный мир, но и все человечество пожинает плоды преступной политической игры, приведшей мир к катастрофическому положению, из которого современные политические деятели не могут найти выхода.

Поэтому, в связи с семидесятилетней годовщиной роковых событий 7-го ноября 1917 года и переживаемыми всеми в настоящее время их последствиями, мы, участники Седьмого Всеамериканского съезда Конгресса русских американцев, объявляем 1987 год ГОДОМ СКОРБИ И НЕПРИМИРИМОСТИ.

СКОРБИ по всем жертвам коммунизма и о всех тех, кто, поверив коммунистическому обману, пошел за „призраком коммунизма“, и о всех тех, кто в своем ослеплении загубил невинные человеческие жизни и собственные души.

НЕПРИМИРИМОСТИ по отношению к воплощению ЗЛА в лице коммунизма и любой тоталитарной системы, попирающей Божеские и человеческие законы, преследующей религию и лишаящей людей свободы и элементарных человеческих прав.

Происходящая в настоящее время в Советском Союзе „перестройка“ и связанные с ней у некоторых иллюзии и даже надежды, не дают нам основания отказываться от нашей непримиримости к коммунизму, а тем более от проявления скорби по его жертвам, так как мы расцениваем производимые нынешним советским руководством

реформы всего лишь как тактический маневр для спасения и укрепления власти, ценою ряда вынужденных уступок народным требованиям – уступок подчас для нее рискованных, но не меняющих ее тоталитарной сущности.

Переговоры об атомном разоружении, которые следует только приветствовать, если они действительно могут привести к полному уничтожению атомного оружия, не свидетельствуют еще об отказе советского правительства от выполнения им „интернационального долга“, под которым подразумевается создание и поддержка во всем мире коммунистических революционных очагов, предназначенных для осуществления мировой коммунистической революции, и не исключают возможности военного столкновения.

Судьбы народов неразрывно связаны между собой, особенно в наш век технического прогресса и расщепления атома, и все мы несем ответственность за наше общее будущее, которое должно быть построено на взаимопонимании, взаимоуважении и доверии. Гарантией доверия может быть только повсеместное соблюдение Божеских и человеческих законов, защищающих незыблемые права человеческой личности.

Исходя из вышеизложенного, мы повторяем нашу прошлогоднюю просьбу к законодательным органам и правительству Соединенных Штатов Америки о проведении государственного закона, объявляющего 7-е ноября официальным ДНЕМ ТРАУРА по всем жертвам интернационального коммунизма с обязательным спуском в этот день по всей стране государственных флагов на полмачты.

Одновременно мы напоминаем о предложенной в 1985 году конгрессменом Робертом К. Дорнаном резолюции № 309 и внесенной в том же году сенатором Джеймсом А. Макклором поправке к законопроекту о бюджете Государственного Департамента за № 883 и просим прекратить практику поздравлений 7-го ноября правительства Советского Союза, а тем более его населения, с „Днем революции“, так как этим поздравлением правительство

Соединенных Штатов санкционирует от имени американского народа все совершенные и совершаемые советской властью внутригосударственные и международные преступления. Подобные поздравления являются оскорблением памяти сотни миллионов жертв коммунизма и неуважением к американским гражданам, оплакивающим гибель своих близких в коммунистических странах.

В прошлогодней декларации Дня Скорби и Непримируемости мы писали, что перед свободным демократическим миром встанет принципиальный вопрос морального порядка о том, какую позицию он займет по отношению к юбилейным торжествам коммунистической партии Советского Союза? На чьей стороне он будет 7-го ноября 1987 года? На стороне угнетенных или угнетателей? На стороне законности или беззакония? И что ответы на эти вопросы со стороны мировой общественности определят дальнейшую судьбу человечества.

Поэтому мы обращаемся к Сенату и Палате Представителей с просьбой провести закон о ДНЕ СКОРБИ по всем убитым и замученным жертвам коммунизма и постановить отмечать этот день ежегодно 7-го ноября.

Мы просим Президента и Государственного Секретаря прекратить поздравления населения Советского Союза с „Днем революции“ и просим всех губернаторов, мэров городов и штатные и местные легислатуры повсеместно объявить 7-е ноября ДНЕМ ТРАУРА по всем погибшим жертвам интернационального коммунизма, число которых в настоящее время достигло во всем мире 100 миллионов человек.

Конгресс русских американцев.

О. Бирюков

Один номер „русской“ газеты

На Западе издается много газет на русском языке; вероятно, больше, чем следует. Было бы их меньше, легче бы жилось финансово, да и качество бы повысилось. Пять из них претендуют быть русскими, то ли по названию, то ли по своей идеологической направленности. Все пять имеют солидный стаж. Самая старая, нью-йоркская «Новое русское слово», существует уже 70 лет, другие тоже существуют не один десяток лет. Все эти газеты, говоря по современной (по-существу неправильной) терминологии были в своем большинстве печатными органами первой и второй эмиграции. О газетах и журналах, издаваемых т. н. третьей эмиграцией, часто однодневках, мы говорить не будем, так как они и не называются русскими, и не претендуют быть таковыми.

Что можно сказать о тех пяти газетах, которые претендуют быть русскими? Первая из них, самая старая, самая богатая, имеющая наибольший тираж - упомянутое «Новое русское слово». Возможно, что она когда-то была действительно русской газетой, несмотря на то, что всегда ее владельцами и редакторами были евреи. Это было в те времена, когда большинство ее читателей были

русскими. Но времена изменились, пришла „третья“, в основном еврейская, волна эмиграции, и газета потеряла свой русский облик (свидетельство, что исконно русской газета никогда не была!), стала не только еврейской, но и русофобской. Русские авторы перестали в ней печататься, за исключением пары людей, которые совмещают сотрудничество с русофобским «Новым русским словом» и с монархической газетой «Русская жизнь», да одного православного священника, который ловко сотрудничает с еврейским «Новым русским словом» и журналом «Голос зарубежья», редактируемым католичкой г-жой Пирожковой.

Раз уж упомянули издаваемую в Сан-Франциско «Русскую жизнь» то бесспорно нужно признать, что это подлинно-русская газета. Правда, ей нужно пожелать большего профессионального мастерства в оформлении и подаче материала и усиления авторского состава. Некоторые статьи, публикуемые в ней, явно на недостаточном уровне, да и русский язык во многих случаях хромает.

Две газеты в своих наименованиях не имеют слова „русский“. Это издаваемая в Австралии газета «Единение», солидная, спокойная, правда несколько бескрылая, стремящаяся обходить острые углы – может быть для оправдания своего названия, и являющаяся полной противоположностью ей издаваемая в Аргентине «Наша страна», весьма неровная по своему содержанию – в ней наряду с весьма интересными статьями появляется часто бездарное пустозвонство. До недавних пор «Наша страна» угнетала всех разумных читателей своей склонностью к склокам и неоправданным нападкам на другие эмигрантские издания. К счастью, в последнее время это прекратилось. Видимо, благодатно сказалось то, что перестал играть ведущую роль в газете В. Рудинский, занимающий положение ведущего хулителя в упомянутом журнале «Голос зарубежья», и который умудряется непонятным образом сочетать свое православие и свой монархизм со служением католичеству и либеральным февральским идеям.

Но цель этой статьи – не обзор эмигрантских газет, и то, что написано выше, должно служить только фоном, на котором я бы хотел рассмотреть характер деятельности еще одной газеты, считающей себя русской (так следует, во всяком случае, из ее названия), а именно издаваемой в Париже «Русской мысли».

Странная эта газета. Читаешь ее, и не понимаешь, какому богу она служит. Остается впечатление чего-то склизкого, неясного, неуловимого. С другими упомянутыми газетами ясно. Даже с «Новым русским словом» ясно: сменился читатель, сменилось и содержание, стало нужным удовлетворить нуворишские вкусы филиала «Одессы-мамы» – нью-йоркского Брайтон-Бича. И русофобия неувидительна: этот читатель, в своем большинстве, не любил Россию ни до, ни после революции, и ненавидит ее и сейчас. Единственное, в чем можно упрекнуть газету – нужно сменить название. Нехорошо получается: ненавидеть Россию и все русское и называться „русским словом“...

С «Русской мыслью» положение сложнее. Газета эта не еврейская – во всяком случае не явно еврейская. Но и не русская, потому что в лучшем случае она равнодушна к судьбам России, к русскому народу, и если что-нибудь и находит хорошее в прошлом России, то это все то наносное извне, чуждое русскому национальному духу, чуждое подлинному православию, чуждое магистральному пути русского народа, создавшего великое государство и блестящую культуру, – все то больное, гнилое, декадентско-сумасшедшее, приведшее к духовному обнищанию России и, в конечном итоге, к власти большевиков. Причем во многих случаях все это подается в интерпретации нерусских „душеведов“, которые в России, в русском народе, в его духовной жизни, в его истории, в его чаяниях на будущее разбираются не более, чем осел в кибернетике. Для некоторых все непохожее на то, что имеется на Западе, в частности во Франции – плохо. Для них чванство – вторая натура. В частности французское чванство, в чем французы перещеголяли даже американ-

цев. У этих хоть ясно, на чем основано их чванство: Америка самая богатая и – вроде что – самая сильная держава мира. А французское чванство ни на чем не основано. Априорное. Не требующее доказательств.

В современной же России газета видит все – кроме самой России и русского народа. Ее внимания, ее сочувствия достойны только евреи, крымские татары, латыши, казахи и все другие, кроме русских. Она видит проблемы всех, кроме проблем русского народа. Она видит опасность, которая грозит латышам, эстонцам, татарам, полякам, афганцам – но не видит опасности, которая грозит России и русскому народу от русофобов всех стран и мастей, не видит, что на Россию готовится новое нашествие – именно на Россию, а не на Советский Союз; на русский народ, а не на советскую власть и коммунистов. Нашествие, цель которого расчленение России, ликвидация России как великого государства – давняя мечта Запада, которому лакейски служит «Русская мысль».

Да и русская ли она вообще? Она не только равнодушна к судьбе России, она сплошь да рядом русофобская. И скрытно, возвеличивая и восхваляя – под видом антикоммунизма – русофобские силы, и открыто, публикуя откровенно русофобские материалы, пример которых будет приведен ниже.

Вообще, мы подошли к примерам. Для того, чтобы нас не обвинили в предвзятости, что мы нарочно сгущаем краски и подбираем статьи из различных номеров газеты, возьмем один номер, самый рядовой, изданный в момент, когда никаких особых событий не произошло: номер от 7 августа 1987 года.

Первая статья – об осуждении виновных в черныбыльской катастрофе. В общем статья довольно нейтральная. Разве что слишком много разговоров о присутствии и отсутствии иностранных корреспондентов, о гласности – и ни слова о несчастье, обрушившемся на русский народ, ни слова сочувствия и милосердия.

Далее – статья об Афганистане, в стандартном для «Русской мысли» стиле: торжествующая сводка о том,

сколько русских людей погибло в Афганистане. Впрочем, если попытаться суммировать все потери советских войск в Афганистане, как их подает «Русская мысль», то от советского оккупационного корпуса там ничего уже не осталось... Но главное – не боль, что русские парни гибнут напрасно за интересы их коммунистических владык, а кровавая радость.

Далее – о „священной войне“, об Иране и побоище в Мекке. Оставим это в стороне, это не наше, не русское.

Статья „А чем Ярузельский хуже Горбачева?“ А какое дело русским, хуже или лучше? Ярузельский – темная лошадка. Будет ли он проводить реформы в Польше или нет, конечно, любопытно, но для русского народа безразлично. Его интересует, будет ли подлинными реформы проводить Горбачев. Ярузельскому же русский народ не верит. И ему, и его противникам из польской „Солидарности“. Слишком там, в Польше, все пахнет ненавистью к России. И непрерывное восхваление „Солидарности“ – дело бесплодное и безнадежное.

Статья „...с человеческим лицом?“, рубрика „Вести с родины“. Чьей родины? Во всей статье ни одного русского имени (не знаю, кто по национальности Олег Алифанов), ни одного слова о православной Церкви, ни одного слова о Бородине, Огурцове, Евдокимове. О Сендерове упомянуто только в связи с татарами. А то все татары, евреи, латыши, лютеране, опять евреи – уже с точки зрения их религиозной жизни. Что, разве только евреи, латыши, татары живут в Советском Союзе? Их горстки, отсилы 4 - 5 миллионов. А где же проблемы 150-миллионного русского народа? Наше сознание, наше внимание, нашу память засоряют мелкими проблемами мелких народов, мелких сект, мелких людей. «Русская мысль» – еженедельная газета. Разве за неделю ничего существенного не произошло в жизни **русского** народа, разве мы должны читать советские газеты, советские журналы, чтобы там находить, рассыпанные среди лживой коммунистической схоластики свидетельства о духовном возрождении русского народа, об обращении его к своим

историческим ценностям, к истокам своего духовного лица? Почему какой-то Подрабинек, еврей, по неясным причинам начавший кипятиться о судьбе крымских татар – а не евреев и не русских, что было бы все же как-то понятно, ибо живет он среди русских – многократно упоминается в газете, а ничего нет о людях, которые заботятся о судьбе русских святых – о чем ежедневно приходят из России сведения?

Еще одна страница занята совершенно никому не нужным материалом, отвлекающим читателей от реальных, животрепещущих проблем. Это письма снятых со своих постов польских лидеров своим наследникам – Гомулки Гереку и Герека – Ярузельскому. Кого они в российском зарубежье, а тем более в России, интересуют? Все знают, что назначение того или иного лица на пост первого секретаря ЦК ПОРП решается в Политбюро ЦК КПСС. Какое значение имеет письмо одной марионетки другой марионетке?

Имеется в газете и литературная страница, и раздел „По страницам журналов“. Есть в них и приемлемые материалы: милые – но не более – и политически бесцветные стихи Вероники Долиной, есть интересные сообщения о том, как отмечено 150-летие со дня гибели Пушкина, о публикации книги Юрия Терпиано „Литературная жизнь русского Парижа за полвека“. Но в том же разделе помещено вызывающее недоумение сообщение о выходе третьего тома „Краткой еврейской энциклопедии“ на русском языке. Какое отношение это имеет к русской культуре? Есть в газете и некоторые материалы, которые приносят хоть малую пользу – о советских психушках (но сколько о них можно говорить), мелкие сообщения о том или ином нарушении права, письмо в редакцию (опять про психушки). Интересно сообщение о пресс-конференции по поводу выхода в свет независимого журнала „Бюллетень христианской общественности“, хотя то, что сообщается об этом бюллетене, вызывает некоторое недоумение, насколько этот бюллетень религиозный, а не политический, и сомнение, не подчиняет ли он в силу

своей политической направленности интересы православия интересам других конфессий. Большой интерес представляет беседа члена редколлегии журнала «Новый мир» А. С. Стреляного с комсомольским активом Московского университета, в которой он резко критикует Горбачева за медлительность в проведении реформ. И, наконец, есть еще одна вещь, заслуживающая самого пристального внимания. Это письмо Зинаиды Григоренко, ответ тем людям, которые хотят получить от нее „метеориалец“, порочащий Солженицына. Не секрет, что против Солженицына готовится новая клеветническая кампания – вспомним обращение Ильи Суслова к Солженицыну, в котором он намеревается обвинить его в новой волне антисемитизма в СССР (возникает тут вопрос – почему не обратиться Илье Суслову к Сахарову, он все же ближе к Горбачеву, чем Солженицын?). Зинаида Григоренко ответила на попытки очернить Солженицына твердо, достойно и правдиво, отмечая какие-либо обвинения против русского писателя.

Но в этом деле есть один характерный факт: письмо, заслуживающее, чтобы его поместили на первой странице газеты, отодвинуто редакцией на задворки, на четырнадцатую, предпоследнюю страницу, расположено среди объявлений о подписке и издании новых книг.

Да, для редакции газеты письмо, защищающее русского писателя, одного из вдохновителей русского национального и религиозного возрождения, менее значимо, чем письмо некоего Подрабиника, сообщающего, что его пытались призвать в армию. Не опубликовать письмо Зинаиды Григоренко не осмелились – наверное, очень хотелось положить его под сукно, да не рискнули, так решили пойти на хитроумную подлость – иначе не скажешь – и поместили его там, где его не каждый заметит. С этой подлости мы и начнем счет прочим грехам газеты.

А грехи эти немалые. То, что половина газеты занята статьями, имеющими мало – или не имеющими вообще – отношения к России, к ее проблемам, то, что в газете все

вопросы, связанные с национально-религиозным возрождением, покрыты занавесом молчания, что даже те немногие положительные материалы, опубликованные в газете, ничего не имеют общего с этими вопросами – это только цветочки. Ягодки же – явно русофобские высказывания, подаваемые большей частью скрытно, замаскированно, хитро. Но есть и такое, от чего русофобией просто разит. Начнем, вероятно, с самого безобидного, с отрывка из романа „Русский вариант“ Ю. Галперина. Автору не по нутру национальная гордость русского человека, который не хочет выезжать за рубеж, – и решил он высмеять эту гордость гнусно и похабно, смешав с пьянкой, блеванием, и, конечно, еврейский автор не мог обойтись без евреев.

Вторая пакость – статья Игоря Шелковского „Дурная бесконечность“. Автор старательно указывает своим просвещенным перстом на тех, кто во время войны – причем во время боя – разрушил церковь Спаса на Нередице. Возможно, даже вероятно, что снаряды, разрушившие церковь, были выпущены Красной Армией. Целью была не сама церковь, а наблюдательный немецкий пункт на колокольне. Ко всему этому автор приплетает какого-то мифического председателя колхоза, который во время войны в этих местах командовал батареей. Этот председатель, якобы, сказал, что если бы знал, что так много труда будут вкладывать в восстановление церквей, то „разнес бы их всех к чертовой матери“. Одним словом, эти плохие несознательные русские рьяно уничтожают свои исторические святыни. Но в данном случае и автор, и газета оплошали – перед статьей эпиграф, слова Рериха: „Запишите имена разрушителей“. Как-то и автор, и газета упустили, что объединение „Память“, требующее, чтобы назвали имена разрушителей, и называющее их, прослыло за это антисемитским.

Рецензия на № 51 журнала «Континент», опубликованная в газете, выдержана в мажорных тонах. „За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха? За то, что хвалит он кукушку“. Что представляет собой сейчас – да и всегда – журнал «Континент», насколько он русский (в рецензии

сказано: „ведущий... журнал русского зарубежья“) мы все знаем. Интерес представляет то, что нашел наиболее интересным в журнале „русскомыслительный“ рецензент. Это слова Феликса Канделя из его „притчи“, точнее русофобского пасквиля „Слеза в дыму“, что древнерусские земли стали „украиной мира, очумелой от собственной истории, покинутой богами и законами“. Вот так – чем может быть в понимании Феликса Канделя Россия, как не очумелой и покинутой богами и законами – в древности и поныне. В понимании Канделя, а заодно и «Русской мысли», и рецензента – небезизвестной Майи Муравник.

Майя Муравник, конечно, величина. Хоть и не на тему, но все же надо послушать, что она написала про бредовый набор слов, „стихи“ Иосифа Бродского.

Сперва – сами стихи.

„Видимый мир заселен большинством живых
Улицы освещены ярким, но посторонним
светом. И по ночам астроном
скрупулезно подсчитывает количество чаевых“.

Так вот какое словоблудие написала Майя Муравник на это словоблудие: „Поэт бесплотных контрастов и вывернутых наизнанку метафор, он стал *обэриутом* вселенной и певцом истории человека с ее уже истлевшим началом и весьма ощутимым концом. Поэт парадоксов и несусветиц, он наполняет стихи гармонией *баховской пассакалии* и точной геометрией андерсоновских ледяных зеркал“.

Ай да Маечка! Во дает! Во загнула! Вот это метафоры! Вот это русский язык! Где уж самому великому Иосифу Бродскому до нее. И где уж нам, простым русским лапотникам, чушью и падалью не питающимся и глазки наивно не закатывающим, как сказал Астафьев. Мы, простаки, любим „очумелую Украину мира“ и ее Пушкина, который и не обэриут, и не заполнял стихи свои гармонией баховских пассакалий и т. д., и т. п., а писал великолепные стихи великолепным русским языком.

А Майе Муравник следовало бы знать, что нехорошо

шеголять псевдо-интеллигентностью и псевдонаучностью. „Скромность – лучшее украшение молодых девиц“. И не молодых. И не девиц. И баб, и мужиков. Особенно стихоплетов и критиков.

Но все же все это к делу. Вот какой чушью-падалью кормят русский народ петухи – Бродский и Максимов, и кукушки – Иловайская с Майей Муравник!

Пока все это русофобия исподтишка. Далее же, разнахальничаясь, «Русская мысль» переходит на откровенную русофобию – правда, прикрывшись именем автора – француза Оливье Ролена. В путевых очерках „В России“ этот чванливый французик поставил себе целью увидеть все плохое – мнимо плохое и действительно плохое – и не увидеть ничего хорошего в России и в русском народе. Но главной его целью было найти аналоги тому, что описывал в свое время маркиз де Кюстин. Вот и пестрят его очерки такими глубокомысленными наблюдениями, что планы городов издательства „Прогресс“ не точные и на них показаны только крупные улицы, а это же и было при посещении России Кюстином. Или что в путеводителе советского издания некоторые правила движения изложены очень подробно – и снова Кюстин: „Скука, на которую нас обрекает русская кропотливость...“

Казалось бы, мелочи, зачем на них обращать внимание? Но цель этой возни с мелочами совсем не мелочь: доказывая, что Кюстин был прав в мелочах, автор хочет доказать, что тот был прав и в крупном, в пакостной оценке России и русских. Конечно, не мог французик обойтись и без пустозвонной, самовлюбленной иронии: не нравится ему морской вокзал в Сочи... Может быть, что он несуразен, и архитектура его эклектична – но разве француз имеет право говорить об архитектуре после того, как в Париже соорудили центр имени Помпиду, место которому не в городе, а на химическом заводе. Или иронизирует он насчет старушек в церкви, и остальных посетителей. Интересно, когда он во Франции последний раз был в церкви, и почему он забыл, что в свободной Франции в церкви уже десятилетиями ходят только туристы.

Так зачем же нужно было «Русской мысли» переводить и печатать этот антирусский опус? Понятно, когда некий Хургин с интеллигентностью биндюжника с одесского Привоза пишет в «Новом русском слове» о русском медведе и о маркизе де Кюстине – но зачем «Русской мысли» снова вытаскивать на свет книгу, явно лживую и противоречащую путевым заметкам других – французских же – писателей, побывавших в России? Так «Русская мысль» может дойти и до того, что в своем стремлении очернить Россию начнет нас потчивать и другими шедеврами французской кухни – рассказами о свирепых казаках, поедающих младенцев живьем, картинками из русского быта с помещиками, распивающими чай под развесистой клюквой, и кинокартинами с запорожцами, лихо расппевающими: „По улицам ходила большая крокодила“ (был такой фильм в предвоенное время).

Всем тем, что мы находим гнусного, антирусского в псевдорусской «Русской мысли», можно было бы пренебречь, если бы не одно обстоятельство: помимо „большой“ «Русской мысли» есть и „малая“, напечатанная мелким шрифтом на тонкой бумаге, предназначенная для переправки в Советский Союз. Можно без труда представить себе, какое отвратительное впечатление создается об эмиграции у читателей „там“.

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай неторопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую – удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный, помилуй нас! (три раза)

И. Ланской
Джорданвиль, С Ш А

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

ОТ РЕДАКЦИИ. Издательством Multilingual Typesetting издана первая часть фундаментального труда Протоиерея Владимира Русака (Степанова) „Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе“. Осужденный в 1986 г. на 7 лет заключения за смелые выступления в защиту Православной Церкви и находящийся по сей день в лагере строгого режима отец Владимир снабдил свою книгу эпиграфом: „Святому равноапостольному великому князю Владимиру, крестителю Руси, своему Небесному Покровителю – скромный дар правды в преддверии 1000-летия Русского Православия“.

В своем труде отец Владимир рассказывает о неслыханных гонениях на Церковь в СССР. Им создан потрясающий документ о мученичестве за веру, о разрушении храмов, уничтожении десятков тысяч священнослужителей, надругательстве над святынями.

Вместо рецензии мы публикуем с незначительными сокращениями авторское предисловие к книге „Свидетельство обвинения“

*

Каждый человек уверен, что ему есть что сказать другим людям, сказать свое слово. Свое – не в смысле особой новизны, а в смысле „непосредственности обна-

ружения жизни“, как сказал Н. Бердяев.

Автор этой работы считает, что и ему есть что сказать. Это тоже не будут какие-то свои слова, новые идеи, но он надеется, что в какой-то мере для читателя будет новой информация, приводимая здесь. Новой потому, что многое из истории нашей страны в наше время пытаются забыть, иногда даже стереть следы того, что было. Новой потому, что многие отдельные факты, не имеющие почти никакого самостоятельного значения и могущие „говорить“ громким живым языком только на фоне других, здесь будут впервые собраны вместе и приведены в более или менее стройную систему. И, наконец, новой потому, что некоторые стороны современной жизни в области церковно-государственных отношений совершенно скрыты для большинства людей.

Итак, речь пойдет о жизни Русской Православной Церкви в условиях советского строя... Это не будет история в том глубинном философском смысле, выявляющая и прослеживающая неисповедимые пути Провидения, осуществление в жизни провиденциальных целей, связь различных аспектов жизни общества в ретроспективном осмыслении и т. п. Это дело будущего и людей, призванных к такому осмыслению истории, – философских (и богословских) историков. Философия истории не рождается на свежей исторической почве. Нужно время.

Данная работа – значительно прозаичней, и в значительной мере представляет собой антологию фактов, мозаику исторических фактов новейшего периода истории нашей Церкви.

История Русской Церкви – тема не новая. Написана масса трудов, начиная от мелких частных заметок и статей в худосочных журналах и кончая монументальными, многотомными исследованиями общего характера и по отдельным вопросам (и у нас, и, особенно, на Западе).

Но весь секрет настоящего исторического момента заключается в том, что истинное положение Церкви в

Советском Союзе в значительной мере скрыто не только от стороннего наблюдателя, но даже от рядового верующего.

О нем можно догадываться, в нем можно быть уверенным, но его трудно убедительно показать.

Церковь и государство. Самое знаменательное явление нашего времени – борьба государственных начал с церковными. Борьба жестокая и открытая до бескрайности (как в Албании или Китае, например), или жестокая и змееподобно хитрая как у нас, в Советском Союзе).

Церковь и государство. Одна из самых опасных для исследования тем в настоящее время. Интерес к „новой“ истории Церкви сразу ассоциируется с обвинением в антисоветской деятельности. Автор этой работы вспоминает разговор с одним архиереем Русской Церкви:

– Да, Владыка, у меня есть свои планы, личные интересы. Люблю историю, Новую.

– Смотри, будь осторожен. Вот, Дудко отец Дмитрий...

– Простите, Владыка, но... Меня привлекает история...

– Видишь ли, лукавый хитер. Он и благие дела может повернуть в неожиданную сторону...

Церковь и государство. Самая непопулярная и самая ответственная в церковной печати тема. На одном из заседаний спецредколлегии в редакции «Журнала Московской Патриархии», в связи с подготовкой книги „Русская Православная Церковь“ для издания на Западе в серии „Церкви современного мира“, при обсуждении содержания книги один из сотрудников высказал такое замечание:

– Поскольку эта книга предназначена для западного читателя, то, естественно, нам надо учесть его интересы и запросы. А он от нас более всего ждет обстоятельного ответа на один – единственный вопрос – об отношении Церкви и государства (в проекте содержания книги этот пункт был вообще опущен).

Председатель редколлегии принял замечание и отвел этой теме 4 (!) машинописных страницы. Это в книге объемом более 600 страниц! На этой площади только и

можно, что перепечатать декрет об отделении Церкви от государства. Смешно? - Нет, трагично./.../

Пора сказать правду о себе. Русская Церковь о б я з а н а ее сказать. Эту правду о Церкви надо было говорить с самого начала. „Пора“ было сказано великим духовным человеком уже в 1917 году. Но Церковь молчит. Молчит Церковная власть. Упорно молчит или говорит не то, что думает, а то, что заставляют говорить. Поэтому говорят отдельные энтузиасты, уполномоченные на это совестью своей - здоровой совестью.

Можем ли мы говорить и писать об этой правде, мы, рядовые верующие и рядовые служители? Вопрос не риторический. В советской печати нередко можно встретить упрек, что авторами специальных религиозно-церковных исторических работ все чаще выступают люди „далекие от религиозной жизни“. То, что историей Церкви занимаются люди нецерковные, упрек в какой-то мере справедливый.

А вот как быть рядовому в е р у ю щ е м у или рядовому с л у ж и т е л ю, который все-таки не спиной стоит к Церкви? Право моральное, он, бесспорно, имеет. Но здесь уже жди упрека не со стороны светской, а от церковноначалия. Да почти всегда так и бывает, потому что, вступая на путь правды, страшной для советской власти, непременно заслужишь осуждение церковной власти, которая находится со светской „не только в нормальных, но даже в сердечных отношениях“, как отметил митрополит Крутицкий Ювеналий на погребении митрополита Никодима (Ротова).

И тем не менее, правда должна найти выход. Она не терпит насилия над собой. А поскольку не пишут о ней те, кто обязан это делать по их положению и сану, ответственные за судьбу Церкви, то приходится писать рядовым церковным людям.

Автор этой работы рядовой служитель Церкви. Неприлично относиться смиренно к тому, что дает Церковь, как сказал Хомяков. Церковь делает человека обладателем Духа. И ложное самоограничение есть лишь слабость

церковного самосознания и самочувствия. Святой Иоанн Златоуст призывает даже рядовых верующих не все возлагать на одних священнослужителей, но и самим заботиться о Церкви, как о теле, всем нам общем. Глубоко надеемся, что Дух Святой не оставит нас своей благодатью и не позволит сойти с пути, который с самого начала избран в этой работе: „Правда, только правда, ничего, кроме правды“.

Речь пойдет о духовной стороне нашего общества, в значительной мере определяющей религиозную жизнь. Речь пойдет о глобального масштаба мерзостях – следствии социалистической идеологической надстройки. Речь пойдет о невыразимых муках служителей Церкви, которые им пришлось перенести от „родной“ советской власти.

Налицо масса фактов, одно знакомство с которыми причиняет душевную муку, вызываемую сердечным состраданием к тысячам мучеников, церковный подвиг которых кощунственно забыт или подменен ложью и клеветой. Эти жуткие факты должны были бы испепелить нашу совесть, если бы их все собрать вместе и обнародовать.

Особенно варварскими, бесчеловечными были методы церковной политики государства в довоенные годы. После войны приемы отшлифовались, приобрели внешний лоск, за которым не каждый может увидеть печальную действительность. А лицевою, парадную (шоколадную, как говорят в Германии) сторону государственно-церковных отношений у нас показать умеют.

Собственно, трагедия не в том, что Церковь находится в бедственном положении: гонимое положение ее – нормально с позиции истинного смысла и значения Церкви в мире, т. е. со стороны того, что Церковь не от мира (сего) и никогда принята миром быть не может (это может произойти только в том случае, когда она потеряет свою соленость, именно то, что отличает ее от мира), а в том, что социалистическая действительность породила великую историческую неправду (ложь). Это бедственное положение нашей Церкви напрочь отрицается не только

нашим государством, но и церковным начальством.

В последнее время апологеты положения Церкви в Советском Союзе нашли еще один, косвенный аргумент в защиту утверждения о чуть ли не райском (по сравнению с западными странами, разумеется) положении Церкви в советской стране. Мол, многочисленные западные гости, делегации, туристы, сами видят открытые двери наших храмов, заполненных верующими, могут видеть богослужения, свободно совершаемые в них, монастыри, живущие нормальной жизнью.

Наивные и оригинальные люди действительно удовлетворяются тем, что видели и, убажваемые роскошными обедами и приятными подарками, на которые Церковь не скупится, кричат: „Действительно, мы своими глазами видели (?) свободу (?) вероисповеданий...“

„Нас, как делегацию Сербской Православной Церкви, особенно интересовала религиозная жизнь, – пишет один такой гость, представитель Сербской Церкви на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1945 года, – и мы каждый день посещали московские храмы. Все виденное нами разоблачает вражескую пропаганду. Дивные и величественные храмы, богато убранные, полны света, отличные хоры в каждой церкви – свидетельство полной свободы, в условиях которой живет Русская Церковь“.

„Мы убедились, что эти слухи (об ущемлении прав верующих в нашей стране – В. С.) не соответствуют действительности“ (делегат индийского парламента Мухаммед Юнус Салим).

„Западная, в том числе и религиозная информация, лживо изображает свободу в СССР, печатаются фотографии закрытых церковей (!), говорится, что верующие люди преследуются. Все это – ложь! Я впервые в Советском Союзе, один ходил по прекрасной Москве, посещал церкви, они открыты и нет даже намека на преследование“ (епископ Фраменто, Филиппины).

„Мы убедились, что у вас существует свобода вероисповедания“ (генеральный секретарь Народного Совета по делам ислама Малайзии Дато Хаджи Бин Панджаг

Ариса).

Здесь сознательно приведены высказывания и имена их авторов: недоброжелателей надо знать в лицо. Эти люди - враги верующих людей Советского Союза. Сознательно или подсознательно - вопрос другой. Это благодаря им и им подобным Советы могут безнаказанно упрекать авторов, справедливо пишущих, что „свободы совести, как ее понимает весь культурный мир и рядовой советский человек, в СССР нет“. Это благодаря им советские идеологи без устали камуфлируют отсутствие свободы совести в нашей стране перед зарубежными гостями, а то переходят в контратаку.

Просоветские заявления зарубежных гостей позволяют Советам парировать обвинения, исходящие от западных независимых авторов, об отсутствии свободы совести в СССР, школярским контрвопросом: „А бывал ли автор в нашей стране, видел ли он, как у нас ущемляются права верующих? И как он может объяснить, что те представители зарубежных Церквей и туристы, которые были в СССР и посещали богослужения, придерживаются иной точки зрения?“ Ах, как много вредят нам эти туристы и гости, либо бесконечно наивные, либо порочно-лукавые, судя по их заявлениям.

Что может увидеть из церковной действительности зарубежный гость, который не удовлетворяется тем, что ему показывают из окошка, а выходит на искусно сделанный уголок советской действительности? - Ровным счетом ничего.

Ему не дают возможности даже заговорить с простым верующим. Надо было видеть, какими уничтожающими взглядами смотрели „мальчики“ из КГБ на старушку, с которой попытался заговорить живо интересовавшийся русской церковной жизнью король бельгийцев Бодуэн во время пребывания в Троице-Сергиевой Лавре в Загорске. Но королю ведь не откажешь в его желании.

А если кому-то из гостей и удастся поговорить с рядовым верующим, то что он может узнать у него? - Опять же ничего: для просто верующего человека вся

демократия, религиозная свобода заключается не более, как в возможности беспрепятственно входить в храм. Это ему разрешается. И то – не всегда. Бывают не единичные случаи, когда школьников, молодежь, физически не пускают в храм отряды милиционеров и дружинников.

Кроме того, знает ли простой верующий, какой ценой достигается функционирование храмов? Нет, да это его и не интересует. А из тех, кто знает, далеко не каждый осмеливается обнародовать свое знание, даже если у него есть такая возможность. У большинства же тех, кто решается на это, нет и ее.

А посмотрели бы уважаемые иностранные гости положение дел, скажем, в обычном приходском храме, на селе, посмотрели бы, с каким произволом гражданских властей сталкиваются настоятели на периферии, посмотрели бы, в какой зависимости они находятся, посмотрели бы, с какими трудностями приходится встречаться самим верующим, как иногда за десятки километров, изнемогая от непосильного путешествия, в прескверную погоду, мороз и слякоть, идут они в ближайший единственный на весь район храм на службу.

...Церкви плохо. Церковь унижаема, заушаема, презираема, гонима. Мы не за то, чтобы ее поставили в условия роскоши. По словам блаженного Иеронима, Церковь росла от преследований; когда же перешла во власть христианских государей, то возвеличилась могуществом и богатством, но ослабела в добродетелях.

Мы против наглой и явной лжи, когда положение Церкви преподносится всему миру в ничего общего не имеющем с действительностью виде.

Архиепископ Волоколамский Питирим, как-то, по поводу всех работ, в какой-то мере разоблачавших ложь советской информации о положении Церкви в Советском Союзе, сказал: „Не люблю я эту критику. Критика имеет ценность тогда, когда несет в себе что-то конструктивное, положительное“.

Было бы очень обидно, если бы в этой работе увидели только критику. Ее цель – свидетельство. Свидетельство

обвинения властей, которым по иронии судьбы автору часто приходится возглашать в храме „многая лета“.

Москва, 1980 г.

Владимир Степанов.

Книгу „Свидетельство обвинения“ часть I-я можно выписать со склада Свято-Троицкого монастыря - Holy Trinity Monastery, Bookstore, P. O. Box 36, Jordanville, N. Y. 13361 USA. В книге 350 стр., она включает также алфавитный указатель и 208 фотографий епископов Русской Православной Церкви, погибших от советской власти. Цена книги 20,00 американских долларов, пересылка - 1,50 ам. долларов.

Вл. Симанский

ПРАВДА О МАСОНАХ

Нью-Йоркское издательство „Руссика“ опубликовало книгу Н. Берберовой - „Люди и ложи. Русские масоны XX столетия“ (Russica Publishers, Inc. N-Y 1986). Сам факт появления книги с таким интригующим подзаголовком, - да еще в издательстве вполне „благопристойном“, никак не „реакционном“ и не „правом“ - безусловно составляет

событие, и не только в мире литературном. Ведь еще совсем недавно подобные „благопристойные“ издательства и издания или вовсе молчали на эту тему, или выражали шумное негодование, когда о сем предмете осмеливались высказываться „посторонние“ – их немедленно объявляли профанами, невеждами или прямыми злоумышленниками.

Следы этого благородного негодования чувствуются и у Н. Берберовой, – когда она в Предисловии раскрывает „дополнительную причину написания и издания этой книги“: „она (причина – или книга?) касается зловещих и, по существу, лживых данных о масонстве, которые до сих пор распространяются об этом тайном обществе, и измышлений, которые могли возникнуть только в мозгу слабоумного кретина“.

Читателя, незнакомого с этим предметом, такое воинственное Предисловие может даже напугать. Но – и утешить: повидимому, автор представит нам самую объективную информацию об этом тайном обществе, вокруг которого нагромоздились целые этажи лжи. Действительно, в последнее время даже в СССР начали много писать о масонстве, но все больше в плане „разоблачительном“ – а это, как давно известно, лишает кредита доверия любого автора в глазах советских читателей. Итак, есть надежда, что в этом труде под твердой обложкой можно найти достоверные данные о явлении, интерес к которому в нашу эпоху вполне оправдан: Запад о „своих“ масонах, как кажется, пишет вполне откровенно. Пора и нам знать **своих** героев тайного фронта.

Н. Берберова дает, фактически, первый – более или менее полный – свод данных о русских масонах XX века: составленный ею список включает 660 имен. О некоторых лицах из этого списка сообщаются интересные данные (отчасти результат архивных разысканий, отчасти – личных встреч и разговоров, чаще всего – „выжимки“ из уже опубликованного, но оставшегося недоступным широкой публике). И это – несомненная заслуга автора, плод работы кропотливой и многолетней. Работы подчас неблагодарной, так как предмет исследования весьма своео-

бразен. „Измышления“ относительно масонов чаще всего объясняются недоступностью первоисточников, отсутствием документов, тем покровом таинственности, который... впрочем, вполне естественен для тайного общества.

Сама же Н. Берберова предупреждает читателя на первых же страницах своей книги: „Необходимо помнить, что сами масоны... слишком часто пользуются своим тайным правом (!) в исключительных случаях (!!)) прибегать ко 'лжи во спасение' (!?!), к тому 'освобождению от обетов', которое дается каждому масону, начиная с 3-го градуса (как известно, число „градусов“ /„степеней“/ в ложах поднимается до 33-х, а то и до 99-ти! – Вл. С.), как особая привилегия: его священное право отрицания реального факта“ (стр. 12).

Читатель, – если он не окончательно „слабоумный кре-тин“ – будет весьма озадачен наличием такого „священного (оно же – **тайное!**) права“, каким могут пользоваться члены этого тайного общества уже на самых низших ступенях посвящения. И они пользуются этим правом, часто и охотно: ведь „исключительным случаем“ может оказаться любая невыгодная (для организации или данного ее члена) ситуация! При дальнейшем изложении Н. Берберова поясняет: „Братьям давалось право клясться именем Великого Геометра (!), что такой-то не состоит и **никогда не состоял (!)** в членах тайного общества“ (стр. 39).

Рассказывая о „страстном масоне“ – кн. В. Л. Вяземском (33-я степень), она сообщает: „Будучи исключительно предан тайному обществу, он кое-что важное искажает, и даже иногда утаивает“ (стр. 172).

Приводится письмо к Керенскому одного из „братьев“ с таким утверждением: „Конечно, кн. Львов не принадлежал к франк-масонству, и вообще все это было ему абсолютно чуждо“ (стр. 226). В своих комментариях, однако, Н. Берберова поясняет: „Кн. Г. Е. Львов, как теперь известно, был не только связан с ранними масонскими ложами в России, но и с заговорами 1915-1916 гг. Здесь

мы имеем пример масонского камуфляжа“ (стр. 233). „Камуфляж, столь привычный в переписке масонов“ – еще одно свидетельство автора книги (стр. 252).

Критикуя работы советского академика Минца – который настаивал, будто масонство в России вообще было явлением незначительным – Н. Берберова порицает его за то, что академик „всерьез принимает“ утверждение Кусковой: „русское масонство с заграничным ничего общего не имело“; для нее это – „типично масонский камуфляж и ложь во спасение“ (стр. 267). Сама она ссылается на источник более солидный – протоколы масонских лож: в них все выглядит иначе, нежели в их (позднейшей) переписке.

(В этом последнем случае читатель остается в недоумении: смеяться ли ему над „наивностью“ советского академика Минца, или же верить наивности Н. Берберовой...).

Учитывая наличие этого „священного права“ отрицать принадлежность к масонству свою собственную и других „братьев“, можно допустить, что помимо выявленных автором членов масонских лож „за скобкой“ осталось великое множество неназванных лиц. В том числе таких, относительно которых существуют „измышления“.

Так, например, **Григорий Бостунич** в своем антисемитском и анти-масонском труде „**Масонство в своей сущности и проявлениях**“ (Белград, кн-во „Святослав“, 1928) без каких-либо доказательств пишет о „масоне французско-швейцарского посвящения“... Ленине (Ульянове), называет „матерыми масонами“ Радека, Зиновьева, Троцкого, Раковского, Каменева – опять же, предлагая верить ему на слово. Но тот же Г. Бостунич воспроизводит в своей книге малоизвестный портрет Максима Горького работы Б. Григорьева (?), на котором основатель „соц-реализма“... делает масонский знак.

Н. Берберова, которая лично хорошо знала М. Горького и членов его семьи (см. ее мемуары „Курсив мой...“), отрицает принадлежность к ложам „буревестника революции“. Но не очень настойчиво, сообщая в то же время, что у „пролетарского писателя“ было много друзей масо-

нов, и первая его жена была членом женской ложи. Перед революцией заговорщики собирались у него на квартире; „на одном из собраний было решено вынудить у царя отречение от престола и убить его“ (стр. 38).

В предыдущей своей книге, вышедшей в том же издательстве „Руссика“ – „Железная женщина“ (1981), посвященной загадочной баронессе Будберг, интимной приятельнице М. Горького, Г. Уэллса и других видных деятелей, Н. Берберова совершенно не затрагивает тему масонства – хотя эта тема выплывает между строк ее повествования.

*

Поглощенная выяснением „персоналий“, уточнением своего списка, массой мелких и второстепенных деталей, Н. Берберова ничего не говорит о **сущности** масонства. Но за четыре года до появления ее книги, в Париже были опубликованы „**Воспоминания**“ **А. В. Давыдова** – согласно списку Берберовой, „члена Масонского Верховного Совета, 33-й степени“ (о чем **н**е сообщает, опубликовавшая текст мемуаров, дочь автора). В книге А. В. Давыдова помещена его небольшая, но показательная работа – „Мировой кризис и Вольные Каменщики“ (без указания года); помимо этого, встречаются любопытные замечания о масонах и в других главах. К показаниям столь высоко стоявшего „брата“ полезно прислушаться.

По объяснению А. Давыдова (потомка декабриста-масона), масонство преследует „далекую цель построения идеального человеческого общества“, но и обязано помогать „разрешению противоречий“, „нарождающихся“ в обществе на „нынешней ступени его развития“ (стр. 245). „В противовес тоталитарно-коммунистической идее о введении на земле социального равенства путем насилия и объединения человечества в рабстве“, – поясняют нам, – масонство „стремится объединить его в братстве, то есть в любви (стр. 248). Оказывается, – „церкви и организации, преследующие одинаковые с ними цели“ (!) „не имеют

успеха в своих проповедях“ потому, что „цель их состоит только (!) в спасении человеческой души, а не в построении идеального человеческого общества“ (стр. 249).

Итак, цель масонства – „прямая борьба за братство“, всецелое осуществление которого, повидимому, и будет чаемым „идеальным человеческим обществом“. Мешает этому, в частности, „расовая и религиозная дискриминация“ – прежде всего „антисемитизм, который существует во всем мире, даже в наиболее культурных народах“ (стр. 250). Эти свои рассуждения масон 33-й степени завершает тем, что ему „невольно вспоминается“ возглас греческой православной литургии: „Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы!“

В другом месте своей книги А. Давыдов утверждает: „Масонское понятие о свободе значительно шире политического: подразумевая, конечно, в первую очередь независимость от воли другого человека (!), масонская свобода есть, в то же время, свобода от всяких догматов, религиозных, политических и др.“ (стр. 196).

Замечание о „независимости от воли другого человека“ представляется особенно любопытным – учитывая традиционное безволие, слабохарактерность, свойственные российской интеллигенции изначально, отчего она и попадала всякий раз в очередную зависимость от кого-то. Сам автор Воспоминаний подчеркивает, в частности, „страстную натуру“ и „слабую волю“ своего отца (стр. 53). Это типичное интеллигентское слабоволие (достаточно вспомнить тургеневских персонажей) не могло не сыграть роковой роли в распространении масонских братств в России. Если учесть постоянное отталкивание интеллигенции от Церкви (или – **оттягивание** ее, послушной „свободе от всяких догматов“) – „букет“ получается достаточно густой.

В. В. Шульгин, масоном не бывший (опять же – по свидетельству Н. Берберовой), рассуждает о масонстве „извне“, говорит вещи простые, всем понятные (и достаточно безопасные). Он посвятил масонству всего две странички, но чрезвычайно насыщенные, в своей книге 1930

года об антисемитизме в России – „Что нам в них не нравится...“. Шульгин чрезвычайно резко говорит о евреях, но – что касается „братьев“ – он более чем осторожен, и сам же поясняет причину этой сдержанности: „Об истинных целях масонства до поры, до времени не стоит говорить: масоны задают одинокие лучи, даже если они несут чистую истину“.

Что же касается вещей экзотерических, Шульгин пишет: „Масонство есть внушительная организация, к коей считают за честь принадлежать многие сильные мира сего; и более того – в масонство стремятся попасть именно те, кто жаждет поближе стать к власти имущим... Масонство есть прежде всего грандиозный союз взаимопомощи и протекции. Во-вторых, масонство – солидная школа 'уметь держать язык за зубами'. **Все масоны, даже самые легкомысленные, на голову выше (на предмет владения собой и конспирации) остальных людей, этой школы не проходивших...**“

Обратимся к западным источникам. „Британская Энциклопедия“ (том 9-й, изд. 1957 г.) подчеркивает, что „в коммунистических странах франк-масонство запрещено, как это было в тоталитарных Германии и Италии, и Римско-Католическая Церковь запрещает своим членам быть франк-масонами. Но в Великобритании..., США и других странах с подобными институтами далеки от того, чтобы рассматривать тайны франк-масонства как подрывные в отношении установленного политического и общественного порядка, так что многие высшие чиновники и выдающиеся граждане являются франк-масонами.“

Так оно и есть. По сообщениям западной прессы, 15 мая этого года президент Французской Республики г-н Ф. Миттеран принял в Елисейском дворце представителей 235-ти масонских „послушаний“ из всех стран Западной Европы. Эта беспрецедентная встреча объяснялась тем, что Великий Магистр Великого Востока Франции Роже Лерэ (известный социалист!) созвал международную конференцию масонов, а глава Государства согласился, чтобы она проходила под его высоким патронатом.

Газеты в связи с этим сообщали, что Великий Восток Франции объединяет ныне 620 лож и более 30.000 братьев – при том, что вообще во Франции сейчас более 60.000 масонов. Только среди социалистов их насчитывается около 10.000. В предыдущих социалистических правительствах Франции было тринадцать министров-масонов; в нынешнем право-центристском правительстве Ширака – шесть министров-масонов.

Новейшая „Энциклопедия Религии“ под редакцией покойного Мирчи Элиаде (том. 5, 1987) утверждает, что „франк-масонство“ – „система моральных учений и сеть братских организаций, которые практикуют эти учения“ – „не может называться в точном смысле ’тайным обществом’, хотя секретность рекомендуется в инструкциях для посвящений, в их обрядах, и используется как символ“. В статье утверждается также, будто в масонстве отсутствует руководящий центр, что в мире насчитывается сейчас приблизительно шесть миллионов масонов, которые управляются независимыми национальными Великими ложами, за исключением США, Канады и Австралии, где Великие ложи организуются штатами или провинциями.

„Энциклопедия Американа“ (том 18, 1979) также настаивает на том, что „масонское братство“ (таково название статьи) „не имеет центральной власти, будучи подразделенным более чем на 100 больших юрисдикций, каждая из которых самостоятельна (автономна), – в дополнение к коим имеется определенное число значительных и широко распространенных организаций или так называемых высших степеней“. Подчеркивается „космополитический“ дух „братства“, которое принимает в свои ряды „людей любой национальности, религии, верований и политических убеждений“.

В последнее время в правых кругах русской эмиграции, а также – по некоторым сведениям – и внутри Советского Союза, получила широкое распространение старая книга, изданная еще до революции: **Александр Селянинов – „Тайная сила масонства“** (Спб., 1911). Неизвестный нам автор (псевдоним?) стоит на точке зрения „иудео-масонс-

кого заговора“, то есть исходит из теснейшей связи между масонством и еврейством. В обширной книге – около трехсот страниц – приводится большое количество разнообразного материала, чаще всего по западным источникам, но и с некоторыми упоминаниями российских реалий.

А. Селянинов пишет: „Масонство есть не что иное, как тайное общество, имеющее целью постепенную и последовательную переработку общественного мнения в определенном направлении; а делается это посредством комбинированных специально для этой цели внушений и отбора. Эти внушения исходят от первоисточника в высшее масонство, оттуда в низшие степени, а от них, наконец, проникают в непосвященный мир. Этими внушениями незаметно и медленно разрушаются идеи, препятствующие осуществлению тайной цели руководящей силы. Эта подготовительная работа разворачивается на долгие годы. На подготовку Французской революции 1793 года было затрачено более пятидесяти лет“ (стр. 32).

Он же утверждает, что „истинная роль масонства заключается только в одной подготовке периодов действительных выступлений, при самих же этих выступлениях масонство как бы стусевывается“ (стр. 30).

Книга А. Селянинова была опубликована в 1911 году, когда еще остро помнились события „первой русской революции“ 1905-го года (и когда совсем немного оставалось до Февраля 1917-го!) – и поэтому особенно интересно проследить насколько в ней отразилась масонская тема в трактовке **подготовительного** периода революции. Как бы тенденциозен ни был автор, его утверждения и приводимые им факты поддаются проверке – в частности, в свете данных, представляемых книгой Н. Берберовой.

„Хотя масонство официально не существовало в России, все-таки в дореволюционный период (то есть – до **1905 года!** – Вл. С.) ощущаются попытки его проявления“ – пишет автор книги „Тайная сила масонства“ (стр. 259). Прямолинейно следуя своей центральной идее-убежде-

нию, А. Селянинов утверждает: „Революция в России не удалась, и в этом конечно сыграло свою роль то обстоятельство, что у нас не было явных масонских лож, за которыми могли скрываться евреи, и народ сразу увидел, с кем имеет дело. Наученные горьким опытом, евреи решили во что бы то ни стало ввести масонство в России“ (стр. 263).

„Масонско-еврейской организацией“ именуется он Конституционно-демократическую партию (кадетов), ссылаясь, в частности, на то, что „секретарь анти-масонской лиги во Франции Ж. Турмантен разоблачил участие Милюкова, Маклакова, Кедрина и многих других 'кадетов' в международном масонстве“ (стр. 260).

Н. Берберова категорически отрицает масонство П. Н. Милюкова, хотя его безоговорочно включил в список масонов составитель первого такого списка – Н. А. Свитков („Масонство и русская эмиграция“, Париж, 1932 г.). Все правые деятели российской эмиграции были убеждены в том, что Милюков – масон: достаточно пролистать комплекты журнала «Двуглавый Орел». О В. А. Маклакове Берберова пишет особенно много – вплоть до того, что он просил ее положить ему в гроб масонскую перчатку (особенность ритуала погребения масонов). О М. А. Кедрине – замечает коротко: „Один из основателей русского масонства“ (стр. 130).

„Масонским органом“ называет А. Селянинов так называемую „Русскую группу Межпарламентского Союза“, и (со ссылкой на газету «Новое Время») перечисляет состав ее руководства на 1911 год (см. стр. 165). Из приводимых 14 фамилий половина находит подтверждение в списке Н. Берберовой: Председатель – И. Н. Ефремов (33 степень) – „принадлежал к масонству с 1912 года“, масонами были Н. Н. Львов, М. А. Стахович, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев, М. Ковалевский...

В обширной Библиографии, составленной Н. Берберовой, разумеется, отсутствуют откровенно анти-масонские памфлеты и исследования; между тем, данные, приводимые авторами этого направления, нуждаются, по

крайней мере в опровержении. В противном случае всегда остается почва для „измышлений“.

Итак, существование масонства в предреволюционной России не составляло и тогда большой тайны. Вполне серьезный богослов, проф. А. А. Бронзов писал в «Церковном Вестнике» в 1912 году (статья „Современное масонство“): „Немало известных лиц – масонов и в России, до значительного процента 'кадетов' и 'октябристов' включительно“. Н. Берберова, в результате своих изысканий, приходит к выводу: „В это время – от начала Первой (мировой) войны и вплоть до Февраля 1917 года – в России не было профессии, учреждения, казенного или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов“ (стр. 20).

„Масонство давно уже стучится в дверь России“ – воскликнула на публичной лекции в Тенишевском зале („Общество народных университетов“) одна докладчица в декабре 1910 года – некая г-жа В. В. Авчинникова-Архангельская, „Генеральный секретарь Международного Комитета защиты прав человека“ в Париже (в книге А. Селянинова – со ссылкой на ежедневную прессу – стр. 274).

Н. Берберова, сознательно ограничившая рамки своего исследования XX веком – как **современница** русского масонства нашего столетия – приписывает „возрождение масонства“ в России „трем важным событиям“: „поражению России в японской войне, революции 1905 года (и открытию русского Парламента)“ и – „буйному росту интеллигенции, вопреки всем запретам и препонам“ (стр. 15). Фактически, это всего лишь констатация **совершившегося** в этот именно хронологический период (то есть, еще до начала Первой мировой войны, в подготовке которой некоторые историки тоже улавливают масонский след). Что касается „интеллигенции“ – о „запретах и препонах“ ее **росту** до 1905 года (как и о „равенстве перед законом“) можно говорить, видимо, лишь в отношении собственно еврейской интеллигенции. Эта последняя проблема, впрочем, для Берберовой не существует, она замечает в одном

месте: „В мое время в России (и потом в эмиграции) главным фактором, которым определялась национальность человека, был язык. Не религия, как в Индии, не происхождение, как в США, а язык...“ (стр. 49).

*

Любопытны **методы** „возрождения масонства“, о которых с простодушной небрежностью рассказывает нам Н. Берберова (этот доверительный тон современницы событий придает особую достоверность ее откровениям). Выше упоминался М. Ковалевский – почтенный академик, редактор-издатель «Вестника Европы». Оказывается, он давно уже принадлежал к Великому Востоку Франции, и „в 1906 году приехал из Парижа, с директивой открыть первые ложи в России“ (стр. 131). В другом месте, более пространно, Берберова повествует, что Ковалевскому „было предложено проявить инициативу“ (вариант – на той же странице – „было поручено“): открыть ложи. „...И он отправился в Россию в этот первый пореволюционный год (1906) к открытию 1-й Государственной Думы, куда он был выбран. Через два года (!) в Москве, Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах, от Варшавы до Иркутска, было открыто не менее 18 лож“ (стр. 18). Если бы это написал какой-нибудь М. О. Меньшиков, или Н. Е. Марков (Второй), или Г. Бостунич-Шварц – видимо, сообщение было бы сочтено гнусным измышлением. Н. Берберовой – приходится верить.

В своей книге она приводит отрывок из не опубликованных до того Воспоминаний кн. Д. О. Бебутова, вместе с М. Ковалевским учреждавшим эти „первые масонские ложи в России“. С полной откровенностью князь описывает, как он открывал ложу в Москве: „Почти на глазах Столыпина и его многочисленной охраны, при всех строгостях всяких собраний, было организовано по всем правилам с полным ритуалом масонство. Масоны посещали тюрьму (в другом месте рассказывается, как прямо в тюремной камере была проведена церемония по-

священия „брата“ Маргулиеса – **Вл. С.**), устраивали ложи в двух столицах, а правительство со Столыпиным ничего не подозревало“ (стр. 191).

Это не совсем так. Имеется важное свидетельство современника-историка, со ссылкой на источник. С. П. Мельгунов в своих тюремных записях, какие он вел в 1920 году в Петербурге, отметил: „Столыпин в свое время весьма интересовался русскими масонами и поручил Департаменту полиции усиленно собирать о них сведения... Собранные материалы опубликованы были Департаментом в особой книжке. Однако, после революции нигде такой книги не оказалось, хотя я наводил справки“ (С. П. Мельгунов. Воспоминания и дневники, Вып. I – II. Париж, 1964, стр. 144).

Сама Н. Берберова сообщает: „О Керенском имеется секретное донесение Департамента полиции от апреля 1916 года, сделанное на 60-ти страницах очень тщательно, но там **нет ни слова о его масонстве**“ (стр. 26).

Итак, с одной стороны – невероятно быстрый рост масонских лож по всей России, с другой – поразительное **невнимание** к этому со стороны властей (или „внимание“, которое не приводит ни к каким конкретным выводам). Нечто подобное наблюдается и сейчас – со стороны историков и писателей, стремящихся воссоздать события той эпохи. Больше того – желающих **понять**, что же именно тогда произошло. Как бы ни относиться к масонству, закрывать глаза на вовлеченность в ложи „делателей Истории“ больше нельзя. Книга Н. Берберовой в этом смысле могла бы стать поворотным пунктом в работе историков. Историков Революции, Февраля 1917-го года – в первую очередь.

*

Известный (и всегда хорошо информированный) советский публицист Эрнст Генри поместил в №10 ежемесячника «Журналист» за 1981 год большую статью – „Масоны: незримая власть“ (не упомянуто в Библиогра-

фии Н. Берберовой). В значительной своей части статья Э. Генри посвящена „западным“ масонам, но автор касается и вопроса о масонах в России в предреволюционный период. Он ссылается на „опубликованные некоторое время назад за рубежом белоэмигрантами документы“, и фактически подтверждает данные, которые синтезировала в своей книге Берберова: называются имена Керенского, Гучкова, кн. Львова, Терещенко, „столпов кадетской партии“ – В. Маклакова, А. Шингарева и других, меньшевиков – Н. Чхеидзе, М. Скобелева. Правда, советскому журналисту все эти откровения „белоэмигрантов“ нужны для подкрепления **своего** тезиса: „Никакую народную революцию все эти кадетские, октябристские и меньшевистские масоны, однако, не готовили и были против нее, что впоследствии признал и Керенский. Повидимому (!), они были причастны к планам дворцового заговора, задуманного членом московской ложи миллионером Гучковым, и намеревались учредить 'конституционную монархию' во главе с кем-нибудь из династии Романовых... Но народ в октябре 1917 года опередил (!!) масонских заговорщиков“ (стр. 69).

Совсем недавно известный советский литературный критик В. Кардин в либеральном «Новом мире» (№ 7, 1987 г.) негодовал: „Были пущены в ход низкопробные сплетни (?) о масонах, как инспираторах революции“.

После кропотливой работы А. И. Солженицына над историческими источниками, можно сказать, „обрел плоть“ его тезис о том, что так называемая Октябрьская (большевистская) революция представляет собой закономерное **следствие** Февральско-мартовской революции 1917 года. (К сожалению, в своем „повествовании в отмеренных сроках“ писатель не пожелал коснуться вовсе масонской темы, почти обошел ее молчанием: хотя именно для **художественного** воспроизведения тогдашних событий тема эта представляется особенно благодатной).

Участие же масонов в подготовке Февраля, и особенно, их **вдохвляющую** роль (именно – „инспираторы“!) можно считать доказанным, в частности, после системати-

зации накопившихся материалов в книге Н. Берберовой.

Она дает довольно точную хронологию, демонстрирует динамический рост масонских лож, которые отнюдь не бездействовали. 1907 - 08 годы: петербургская „Военная ложа“, „в которую, наряду с Гучковым, генералом Гурко, Половцевым входили высокие чины (генерал Алексеев среди них)“. 1912 год: „Был в строгой тайне создан 'Верховный Совет Народов России', который контролировался масонским Конвентом. Уже через год в этом Совете в качестве 'Секретарей' - должности в масонской ложе - оказались Керенский, Терещенко и Некрасов“. 1915 - 16 годы: „открылось сразу несколько новых лож, в том числе 'Думская ложа'. В ней очень скоро оказалось около 40 человек... В это же время 'Верховный Совет Народов России' поручил всем Досточтимым Мастерам русских лож на территории Российской Империи составить список будущего правительства (!), когда произойдут, наконец, желанные всем перемены“ (стр. 25, 26).

Далее Н. Берберова сообщает: „1917 год оказался для русских масонов апогеем их деятельности, но общество оставалось сугубо тайным, - может быть, еще более засекреченным, чем до революции. В первый состав Временного правительства (март-апрель) входили десять „братьев“ и один „профан“... П. Н. Милюков“ (стр. 30). Как мы отметили выше, относительно П. Милюкова имеются обоснованные подозрения, что он (и его окружение) **скрывал** свое масонство. В последнем составе Временного правительства (Директории) - сентябрь-октябрь - „масонами были все, кроме Карташева“ (стр. 31).

В этой короткой рецензии мы не имеем возможности привести **в с е** данные Берберовой - которые сами по себе представляют своеобразный (хотя и беспорядочный) **синтез**. Отметим только, что такой основательный историк, как Г. М. Катков в его монографии „Февральская революция“ (Париж, 1984) неоднократно говорит о роли масонов. В частности, подтверждает приведенное уже у А. Селянинова: „Рост оппозиции внутри кадетской партии был отчасти обусловлен влиянием тайных масонских обществ,

которые приобрели среди кадетов немало верных адептов“ (стр. 33). Вместе с тем Катков весьма уклончив – в специальной главке „Русское политическое масонство“ (стр. 175 - 182), и странно неточен: говорит о „возрождении“ политического масонства в... 1915 году. Во всяком случае, он признает, что „подготовка государственного переворота, имеющего целью устранение Николая II – область, в которой масоны сыграли наиболее заметную роль“ (стр. 182).

*

„Что привлекло столь разнообразных людей в масонство?“ – задает вопрос Г. М. Катков (стр. 180). Будучи склонен „объяснить это психологическими факторами“, на деле он никак не объясняет ничего – и по недостатку места, и в силу того, что он вовсе не склонен усматривать руководящую роль масонов в событиях Февраля. Правдоподобного объяснения, конечно, мы вправе ожидать скорее от писателя, нежели от историка.

Н. Берберова известна в эмиграции, как автор нескольких романов и любопытных мемуаров; несомненно, у нее есть вкус к психологизму. И она не могла не задуматься над естественно возникающим перед читателем вопросом: каким образом оказались в масонских ложах – представители древнейших и благороднейших русских фамилий, среди предков коих были даже православные святые, во всяком случае, „предки которых служили России около 300 лет“?! А в списке мы находим немало титулованных „братьев“...

„Принимая во внимание их титул, их класс, роль их предков в русской истории, а иногда (?) и их религию, мы не знаем, и вряд ли узнаем, как пришли к такому решению Трубецкие, Долгоруковы, Шаховские, и сколько длились их колебания“ – пишет исследовательница. Действительно: „дать клятву, которая превосходит по значению все остальные клятвы, включая и ту, которую дает человек Государству, которому служит, которую дает человек

религиозный, положив руку на Евангелие, в верности своей родине и вере. Принять ритуал, поклониться эмблемам без скептических усмешек...” (стр. 55 - 56). А ведь именно „скептические усмешки“ **в отношении обрядов Православной Церкви** были почти правилом у тех российских вольтерьянцев, которые и поставляли кадры высшим „градусам“ масонских лож!

Самое простое объяснение находим у завязтых врагов масонского братства. Так, полковник Ф. Винберг, автор известной книги „В плену у обезьян“, говорит о „меднолобых“, добровольных служителях „богини Глупости“, „с ее деятельными помощниками и сотрудниками – Тщеславием, Самомнением, Самонадеянностью и Самоуверенностью“.

Хотя А. И. Солженицын и не раскрывает масонскую принадлежность князя Г. Е. Львова – главы Временного правительства – уже сам иронический **т о н** повествования о том, „как влекло князя Львова в политическую карьеру“ („Красное колесо. Узел III. Март Семнадцатого“, стр. 212), свидетельствует со всей очевидностью, что перед нами – один из служителей „богини Глупости“. Но и не только. „Разоренное имение, на княжеском столе – черный хлеб да квашеная капуста...” – описывает Солженицын его детство. Но ведь – настоящий князь, и даже потомок Рюрика! Казалось бы, должно было быть и **достоинство!**

Н. Берберова трогательно описывает „казус“ кн. П. Д. Долгорукова, расстрелянного чекистами после ареста при очередном нелегальном „походе“ в Россию из-за рубежа. Писательница рассказывает: „Масонство он принял не сразу. Мы не знаем, как долго его уговаривали, и кто именно. Но он постарался сначала пойти на небольшой компромисс: это было конспиративное общество, в которое тоже „посвящали“, оно называлось „Общество мира“. Павел Дмитриевич основал его в 1909 г. в Москве. В Петербурге было открыто отделение – Ковалевским, конечно. Основатель кадетской партии, член ее ЦК, председатель кадетской фракции во 2-ой Гос. Думе, а в 1915 г. – Председатель кадетской партии, –

среди ближайших друзей Долгоруков насчитывал Маклакова, проф. Кизеветтера, Тесленко – все они были масоны. В 1911 году „Общество мира“ насчитывало уже 324 человека“ (стр. 56). „Когда именно его посвятили, остается неизвестным, но в 1915 году он был уже Мастером“ (там же).

Особую главку в книге „Люди и ложи“ автор посвятила Великому Князю Н. М. Романову – тоже расстрелянному большевиками. Брат „мистического масона“, Вел. Кн. Александра Михайловича, Николай Михайлович описывается Берберовой с теплотой и симпатией. Сообщает она и такую пикантную деталь: „Одним из его любовников был Вел. Кн. Дмитрий Павлович, сын Павла Александровича, иначе говоря – двоюродный брат Царя и один из убийц Распутина“ (стр. 194)... Известно, что тайные общества и организации нередко используют пороки людей – для шантажа и вовлечения... Итак, не только „богиня Глупость“.

И уж совсем „волнителен“ коротко описанный в книге Берберовой случай еще одного князя – Гр. Н. Трубецкого – „видимо большого идеалиста“, ставшего московским масоном еще задолго до Первой мировой войны. Позже, в эмиграции, оказывается, он даже „выстроил небольшую православную церковь на своем участке“ под Парижем (стр. 54).

*

В советском атеистическом журнале «Наука и религия» (1987, № 7) опубликованы отдельные записи из Записной книжки известного историка В. О. Ключевского. Совсем недавно, в атмосфере „гласности“, прокатилось по советской прессе требование читателей – переиздать сочинения Ключевского, которые невозможно достать в книжных магазинах, на которые существует постоянная очередь в библиотеках. Вообще говоря, работы Ключевского в советское время переиздавались и неоднократно: сразу же после революции, в 1918 - 19 году издано было

Собрание его сочинений. Поэтому и знают его имя, хотя и не читают его. Знак добрый – интерес к нашим дореволюционным историкам. Вот очередь дошла даже и до публикаций дневниковых записей – которые сам историк нежно именовал „моими бриллиантиками“: „они всплыли из небытия через три десятилетия после его кончины“ – поясняет автор статьи в «Науке и религии».

Но нельзя не согласиться с ним, когда он замечает: „Бриллиантики“ Ключевского вызывают изумление – **критическим отношением к православной вере и православной Церкви...**“ Мало сказать – „критическое отношение“: эти записи – кощунственно-оскорбительны для верующего русского человека, а их циничское „остроумие“ – самого низшего пошиба, достойное какого-нибудь Лео Таксиля. И это – признания историка, воспевшего „значение преподобного Сергия для русского народа и государства“, восторженно писавшего о „содействии Церкви успехам русского гражданского права и порядка“! Поистине, какой-то смердяковской гнилью тянет со страниц этой Записной книжки, „обтянутой черным шелком“.

„Записи историка оставляют и ощущение загадки, – продолжает автор из «Науки и религии». – Загадки, которую нам вряд ли когда-нибудь удастся разгадать“.

Но вот, книга Н. Берберовой помогает нам „разгадать“ и эту загадку. Даже не останавливаясь на этом специально, мимоходом, она упоминает о том, как к 1906 году, при содействии все того же неутомимого М. Ковалевского, „были введены во французское Послушание Великого Востока пятнадцать русских“. В их числе был – Василий Осипович Ключевский...

Впрочем, **загадка** все же остается. **Что** именно побудило выходца из родового сельского духовенства, профессора Московского университета, читавшего лекции и в Духовных академиях, восхвалявшего, в частности, Александра III после его смерти – вступить в масонскую ложу? Каковы были действительно его „заветные верования и убеждения“? В Париже недавно переиздали его наиболее „церковные“ речи – под названием „Церковь и Россия“

(ИМКА-пресс, 1969). В Предисловии здесь говорится: „Отказавшись от духовного поприща, В. О. Ключевский оставался православным и до конца дней исповедывал 'великую истину Христа', хотя и относился сурово к ее историческим проявлениям“.

Трудно согласовать православное вероисповедание с принадлежностью к масонству; Церковь говорит, что это и вовсе невозможно. Ну, оставался бы Василий Осипович **просто** историком, – как его коллега по Московскому университету, проф. А. А. Кизеветтер, видный кадет и масон. Почему – двоедушие, двоемыслие, лицемерие? Поистине, феномен русской интеллигенции таит в себе много неразгаданного... Чуть ли не изначально присущ членам этого „ордена“ (по определению Г. П. Федотова) особый комплекс, который можно было бы назвать „комплексом Ивана Карамазова“. Ну, а Иван Карамазов, – как доказала недавно советская достоевистка В. Ветловская – был... масоном.

*

К сожалению, в книге Н. Берберовой интеллигенции – творческой, художественной – уделено внимания меньше всего; она всецело поглощена материями политическими. Между тем, это тема, заслуживающая особого изучения. Мельком упоминается ложа „Люцифер“ – название вполне в духе эпохи! „В нее, по документам, не внушающим полного доверия, входили некоторые поэты символисты: Вяч. Иванов, Брюсов, Белый и друг Белого А. Петровский“ (стр. 24). Далее называется Д. С. Навашин – близкий к кругу московских литераторов-модернистов; после революции оказавшийся в Париже – но в качестве „крупного советского экономиста“. Он был тайно убит во время прогулки в Булонском лесу. Навашин участвовал во французской ложе, но приписать его убийство масонам может только художественное воображение (например, Роже Пейрефитта). Он не поехал в Москву, когда его туда вызвали – дело было в начале 30-х

годов...

Мотивы заинтересованности „иллюминатами“, „мартинистами“, „розенкрейцерами“ у поэтов-модернистов не составляют большой тайны: таков был „дух эпохи“. Так, например, В. Брюсов – „погружается в черную магию, оккультизм, спиритизм; им овладевает жажда разрушения окружающего мира“. Так пишет о поэте-символисте М. Агурский в своей книге „Идеология национал-большевизма“. Этим он объясняет, почему В. Брюсов признал... „национальный характер большевистской революции“. Во всяком случае, полезно помнить, что до того, как Брюсов вступил в партию большевиков, он побывал и в масонской ложе...

*

Остается, наконец, еще одна категория адептов масонских лож, какой придается всегда особое значение: военные, офицеры. „Загадок“ здесь, пожалуй, поболее, чем с интеллигентами или носителями громких фамилий – ведь речь идет о нарушении воинской присяги.

О том, что масонское руководство придает громадное значение присутствию в ложах военных, свидетельствует в книге Берберовой все тот же болтливый не в меру князь Бебутов. Он писал в 1915 году: „Мне всегда представлялось, и сейчас в этом убежден, что только при надлежащей организации масонов и, конечно, при твердом решении участвующих подчиниться масонской дисциплине, можно достигнуть каких-нибудь реальных результатов. Этому может служить примером Турция, Португалия“. И далее, без всякого перехода: „Без войска никакая революция, никакой переворот немислим, а **пропагандировать войско, главным образом офицеров, можно только при посредстве масонов**, а не подпольной литературы, которая вовсе не в духе русского офицера“ (стр. 186). Конечно, князю можно было бы задать вопрос: а насколько „в духе русского офицера“, присягнувшего своему Государю, обязавшемуся служить „вере, царю и оте-

честву“ – участвовать в масонских ложах? Правда, движение декабристов составляет исторический прецедент – но с этой точки зрения оно изучено далеко недостаточно. Остается фактом существование „военных лож“ среди высшего офицерского состава Императорской Армии – о чем мы уже цитировали Берберову. Явление „генералов-изменников“ не должно особенно удивлять в свете этого – фактически, они отреклись от Государя еще до Его вынужденного отречения.

Н. Берберова меланхолически замечает о русских офицерах-масонах предреволюционного периода, так называемых „младо-турках“: „Глядя на кривую восхождения этих молодых полковников, а потом – генералов, невольно думаешь о судьбе этой группы людей, молодых, энергичных, честолюбивых, у которых не оказалось в конце ни карьеры – длившейся всего несколько месяцев, – ни каких-либо реальных достижений. Они оказались вне русской реальности, взлетели как метеоры и погасли, не успев покрасоваться перед публикой в краткий срок, со всеми своими чинами, повышениями и отличиями“ (стр. 51). Так неужели всего лишь желание „покрасоваться перед публикой“ толкало этих блестящих военных на нарушение присяги?

Этим „младотуркам“ посвящает немало места в своем „Красном колесе“ А. И. Солженицын (ни разу не проговариваясь, впрочем, об их причастности „братству“). „Собранные все тем же Гучковым“ – обронил фразу писатель...

О А. И. Гучкове мы недавно много узнали из повествования Солженицына, который любовно изображает своего героя, как „единомышленника и соперника“ Столыпина. В особых „Замечаниях Автора“ (к Узлу 2-му) сообщается, что „для А. И. Гучкова, кроме всех общественных материалов, использована его неопубликованная переписка и семейные свидетельства“. Но так много делающий своей циклопической работой „ради молодых своих соотечественников“ – для лучшего познания ими „близкой истории нашей страны“ – писатель в данном

случае упустил сообщить о Гучкове факт немаловажный.

Мы приводили свидетельство Н. Берберовой о „Военной ложе“, в которую входил А. И. Гучков уже в 1907 - 1908 гг. У нее же: „Генерал Сухомлинов называл его 'масоном первого призыва'“ (стр. 123). Она достаточно детально разбирает „казус“ Гучкова.

Замалчивание масонства Гучкова, имеет давнюю традицию. В своей книге 1931 года „На путях к дворцовому перевороту“ С. Мельгунов считал „возможным“ принадлежность к масонству 15-го года Львова и Гучкова; однако историк добросовестно оговорился: „но никаких конкретных данных для подтверждения гипотезы нет“. И далее, с неподражаемой наивностью, пояснил: „Гучков числился в рядах 'правых'“ (стр. 191).

В книге Берберовой приводится письмо Б. Николаевского к Н. Вольскому (Валентинову) от ноября 1955 года, с категорическим утверждением: „Гучков масоном не был“ (стр. 199). Исследовательница делает к этому хладнокровное примечание: „Николаевский в это время был жертвой дезинформации и через несколько лет узнал о Гучкове правду“ (стр. 205).

Эта правда содержится в письме Вольского Николаевскому (27 ноября 1959 года), тоже приводимом в книге: „Гучков был масоном, но масоны отвернулись от него...“ (стр. 200).

А. Солженицын в „документальной“ главе о Гучкове (Узел 2-ой „Октябрь Шестнадцатого“, гл. 41) ничего не говорит о его принадлежности к „Военной ложе“. но указывает, что „в вопросы военного ведомства Гучков входил особенно глубоко... Завязал связи и с генералом Василием Гурко и в военно-морских кругах“. Вместе с тем в самом романе имеется эпизод „Гучков о масонах“: ресторанный разговор с „простаком“ Воротынцевым и Свечиным. Непримиримо настроенный к масонам (и евреям) генерал Свечин прямо спрашивает Гучкова: „Вы сами, честно говоря, хотя все равно не скажете, - не масон?“ На что этот последний - „вид откровенный, лоб ясный“ „тоже усмехнулся“: „Честно говоря, мне лично не предла-

гали, или когда-то несерьезно. Хотя чувствую, что кто-то где-то зачем-то вступает. Но я б никогда не вступил. Я – монархист, и уже поэтому не мог бы быть масоном. Масонство – это моральная нечистота: смотреть людям в глаза и обманывать их. Немужественная игра. Хочешь действовать – действуй прямо, открыто, а зачем по закоулкам, в масках? Мне кажется, историю можно делать и объяснить без масонских тайн...” (там же, гл. 40).

Как тут не вспомнить о том самом „священном“ и „тайном“ **праве** масонов отрицать реальный факт, и особенно – свою принадлежность к „братству“ – о котором предупреждает Н. Берберова на первых страницах своей книги!

Гучков, во всяком случае, не прямо военный – и двигали им, если верить современнику, „непомерное честолюбие, ненависть к современному режиму и к Государю Императору Николаю II“ (см. Г. Катков, стр. 162). А те **военные**, которых он вовлекал в свои интриги и, как следует из документов – в ложи? Ведь масонская присяга шла раньше присяги военной, а подчас – и вразрез с нею. Загадок остается немало. Их не решает ни книга Н. Берберовой, ни обширное повествование А. И. Солженицына, посвященное описанию сотен и тысяч человеческих судеб в круговращении Революции...

Относительно участия военных в масонском братстве приведем любопытный эпизод из романа современного французского писателя Роже Пейрефитта. В своем романе „Сыны света“ – целой энциклопедии скандальных сведений о масонах – он вкладывает в уста одному персонажу следующий рассказ: „Во время оккупации Австрии союзниками, в Вене состоялись масонские похороны одного французского офицера. Его 'братья' из французских, английских и американских подразделений возложили на себя знаки. И – о, удивление! Их советские товарищи появились – и они тоже! – в фартуках и лентах. Они сказали, что Сталин разрешил военные ложи, под прикрытием внешней враждебности. Эту информацию французские масоны постарались особенно не распрос-

транять. Мы ее получили от одного французского капеллана“ (Roger Peyrefitte. „Les Fils de la lumiere“, Paris, Flammarion, 1961, p. 95).

Трудно сказать, насколько соответствует истине рассказанное французским писателем. Но вот факт не менее любопытный, приводимый Н. Берберовой - и изложением его мы закончим нашу затянувшуюся рецензию. Она говорит о нашумевшем случае: посещения советского посла в Париже русскими эмигрантами в 1945 году, когда Красная Армия начала штурм Берлина. „Делегацию“ возглавил В. А. Маклаков, бывший посол Временного правительства в Париже; все, кто пошли к советскому послу, „все без исключения были масонами“ (стр. 240).

**Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:**

**RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118- 120 (West Germany)**

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

НАМ ПИШУТ

Уважаемый г-н Редактор!

Настоящее мое письмо касается опубликованной Вами переписки Н. Эйдельмана - В. Астафьева, вернее, одной побочной ее темы: о пушкиноведах, лермонтоведах и пр.

В. Астафьев пишет: „Возрождаясь мы можем дойти до того, что станем /.../ писать на родном языке, а не на навязанном нам 'эсперанто', 'тонко' названном 'литературным языком'“.

Действительно, русский язык коверкали и портили мощным коллективным усилием, десятилетия. Я хочу привести примеры этого, из самых высоких кругов литературного Олимпа.

В №24 «Вече», в связи с дискуссией о славянофилах («Грани» - Б. Парамонов, «Вече» - В. Щубачеев) промелькнуло имя Н. Я. Берковского. Б. Парамонов пишет о нем в «Гранях», как об ученом, знатоке русской литературы, и, в частности, проникновенном исследователе глубин славянофильства.

Опусов Н. Берковского о славянофилах читать не довелось. Но вот, его исследование о Чехове, оставило незабываемое воспоминание. Это - вступительная статья к полному собранию сочинений Чехова. Статья в своем роде ошеломительная.

Чтобы не было голословно, приведу ниже образцы стиля:

„У Чехова есть сходство с 'Записками охотника' “...
„...дуэльное дело между фон Кореном и Лаевским“.
Дальше – по аналогии? – „дела искусства“.

„...выразительная фигура Анисьи, змеобразной женщины, недоступной начисто мотивам честности“.

„Русская проза в таком богатстве разработала жизнь и нравы страны...“

„Кавказ, как поприще, где ищут для себя применение лишние люди...“

Ниже – несколько блестящих мыслей Н. Я. Берковского:

„Фабульное оживление поступает в прозу Чехова из таких источников, как уголовщина, большая или малая, чаще – малая“.

„Буржуазное богатство, по Чехову, не более, как новая подробность в составе старой традиционной России от Рюрика и от Святослава“.

„И если старый профессор жалуется, что в его науке и его мышлении не было Бога, то это значит, /.../ что Бог устарел, как устарел и сам профессор“.

„Русская литература 19-го столетия живописала казенную и буржуазную Россию как силу временную, под которой ходят подлинные силы, ожидающие, когда же будет назначен их час. Чехов вносит в сложившийся образ России свои отличия“.

„Когда на краях современного быта появляются дети, то быт лишается своей безусловности, своего догматизма“.

И т. д., и т. п. В этом стиле формы и содержания, сорок страниц мелкого убористого шрифта!

Если бы такое „тонкое“ сочинение написал посредственный ученик средней школы, то и он озадачил бы своего учителя.

Ученый, и „проникновенный исследователь“ глубин славянофильства... Возможно, что так и есть, но как-то умаляется вера в то, что человек, способный писать таким языком, может проникать в святая святых русской духовности. Представляется, что главным содержанием, значе-

нием и смыслом русской литературы нужно считать облагораживание души, которым она вся заряжена. И вот, именно это, главное, старательно выкорчевывалось десятилетиями, усилиями целой армии „историков литературы“. И были то залпы не только по русской литературе, но и по самой русской душе.

Как же решить загадку „раздвоенности“ Н. Берковского? С одной стороны „глубокое проникновение“, с другой – обмеляющее обмеление? Может быть, эта загадка имеет психологический характер? Приводимые Б. Парамоновым цитаты – вполне литературны и на „высоте“. Откуда же эта снисходительно-пренебрежительная развязность, нарочитая залихватскость в обращении с языком в другом месте? Можно предположить, что ни на одном из доступных профессору европейских языков, он себе подобных вольностей не позволил бы.

И вот здесь думаешь именно о психологической стороне этого явления. Плакатное упрощенчество, примитивизация мысли. „Нигде кроме, как в Моссельпроме“! Работает высокомерный принцип: „Мог бы я иначе, но это для вас, не для нас“. Так, будто автор, попав на остров, где дикари съели капитана Кука, старался бы приспособить для них язык. Но ведь вульгарен и нелеп его язык, он даже хуже языка дикарей! Вульгарность хуже примитива.

Все познается в сравнении. Нельзя себе представить ни Цицерона, ни Софокла, изъясняющих на халтурном языке халтурные мысли. Не могли бы ни Пушкин, ни Гоголь, ни Толстой, ни Достоевский, ни Чехов!

Ап. Сукало, ФРГ

Многоуважаемый г-н Красовский!

Так получилось, что почти одновременно с „перепиской“ Эйдельмана - Астафьева, напечатанной в 25-м

«Вече», мне попалась в руки старая книжка В. В. Шульгина „Что нам в них не нравится“ – об антисемитизме в России. Познакомившись с полемикой вокруг писем, напечатанной в 26-м «Вече», я снова перечитал эту книжку, и вижу в ней ответы на затронутые в полемике вопросы и проблемы. Очень злободневные мысли высказывает Шульгин, которые лишний раз подтвердили – каждый по-своему – и Н. Эйдельман, и В. Астафьев.

Говоря его словами (это относится как к Натану Яковлевичу, так и к многочисленным его адвокатам в нашей эмиграции) – „лишний раз сказалось непонимание со стороны евреев русской психологии, нечувствительность к тому, что собственно родит антисемитизм...Для русской души нет ничего более отвратительного, чем упорное, жестоковейное еврейское запирательство, нераскаянность, замазывание морей крови океаном лжи“. Эти постоянные призывы „либеральных“ евреев – в Советском Союзе, и здесь, в эмиграции – чтобы русские „винили себя“, брали вину на себя, каялись перед всем миром, – ведь это и есть *жестокосейная нераскаянность*, о которой говорит справедливо Шульгин. В. Астафьев называет это – „перекипевшим гноем еврейского высокоинтеллектуального высокомерия“.

Слава Богу, не все евреи таковы. Приведенное в «Вече» письмо из Америки Юрия Штейна говорит о совершенно иной позиции, разумной и дальновидной. Он верно объясняет и резкий тон ответного письма русского писателя, которого явно хотели *спровоцировать*, чем и вызвали гнев немолодого уже человека.

И еще есть в книге Шульгина одно интересное место. Он писал о евреях, которые совершенно прониклись русской культурой. Такой, судя по всему – Эйдельман, а у нас в эмиграции господ Синявский, Любарский, пожалуй, В. Максимов. Шульгин говорит: „И все же этот еврей, вся душа которого наполнена русской культурой, *будет разрушать действенную русскую силу*, эту культуру создавшую и создающую. Будет разрушать, ибо эта сила стоит ему поперек дороги; той дороги, которая в его

самых сокровенных мыслях русская, а на самом деле еврейская“.

Извините за длинные цитаты, но книга Шульгина редкая, а выражается он исключительно точно и правильно. Он не просто печатает сразмаху, как в русскоязычной печати, а понятно все объясняет. Вот последняя цитата из его книги „Что нам в них не нравится“:

„Возьмем, например, газетное дело, столь важное в нынешней жизни; такое важное, что кто владеет печатью, в значительной мере является властителем умов читающего, то есть мыслящего, то есть руководящего жизнью, населения. Можно себе представить (потому что это уже было), что евреи, при их способности к газетному делу, завладеют в будущем русской печатью. Значит ли это, что печать после сего останется русской? Можно ли утверждать, что такая печать, находящаяся в еврейских руках, – русская только потому, что она пользуется русским языком? Не думаю“.

Шульгин продолжает: „Можно допустить, что евреи – газетные работники искренне будут думать, что они совершенно обрусели и *лучше самих русских понимают, что русским нужно* (!). Но из того, что они так будут добросовестно думать, вовсе не следует, что именно так и есть. Евреи не варяги. В них страшно сильна их еврейская кровь, которая диктует им их еврейские устремления. Они могут по-видимости совершенно впитать в себя чужую культуру (в данном случае русскую), но сидящая внутри их сильнейшая еврейская воля... повлечет их... по еврейскому пути. И такие евреи, работники культуры, будучи совершенно искренне убеждены, что такая-то форма общезжития нужна не им, евреям, а всему русскому народу, будут с необычайным упорством проводить именно сию форму, которая в действительности выгодна не русскому народу, а им, евреям“.

Но хватит с Шульгиным, вернемся к полемике вокруг переписки Эйдельмана с В. Астафьевым. В статье Б. Гройса, которая приводится в «Вече», поражает все тот же „гниой еврейского высокомерия“ в отношении к явлению

Русского национального и духовного возрождения – а ведь этот Гройс, кажется, совсем недавно выехал из Советского Союза. Он почему-то считает, что „требование культурной монополии“ в русской культуре со стороны русских – „конечно, направлено в первую очередь против евреев“. Значит, культурная монополия должна и впредь оставаться за евреями? Но ведь это еще один новый диссидент из СССР, Борис Хазанов в своей вызывающе антихристианской книге „Идущий по воде“ написал, черным по белому: „Заполнив вакуум, образовавшийся после истребления русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией“. Но после таких высказываний не должен удивлять резкий тон ответа В. Астафьева, который болеет за русскую культуру и за русский народ. И нам, русским, конечно, душевно близко все, что пишет писатель В. Астафьев, хотя мы и никакие не антисемиты.

Вызывает досаду „ответ“ Михаила Назарова, тоже напечатанный в «Вече» – видно, что ему очень не хочется обижать евреев, и это его первая мысль в статье. Он выступает против русских „экстремистов“ – но неужели он не видит и не чувствует *еврейского экстремизма*, как у Натана Эйдельмана, так и у Бориса Гройса? И почему это для него „ведущие личности“ в Русском национальном возрождении, наряду с В. Распутиным (В. Астафьев сразу же отодвигается в сторону) – С. Аверинцев (чем он заслужил такое лидерство?), академик Д. Лихачев (недавно награжденный „Героем социалистического труда“ и назначенный Председателем Советского Фонда Культуры, созданного для того, чтобы от эмигрантов перетащить в советские запасники культурные ценности)? „Видными литераторами“ называет он Астафьева и Эйдельмана – это что, чтобы никому не было обидно? И удивляет немного такой дидактический тон у Михаила Назарова – как будто он всем нам лекцию читает, как надо понимать Русское национальное возрождение. Рождается законное сомнение, понимает ли сам он, что это за явление, если позволяет себе такие скользкие выражения, как: „проблема соучастия (!) большевиков еврейского происхожде-

ния (?) в разрушении русской 'буржуазной' культуры после революции".

И последнее замечание в моем, извините, затянувшемся письме. Я тут назвал некоторые фамилии, о которых не всем ясно - евреи они или нет. Так вот, последнее замечание, очень своевременное, все из той же злободневной книжки Шульгина: „Почему чистокровные евреи могут быть одновременно и евреями, и русскими, но еще не было на свете русского по крови, который утверждал, что он настоящий русский и он же еврей?“.

С уважением к Вам

Старый подписчик «Вече»
И. Жеглов.

Уважаемая редакция альманаха «Вече»!

Очень интересен был „круглый стол“ в январском номере журнала «Страна и мир» за этот год. За „круглым столом“ обсуждались темы: что происходит в СССР, реальны ли перемены, каковы возможные их последствия и роль их в истории страны. Высказано много мнений, но одно из них, принадлежащее А. Янову, настолько „оригинально“, что думаю, к нему следует прислушаться не только людям, читающим русскоязычные органы печати. Поэтому пишу в «Вече», чтобы оповестить его читателей о любопытных откровениях г-на Янова.

Янов выступает как творец теории общей „антагонистической природы политического процесса в России, от начала ее имперского существования“. Суть этой теории в том, что каждый режим разрушает предшествующий ему. (А мы то думали, что в России был, как нигде, крепкий

костяк государственного строения, именно в силу этого и выстоявший в испытаниях веков!).

В качестве примера, подтверждающего теорию, приводится А. Яновым Столыпин, который „думая, что укрепляет монархию, разрушал основы средневековой империи, желая создать ее врага, сильный средний класс“. Версию, что реформы Столыпина укрепили бы государство, Янов отбрасывает... Александр II – тоже разрушал монархию, так как выводил империю из состояния средневековости своими реформами.

Александр III, как и следует ожидать, согласно теории, разрушал то, что сделал Александр II – „в силу антагонистической природы русского политического процесса“. Только вот, не упоминает Янов, почему Александр III положил под сукно реформы и свободы, в том числе для евреев. И кто, и почему убил Великого Реформатора – именно за реформы! Ведь они отнимали лозунги – за что бороться... А чернышевским нужно было бороться во что бы то ни стало, громить, убивать.

Дальше все просто: Ленин – Антистолыпин, Хрущев – Столыпин. Только вот то, что Столыпин совершал, – Хрущев вилами по воде писал... Горбачев, теперь, тоже Столыпин, как и Хрущев.

Дидактический фундамент действия теории „антагонистической природы“: Горбачеву, после семидесятилетнего хозяйничания коммунизма приходится начинать все с начала! Янов не видит другого, более простого объяснения – хозяйничание коммунизма было временем беспрерывного убийства всего, что составляло Россию, и все заведено в смертельный тупик: и хозяйство, и народ, и вся страна. По Янову, никакая преступная глупость или органическая бесталанность коммунистического хозяйствования не относится к сущности коммунистической власти. А непременно связывается с отдаленными глубинами всей истории Государства Российского! *Загранная пластинка!*

А. Янов ни за что не хочет отделить современный политический процесс в СССР от такового, действо-

вавшего в веках в исторической России! И, странным образом, это обобщение помогает ему предельно ясно видеть все сегодняшние проблемы, и их решения!

Но все это – только „часть первая“. Следует – „часть вторая“. Читаем: „Россия обречена метаться в своей исторической ловушке /.../ до скончания времен, покуда *мировое сообщество* не поймет, что русские реформаторы нуждаются в его интеллектуальной и политической поддержке, чтобы раз и навсегда порвать заколдованный круг средневековой империи“.

Новое действующее лицо? Что за *МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО*? Кто оно? К счастью, проясняется, когда читаешь дальше: „Могло ли оно (т.е. – Мировое Сообщество!) помогать Столыпину, в котором видело 'царского сатрапа', раздавившего революцию, и пытавшегося спасти средневековый царизм с его дикими еврейскими погромами и постоянными нарушениями прав человека? Не естественней ли было для него (Сообщества!) помогать *самоотверженным антицаристам*, стремившимся раз и навсегда покончить с бесчеловечным полицейским режимом? Конечно, естественней“.

Нота бене, о революции и о Сообществе. Не только революция 1917 г., но еще и революция 1905 года была финансирована известным „сообществом“. Некие банковские дома переводили крупные суммы, еще и в 1904 – 1905 гг., как в помощь Японии, так и для организации пропаганды и разложения среди военнопленных русских солдат...

Нота бене – о помощи „самоотверженным антицаристам“: Как помогли, как участвовали, и какой режим установили – мы знаем. Как и то, что Мировое Сообщество – хорошо знало, что делало. Если даже и теперь, его наследники и продолжатели, имеют такое четкое обо всем представление.

Какова же по Янову роль Мирового Сообщества теперь? Ему надлежит понять мистически-реакционную суть России, из которой она не может вырваться без помощи этого просвещенного мудростью Мирового Со-

бщества. (Вероятно, что мудрости сопутствует и сила...).

Вот, оказывается, от кого мы все зависим!

Дальше, вроде, А. Янов признает, что из естественной позиции Сообщества, как и „доблестных антицаристов“ не вышло ничего хорошего, а наоборот – нечто ужасное. И что – гипотетическая предпосылка – помогать сейчас „доблестным антикоммунистам“ – тоже может привести к нивесть Бог чему?!

И здесь – „собака зарыта“! И скрытый смысл всего выступления А. Янова – *не помогать антикоммунистам!*

Кредо: помогать Горбачеву в его борьбе со средневековой империей! С оттенком горечи, А. Янов говорит: „Сегодня мы продолжаем делать то же самое, что делали доблестные антицаристы начала века...“

Позиция скользкая и противоречивая. Потому что А. Янов заключает мудрыми словами: „Судьба наших отцов и наша собственная решалась 80 лет назад в отчаянной борьбе Столыпина...“

С последним целиком можно согласиться. Но, вот только: избави нас Бог от Мирового Сообщества!

Н. Х и ж н я к, ФРГ.

Многоуважаемый Олег Антонович!

Если сочтете возможным, напечатайте, пожалуйста, в «Вече» о том, что думает русский человек, смотрящий открытыми глазами на происходящее вокруг.

Переписка Эйдельмана с Астафьевым и возникшая полемика вокруг общества „Память“, как в СССР, так и за границей, показательны во многих отношениях. Во-первых, и это самое важное, это доказательство возрождения русского национального духа, который не боится себя назвать, что в советских условиях, даже сейчас во время „перестройки“ и „гласности“, как известно, крайне рискованно. Во-вторых, письмо Эйдельмана показало насколько движение русского возрождения не по духу евреям и не только советским. Видимо, они будут всячески противиться этому возрождению и если почувствуют, что соотношение сил внутри СССР сложится не в их пользу – что как будто намечается – то прибегнут к помощи своих одноплеменников за границей, будь они русскоязычные или нет. И видимо, ничто их не остановит, чтобы скомпрометировать русский национально-православный дух, который во всех странах мира почему-то воспринимается как явление, достойное только враждебного отношения. Ни фальсификация, ни ложные утверждения, ни подтасовки не смущают воинствующих русофобов.

Примером может послужить опубликованное недавно во французской газете «Фигаро» интервью Льва Полякова, бывшего коммуниста, а ныне специалиста по советским делам. Вся суть статьи сводилась к тому, чтобы доказать, что общество „Память“ является катализатором исконно-русского расизма и шовинизма. В помощь русофобу для доказательства правильности его утверждений, цитируются Екатерина Великая и какой-то историк Юдин (sic!), которые, якобы, говорили о превосходстве русской расы.

Как бы невзначай, Поляков замечает, что еврейство Ленина еще не доказано и призывает в конце интервью бороться с русским национализмом, который в глубине

является носителем расизма, шовинизма и, главное, анти-семитизма – самого тяжелого греха из грехов. Такими же утверждениями заполнена вся русскоязычная пресса, в результате чего создается впечатление об оркестрованной антирусской кампании.

Понятно, что в ответ на это давление звучат в СССР голоса в защиту русского национального духа, но мало кто, как Астафьев, смеет открыто высказывать правду и напоминать исторические факты, которые преданы забвению – как вот например, убийство царской семьи.

Возникает вопрос, на каком основании такие люди как Эйдельман берут на себя смелость (чтобы не сказать нахальство) давать русским людям советы о том, как им следует себя вести, что дозволено им писать о России, что они должны думать, а о чем им думать запрещено, кого они должны уважать и любить?

Великая терпимость русского народа – расовая, национальная, религиозная – позволила создать многоязычную и многокультурную Российскую Империю, в которой ведущую роль играли далеко не только русские по крови. Но есть предел даже, почти безграничной, русской терпимости о чем следует всерьез задуматься всяким Эйдельманам и иже с ними. Поэтому хочется посоветовать им: не рубите сук, на котором сидите.

А. Ф., Париж.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РАДИО „СВОБОДА“ ОТ ТРУДЯЩИХСЯ РОССИИ

Дорогие братья, мы решили все-таки вам написать вот это письмо. Хотя, возможно, это и не так уж надо, но то, что в нас накопело, хотелось бы высказать.

Ваше радио „Свобода“ говорит на русском языке, и потому мы все же думаем, что вы все же наши и радио „Свобода“ – это наше, родное, хотя, что и говорить, вы часто так далеки от сути дела, что порой вас трудно понять, о ком и о чем вы говорите. Вот последнее время перестают глушить разные „голоса“. Но, по всей видимости, вас не перестанут. Значит, вы – злее других и чаще бьете в точку. Что вы молодцы, вы знаете, наверно, и сами, но вот же непонятно, о чем вы все-таки говорите последнее время. Вас не так часто можно слушать, да и времени у нас не так много свободного. С этой перестройкой – все вверх ногами, а сути дела не видно.

Ну так вот, от всего сердца все-таки хочется сказать: Что у вас там? Как ни включишь радио „Свобода“, так проблемы выезда да опять „бедные“ евреи, которым плохо в России. Конечно, понятно, это – проблема, не очень большая, но проблема. Но нам не кажется особенно необходимым забивать эфир „бедными отказниками“. В конце концов они уедут. И что дальше... Мы – русские и хотим, чтобы вы всегда помнили, что главное для вас – теплить добрым словом наши замерзающие от большевистского хаоса души. Вы – наша свеча, дарящая свет и надежду. что наша культура и история останется в правде и справедливости.

Пусть радио „Свобода“ больше подымает наши задачи. Задачи тех, кто остается здесь, тех, для кого Россия – родина, неотрезанная часть души. Мы хотим слушать правду об Истории, о культуре России. Где мы, простые люди, всю жизнь проводящие на работе, часто тяжелой и невыносимо гадкой, без смысла и отрады, еще услышим правду? ГДЕ?

Не будем писать, кто такие для нас евреи. Это долгий разговор. Да и лишнее о них в нашем письме. Придя домой после работы, хочется слышать о наших проблемах России. Пусть будут слова о нашем позоре и будущем Возрождении.

Мы надеемся, что вы дадите нам наше чисто русское и близкое.

На этом кончаем наше письмо.

С горячим приветом

русские рабочие.

4. 06. 87

Москва

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

N. Y. 11379

Tel. (718) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

15 нм

подписка на 4 номера

50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

9 ам. долл.

подписка на 4 номера

30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе — 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу
приложенным чеком

почтовым переводом

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VII^A С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**